

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

1

2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

Заместители главного редактора ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я. – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by

РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

Ответственный секретарь ЕФИМОВА Н. В. – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинёл К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Буняк П. Белградский университет, Белград, Сербия.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Академия образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гутовская М. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Копылов И. Л. Институт языкознания им. Якуба Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Кузнецов С. А. Центр экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Синькова Л. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Чеховский Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Намеснікі галоўнага рэдактара	ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: goncharova_s@tut.by
	РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: rovdos@bsu.by
Адказны сакратар	ЯФІМАВА Н. В. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
Алініэль К.	Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Буняк П.	Бялградскі ўніверсітэт, Бялград, Сербія.
Бутырчык Г. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Важнік С. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Валодзіна Т. В.	Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М.	Акадэмія адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Ваявода А. У.	Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Гутоўская М. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Дубінка С. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А.	Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Капылоў І. Л.	Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Колер Г.-Б.	Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А.	Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Кузняцоў С. А.	Цэнтр экспертыз Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лебядзінскі С. І.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В.	Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саверчанка І. В.	Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Саевіч М.	Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Сінькова Л. Д.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Старычонок В. Д.	Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Хаўстовіч М. В.	Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Хмяльніцкі М. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Цзян Цюнь	Даляньскі політэхнічны ўніверсітэт, Далянь, Кітай.
Чахоўскі Г. К.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шэпкен А. Г.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **PRYHODZICH M. R.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

Deputy editors-in-chief **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by

ROVDO I. S., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rovdos@bsu.by

Executive secretary **JAFIMAVA N. V.**, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
Bunjak P. University of Belgrade, Belgrade, Serbia.
Butyrchik G. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Chahouski G. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gutovskaya M. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Khmialnitski M. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Kopylov I. L. Yakub Kolas Institute of Linguistics of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Kuznetsov S. A. Centre of Expertise of the Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Lebedinskiy S. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Saverchanka I. V. Institute of Literature Researches of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Sheshken A. G. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Sin'kova L. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Valochka H. M. Academy of Education, Minsk, Belarus.
Valodzina T. V. Kandrata Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.581

В ПОГОНЕ ЗА МОДЕРНОВОСТЬЮ: О ПОВОРОТЕ В НОВОЙ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Н. А. БОРОВИК¹⁾

¹⁾Фуданьский университет, ул. Ханьданьлу, 220, 200433, г. Шанхай, Китай

Аннотация. В рамках панорамного обзора истории китайской поэзии XX–XXI вв. выявляются основные закономерности в развитии этого вида творчества на общедоступном варианте китайского языка *байхуа*. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что китайские поэты для модернизации национальной литературы прибегали преимущественно к западным и (или) советским формам художественной выразительности. Этот курс на вестернизацию поэзии был приостановлен лишь в начале XXI в. На примере стихотворений Вана Ао, Сяо Шуя и Чэня Сяньфа обосновывается переоткрытие китайскими авторами традиционной культуры, а также поворот к аутентичным элементам китайской цивилизации на формальном, содержательном, образном и языковом уровнях.

Ключевые слова: новая поэзия в Китае; модерновость; Ван Ао; Сяо Шуй; Чэнь Сяньфа; аутентичная культура; китаизация поэзии.

Образец цитирования:

Баравік М.А. У пагоні за мадэрнавасцю: аб павароце ў новай кітайскай паэзіі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2026;1:5–16.
EDN: WFWPBV

For citation:

Baravik MA. In pursuit of modernity: on the turn in the new Chinese poetry. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:5–16. Belarusian.
EDN: WFWPBV

Автор:

Никита Андреевич Боровик – аспирант кафедры современной китайской литературы факультета китайской филологии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Гао Юаньбао.

Author:

Mikita A. Baravik, postgraduate student at the department of modern and contemporary Chinese literature, faculty of Chinese language and literature.
mik.baravick@gmail.com

У ПАГОНІ ЗА МАДЭРНАВАСЦЮ: АБ ПАВАРОЦЕ Ё НОВАЙ КІТАЙСКОЙ ПАЭЗІІ

М. А. БАРАВИК^{1*}

^{1*}Фуданьскі ўніверсітэт, вул. Ханьдэньлу, 220, 200433, г. Шанхай, Кітай

Анацыя. У рамках панарамнага агляду гісторыі кітайскай паэзіі XX–XXI стст. выяўляюцца асноўныя заканамернасці ў развіцці гэтага віду творчасці на агульнадаступным варыянце кітайскай мовы *байхуа*. Вынікі даследавання дазваляюць зрабіць выснову аб тым, што кітайскія паэты для мадэрнізацыі нацыянальнай літаратуры ўжывалі пераважна заходнія і (або) савецкія формы мастацкай выразнасці. Гэты курс на вестэрнізацыю паэзіі быў спынены толькі ў пачатку XXI ст. На прыкладзе вершаў Вана Ао, Сяо Шуэя і Чэня Сьеньфа абгрунтоўваецца пераадкрыццё кітайскімі аўтарамі традыцыйнай культуры, а таксама зварот да аўтэнтычных элементаў кітайскай цывілізацыі на фармальным, змястоўным, вобразным і моўным узроўнях.

Ключавыя словы: новая паэзія ў Кітаі; мадэрнаваць; Ван Ао; Сяо Шуэй; Чэнь Сьеньфа; аўтэнтычная культура; кітаізацыя паэзіі.

IN PURSUIT OF MODERNITY: ON THE TURN IN THE NEW CHINESE POETRY

M. A. BARAVIK^a

^aFudan University, 220 Handan Road, Shanghai 200433, China

Abstract. The research conducts a panoramic review of the history of Chinese poetry of the 20th–21st century, identifying the fundamental patterns in the development of lyrical poetry in the vernacular Chinese language *baihua*. It concludes that Chinese poets on the path to modernisation primarily employed Western and (or) Soviet forms of artistic expression, and this course of westernisation in poetry was only halted at the beginning of the 21st century. Through the example of poems by Wang Ao, Xiao Shui, and Chen Xianfa, the study demonstrates the rediscovery by Chinese authors of their own traditional culture, as well as a return to authentic elements of Chinese civilisation at the formal, thematic, imagistic, and linguistic levels.

Keywords: new poetry in China; modernity; Wang Ao; Xiao Shui; Chen Xianfa; authentic culture; sinicisation of poetry.

Уводзіны

Новая паэзія на *байхуа* (白话新诗) па праве можа лічыцца ўнікальнай з’явай у гісторыі кітайскай літаратуры. Крыху больш чым за сто гадоў свайго існавання яна дала свету такіх выбітных асоб, як Му Мут’ень¹ (穆木天, 1900–1971), Фэн Джы (冯至, 1905–1993), Б’ень Джылінь (卞之琳, 1910–2000), Оўян Дзяньхэ (欧阳江河, н. 1956), Джан Дзао (张枣, 1960–2010), Сі Чуань (西川, н. 1963) і многіх іншых. Аднак на фоне шматвяковай гісторыі кітайскай цывілізацыі час існавання гэтай паэзіі здаецца нязначным, за што яна неаднаразова крытыкавалася як кітайскімі (Вэнь Ідуо, Джэн Мінь, Е Вэйльень), так і замежнымі (С. Оўвен, В. Кубін) аўтарамі і даследчыкамі. Тым не менш гэта крытыка не змяняе вынікі і мастацкія поспехі, якія з 1910-х гг. дэманструе новая паэзія Кітая. Менавіта праз прызму паэзіі – ключавога віда кітайскай літаратуры – можна ясна прасачыць за зменамі, што адбыліся ў ёй на шляху да мадэрнаваці.

Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца панарамны агляд гісторыі кітайскай паэзіі XX–XXI стст. для выяўлення ключавой тэндэнцыі да кітаізацыі новай лірыкі пасля працяглага перыяду вестэрнізацыі. Каб дасягнуць пастаўленай мэты, рашаліся наступныя задачы:

- прасачыць асноўныя заканамернасці і вектары развіцця паэзіі на *байхуа* ў разглядаемы перыяд;
- зафіксаваць і ахарактарызаваць зварот да аўтэнтычных элементаў кітайскай культуры ў пачатку XXI ст. на матэрыяле творчасці сучасных паэтаў;
- выявіць дадзены зварот на фармальным, змястоўным, вобразным і моўным узроўнях.

¹Усе ўласныя назоўнікі, калі не ўказана іншае, трансліруюцца паводле наступнага выдання: Кітайска-беларускі слоўнік. Беларуская кітайскі слоўнік = 汉白词 / 白汉词典 / навуц. рэд. І. А. Капылова. Мінск : Выдавецкі цэнтр БДУ, 2021. 870 с. – М. Б.

Тэарэтычнай асновай даследавання паслужылі работы кітайскіх і заходніх літаратуразнаўцаў, прысвечаныя праблеме мадэрнізацыі кітайскай літаратуры. Асноўным матэрыялам для аналізу выступілі арыгінальныя паэтычныя тэксты аўтараў указанага перыяду (Ху Шы, Гуо Можуо, Лі Дзінфа, Бэй Дао, Вана Ао, Сяо Шуэя, Чэня Сьеньфа і інш.), а таксама літаратурна-крытычныя артыкулы і маніфесты. Асобную групу матэрыялаў склалі аўтарскія пераклады вершаў на беларускую мову. Падобны перакладчыцкі вопыт дазволіў ажыццявіць дэталёвы кампаратыўны аналіз паэтыкі, вобразнай сістэмы і моўных характарыстык адпаведных тэкстаў. У рабоце прымяняліся гісторыка-літаратурны і параўнальна-тыпалагічны метады даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Прынята весці адлік новай паэзіі Кітая са зборніка «Спробы» (尝试集, 1920), аўтарам якога з'яўляецца Ху Шы (胡适, 1891–1962), аднак змешчаныя ў ім творы больш падобныя на практыкаванні па новым вершаскладанні, чым на сталую творчасць. Мова Ху Шы насычана элементамі з традыцыйнага варыянта літаратурнай кітайскай мовы *вэньень*, а яго тэкстам не хапае ўласцівай паэзіі вытанчанасці. Цікава, што стварэнне гэтага зборніка ішло паралельна з рухам за новую культуру і падзеямі 4 мая, калі Чэнь Дусьёў (陈独秀, 1879–1942) на старонках часопіса «Новая моладзь» (新青年) заклікаў «скінуць з п'едэстала квяцістую, ліслівую літаратуру арыстакратаў», а на яе месцы стварыць «простую лірычную літаратуру народа» [1, с. 3]. Сам Ху Шы ў праграмным артыкуле «Аб новай паэзіі» (谈新诗) выступаў супраць «норм вершаскладання, чаргавання тонаў і рэгламентаванасці аб'ёму» [2, с. 2], ён прапаноўваў даць аўтару волю ў выбары формы і зместу твораў.

Гуо Можуо (郭沫若, 1892–1978) – адзін з заснавальнікаў літаратурнай суполкі «Творчасць» (创造社), што складалася пераважна з кітайскіх студэнтаў, якія вучыліся ў Японіі. Ён ужо праз год пасля выхаду зборніка «Спробы» пераўзышоў поспех Ху Шы. У кнізе «Багіні» (女神) ён раз за разам звяртаецца да антычных вобразаў, спалучае іх з кітайскай міфалогіяй, апявае індустрыяльную эпоху, а свайго лірычнага героя атаясамлівае з «нябесным сабакам», здольным праглынуць цэлае сонца:

Нябесны сабака (天狗)²

Я – нябесны сабака!
Я праглынуў месяц,
Я праглынуў сонца,
Я праглынуў усе зоркі,
Я праглынуў цэлы сусвет.
Я – гэта Я!
Я – святло месяца,
Я – святло сонца,
Я – святло ўсіх зорак,
Я – святло ад рэнтгена,
Я – energy ўсяго сусвету!
Я імчуся па небе,
Я шалёна раву,
Я гару.
Я гару, нібы палкае полымя!
Я раву, нібы акіян!
Я лячу, нібы электрычны ток!
Я лячу,
Я лячу,
Я лячу,
Я здзіраю з сябе скуру,
Я з'ядаю ўласную плоць,
Я смакчу ўласную кроў,
Я прагрызаю свае вантробы,
Я лячу па ўласных нервах,
Я лячу па сваім спінным мозгу,
Я лячу па ўласных звільнах.
Я – гэта Я!
Маё Я гатова да выбуху!

Бачна, з якім імпэтам Гуо Можуо імкнуўся адлюстравать новую рэчаіснасць, насыціць новую паэзію не менш новымі навуковымі вобразамі і паэтыкай індустрыяльнай эпохі. Але тут «гатовае да выбуху» эга, падмацаванае запазычаным з Захаду індывідуалізмам, нават пераўзыходзіць навізну вобразнасці,

²Тут і далей пераклад наш. – М. Б.

такім чынам праводзячы водападзел паміж прыхаванай вытанчанай суб'ектыўнасцю традыцыйнай паэзіі і новымі культурнымі павевамі ў кітайскай літаратуры.

Калі прасачыць за далейшым развіццём новай кітайскай паэзіі, няцяжка заўважыць, што ўплыў заходняй культуры на тагачасны Кітай толькі набіраў абароты. На сконе руху за новую культуру – прыблізна ў сярэдзіне 1920-х гг. – у кітайскай літаратуры ў цэлым аформіліся ўсе сусветна вядомыя мастацкія метады. Для зручнасці іх можна ўмоўна падзяліць на тры групы. Першая прадстаўлена рэалістычным напрамкам, найбольш поўна ён рэалізаваны ў творчасці членаў Таварыства вывучэння літаратуры (文学研究会) Джоў Дзуюжэня (周作人, 1885–1967), Льеў Баньнуна (刘半农, 1891–1934), Вана Тунджао (王统照, 1897–1957) і іншых аўтараў, чыя паэзія вызначалася стрыманым лірызмам і «контурнасцю» (素描) у стварэнні вобразаў. Другая група – гэта рамантычны напрамак, прадстаўнікі якога з'яўляліся членамі згаданай вышэй суполкі «Творчасць» (Джэн Боці (郑伯奇, 1895–1979), Чэн Фанву (成仿吾, 1897–1984), Т'ень Хань (田汉, 1898–1968) і інш.). Яны настойвалі на натуральным (自然) і неабмежаваным адлюстраванні думак і пачуццяў. Трэцяя група прадстаўлена сентыменталізмам, сімвалізмам, мадэрнізмам. У гэту групу ўваходзяць паэты Му Мут'ень, Сю Джымо (徐志摩, 1897–1931), Ван Дуцін (王独清, 1898–1940), творчасць якіх пазней кітайскія тэарэтыкі агулам назвалі дэкадэнцтвам (颓废主义) і падверглі крытыцы. Відавочна, што гэтыя метады не былі ўнікальным вынаходніцтвам кітайскай літаратуры, а праніклі ў яе падчас асіметрычнага дыялогу са знешнім светам. Згаданыя вышэй мастацкія напрамкі ў заходняй культурнай прасторы належалі да розных эпох, узнікненне і развіццё кожнага з іх мелі ўласныя перадумовы і асаблівасці, аднак усю гісторыю Кітайскай Рэспублікі (1912–1949) яны суіснавалі і ўзаемадзейнічалі ў межах аднаго і таго ж часовага прамежку і нярэдка дасягалі ступені нераспазнавальнасці. Пад уплывам чужаземнай культуры многія кітайскія паэты пачалі прыпадабняцца да еўрапейскіх творцаў, напрыклад, адзін з найбольш выбітных кітайскіх паэтаў Лі Дзіньфа (李金发, 1900–1976), які ў свой час вывучаў скульптуру ў Парыжы, пераняў такія асаблівасці пісьма французскіх сімвалістаў (Ш. Бадлера, С. Малармэ, П. Верлена і А. Рэмбо), як сінестэзія, эстэтызацыя непрыгожага, адлюстраванне дэкадансу і іншыя прыёмы:

Кінутая кабета (弃妇)

Доўгія валасы прыкрылі мае вочы,
Адсекшы выйсце майму раз'юшанаму ад сораму позірку,
Бурлівым патокам крыві і спячцы высахлага шкілета.
Цёмная ноч насцігае разам з камарамі,
Пераскочыўшы цераз вугал нізенькай агароджы,
За маёй неапаганенай спінай чуваць дзікія крыкі,
Нібы вецер завывуе у бязлюднай пустэчы,
Распужаўшы безліч жывёльных статкаў.

Другая травінка снуе за богам па шырокай лагчыне.
Мой смутак адаб'ецца толькі ў памяці трутняў:
Альбо выльецца горнай крыніцай са стромкай скалы
І развеецца разам з чырвоным лісцем па свеце.

Скруха кінутай кабеты назапашваецца ў рухах,
Агні надвячорка ніколі не змогуць ператварыць
Сум часу ў попел ці даць яму вылецець з коміна,
Афарбаваць у чорны пер'е бадзг-крумкачоў,
Што гняздзяцца разам на каменні маратрусаў,
Слухаючы песню самотнага лодачніка.
Лядашчая вопратка журботна галосіць,
Блукаючы ўздоўж магільных курганоў,
Застаўшыся навечна без гарачых слёз,
Ледзь кранаючыся пустога стэпу,
Нібы ўпрыгожанне для гэтага свету.

У кантэксце сучаснай кітайскай літаратуры (现代中国文学) сентыменталізм, рамантызм і іншыя метады могуць толькі ўмоўна ўказваць на сутнасць тагачасных літаратурных напрамкаў Кітая. Перанятая кітайскай літаратурай, яны ўжо не цалкам адпавядаюць сваім заходнім арыгінальным версіям, а, хутчэй, служаць больш агульнай надмастацкай мэце – асветніцтву: «Літаратурнае асветніцтва (у Кітаі – М. Б.) у сваіх тэарэтычных уяўленнях не супадае з класіцызмам і рамантызмам, але тым не менш знаходзіцца ў пастаянным мастацкім пошуку і менавіта таму не мае магчымасці стварыць ясную і дакладную літаратурную праграму» [3, с. 63]. Можна сказаць, што рамантызм і дэкадэнцтва 1917–1949 гг. – гэта ў значнай ступені феномен самога Кітая, які ступіў на шлях мадэрнанасці, а не копія заходніх мастацкіх плыняў.

Падчас вайны супраць японскіх захопнікаў у кітайскай літаратуры ў цэлым і ў паэзіі ў прыватнасці адбыліся чарговыя зрухі. Найперш яны былі выкліканы раздробленасцю, пры якой літаратурны працэс

працягваўся адначасова ў вызваленых і акупаваных раёнах, раёнах пад кантролем гаміньданаўскага ўрада і нават у Ганконгу, што непасрэдна паўплывала на змест, тэматыку і паэтыку творчасці кожнага з рэгіёнаў. У гэтым сэнсе найбольш паказальнай з’яўляецца паэзія еньаньеўскага перыяду (延安时期), назва якога адсылае да павета Еньань у правінцыі Шэньсі, дзе больш за дзесяць гадоў размяшчалася штаб-кватэра камуністычнага ўрада на чале з Мао Цзэдунам³. У Еньані пад кантролем камуністычнай партыі змяніліся не толькі механізмы кіравання і сацыяльны лад, але і, калі карыстацца фармулёўкай прафесара Пекінскага ўніверсітэта Хун Дзычэна (洪子诚, н. 1939), адбывалася маштабная саветызацыя літаратуры [4, с. 69]. У артыкуле «Новая дэмакратыя» (新民主主义, 1940) Мао Цзэдун сцвярджаў, што «тры народныя рэвалюцыйныя прынцыпы (革命的三民主义) або тры прынцыпы сапраўднай дэмакратыі (真三民主) павінны адпавядаць прынцыпам дэмакратыі Савецкай Расіі» [5, с. 2]. У кітайскай літаратуры працэс саветызацыі быў запушчаны яго праграмным выступленнем на нарадзе па пытаннях літаратуры і мастацтва ў Еньані (在延安文艺座谈会上的讲话, 1942). Гэты дакумент не толькі паўплываў на сістэму кіравання мастацтвам у камуністычным Кітаі, але і змяніў змест мастацкіх твораў, прыўнёсшы ў іх нямала рыс савецкай літаратуры. Каб прабудзіць і ўзмацніць баявы дух народа ў барацьбе з японскімі захопнікамі, многія кітайскія паэты карысталіся метадамі агітацыі і прапаганды. Так, паэт Ай Цін (艾青, 1910–1996) у вершы «Прадвесце світаньня» (通知的黎明, 1942), з аднаго боку, выражае спадзяванні на перамогу ў вайне, з другога – апісвае ўтапічнасць жыццёвага ладу ў будучыні:

паўстань, паэт
дзея маёй малітвы
паведамі ім, што
доўгачаканае ўжо настала
што я ўжо прыйшло па расе
прыйшло на ззянне апошняй зоркі
я прыйшло з Усходу
прыйшло з-за бурлівага мора
што я прынясу святло ўсяму свету
і цеплыню ўсяму чалавецтву
прашу цябе, чалавека сумленнага
перадаць ім маю вестку...

Пасля ўтварэння Кітайскай Народнай Рэспублікі ў 1949 г. імкненне кітайскіх паэтаў да мадэрнавацыі не знікла зусім, аднак пачало прымаць новыя формы, паступова аддаляючыся ад традыцый руху 4 мая. У гэты перыяд найбольш рэпрэзентатыўным жанрам кітайскай паэзіі стала так званая палітычная лірыка (政治抒情诗), назва і ўнутраны змест якой прадугледжвалі адычнае апяванне новастворанай краіны і мастацкай кан’юнктуры. У гэтым кантэксце даволі паказальным з’яўляецца верш «Час пачаўся!» (时间开始了!, 1949–1951) Ху Фэна (胡风, 1902–1985):

час
кіпіць ва ўрачыстым дыханні
Радзіма, Радзіма мая
ў гэты дзень
у час твайго свяшчэннага нараджэння
ўся Зямля аддае табе пашану
ўвесь Сусвет вітае цябе...

Тут Ху Фэн не толькі ўказвае на новы адлік часу, але і апавяшчае надыход новай эпохі, якая ўслед за ўзнікненнем «новага Кітая» (新中国) правяла мяжу паміж мінулым і будучым, у чым, дарэчы, праяўлена прага кітайскіх літаратараў да глабальных змен і наватарства ў творчасці. Нягледзячы на тое, што верш Ху Фэна змяшчае ў сабе шэраг агітацыйных элементаў, а сам жанр палітычнай лірыкі інтэртэкстуальна набліжаецца да савецкай грамадзянскай лірыкі, чарговы рэвалюцыйны зрух у кітайскай літаратуры можа таксама лічыцца адной з праяў мадэрнавацыі. У працы «Наступствы сучаснасці» (1990) англійскі сацыёлаг Э. Гідэнс адзначае, што працэс мадэрнізацыі ў галіне культуры, як правіла, пачынаецца менавіта з пераасэнсавання часу і прасторы (паводле І. Канта, суб’ектыўных форм сузірання), якія робяцца падкантрольнымі сучаснаму чалавеку, у прыватнасці, катэгорыя часу пад гэтым уплывам набывае своеасаблівую гнуткасць [6, с. 130–134]. Таму без сумненняў можна сказаць, што верш Ху Фэна таксама дэманструе пэўнае імкненне прадстаўнікоў кітайскай літаратуры да мадэрнавацыі.

Па завяршэнні «вялікай культурнай рэвалюцыі» ў 1976 г. традыцыя палітычнай лірыкі ў Кітаі не перарвалася зусім, а працягнула сваё існаванне ў новых рэаліях. Хаця ў канцы 1970-х – пачатку 1980-х гг.

³Напісанне імя прыводзіцца ў адпаведнасці з наступным выданнем: Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. Мінск : Беларус. энцыкл., 2000. Т. 10 : Малайзія – Мугаджары. С. 100.

пераважная большасць кітайскіх літаратараў выступалі за глыбокі перагляд, крытыку і нават адмаўленне мінулай эпохі ў цэлым і «культурнай рэвалюцыі» ў прыватнасці, іх творчасць па-ранейшаму захавала ўтылітарны (功利主义) падыход да літаратурнага мастацтва. Пад улітытарным падыходам маецца на ўвазе трывалае ўяўленне, згодна з якім літаратура павінна служыць вышэйшай дзяржаўнай ці грамадскай мэце незалежна ад таго, заключаецца яна ў праслаўленні радзімы ці ў рэабілітацыі прыгнечанай інтэлігенцыі. У перыяд пасля «культурнай рэвалюцыі» найбольш уплывовым паэтам у Кітаі па праве лічыўся Джао Джэнькай (赵振开, н. 1949), які пад псеўданімам Бэй Дао (北岛) апублікаваў шмат паэтычных і праязічных тэкстаў, у тым ліку знакаміты верш «Адказ» (回答, 1976):

Нікчэмнасць – пропуск нікчэмных,
Высакароднасць – эпітафія высакародным,
Глядзі: гэтыя пакрытыя пазалотай нябёсы
Завалакло сагнутымі цэнямі мерцвякоў.

Мінуў ледавіковы перыяд,
Чаму ж тады ўсё пакрыта ледзяшом?
Адкрылі мыс Добрай Надзеі,
Чаму ж тады армады змагаюцца ў Мёртвым моры?

Я прыйшоў у гэты свет, узяўшы
З сабой толькі паперу, аборку ды сілуэт,
Каб перад агалашэннем прысуду
Зачытаць гэтыя прыгавораныя галасы.

Свет, я хацеў бы сказаць табе:
Я – больш – не – веру!
Няхай пад нагамі ляжыць тысяча смельчакоў,
Маё імя запішы тысяча першым!..

У вершы лірычны герой Бэй Дао з абурэннем звяртаецца да «жахлівага дзесяцігоддзя», адраджае крытычны дух, уласцівы кітайскім літаратарам, і нават выражае шэраг суб'ектыўных пачуццяў, што ў гісторыі навейшай кітайскай паэзіі доўгі час было абмежавана дазволеным дыскурсам. Аднак калі больш пільна прыглядзецца да лірычнага героя Бэй Дао, можна прыйсці да высновы, што ў вершы «Адказ» гучыць не індывідуальны, асобны, а, хутчэй, калектыўны голас. Нават паэты, якія крытычна ставіліся да творчасці папярэднікаў, перанялі некаторыя рысы агульнапрынятай мадэлі пісьма 1950–70-х гг.

У 1990-я гг., калі планавая эканоміка ў Кітаі саступіла месца рыначнай, а літаратура перажыла імкліваю камерцыялізацыю, у паэзіі паступова сфарміравалася постмадэрнісцкая плынь, што таксама засведчыла шлях яе мадэрнізацыі па заходнім узору. Лірыка такіх паэтаў-«постсямідзясятніц» (70后) і паэтаў-«поствасьмідзясятніц» (80后)⁴, як Інь Лічуань (尹丽川, н. 1973) ці Чунь Шу (春树, н. 1983), характарызуецца большай інтэрнацыянальнасцю: з аднаго боку, яны перастаюць прытрымлівацца прынцыпаў і прадпісанняў, якім дзесяцігоддзямі падпарадкоўваліся паэты старэйшага пакалення, з другога – актыўна засвойваюць новы погляд на паэзію, паводле якога сціраюцца яўныя межы паміж нацыянальнымі літаратурамі. Так, у адным з вершаў Інь Лічуань іранічна і не без пратэсту супраць традыцыйнай культуры пытае, ці магла б Лінь Дайю – гераіня класічнага рамана XVIII ст. «Сон у чырвоным кераме» – рабіць рэнтген грудной клеткі («Сэрца і лёгкія ў парадку» (心肺一切正常)), а Чунь Шу ў лірыцы нярэдка звяртаецца да папулярнай культуры, у тым ліку прама згадвае імёны зорак кітайскага і заходняга шоу-бізнесу:

Жыццё нельга заканчваць (一生不可自决)

я не вымаўляла ні гуку
не засоўвала цішком у кішэню паштоўку з Брусам Лі
на душы крыўда і смутак
хаджу па неабсяжных пекінскіх праспектах
з пустымі рукамі
хапаюся за жалезныя парэнчы
нібы за сваё навечна ўпушчанае маленства
каханы, гэта не фільм
трэба быць больш прыземленым
як мне сказаць усю тую бязглуздыцу
пад песні Тома Уэйтса
п'янай заваліцца ў скверы
і знікнуць

⁴У кітайскай літаратурнай прасторы ў гэтыя катэгорыі ўключаюцца аўтары, якія нарадзіліся адпаведна ў 1970–80-я гг.

У новым стагоддзі кітайскія паэты не спынілі свае творчыя пошукі, яны па-ранейшаму імкнуліся праз лірычную творчасць адшукаць новыя спосабы мадэрнізацыі нацыянальнай літаратуры і яе «стыкоўкі» (接轨) з сусветнай культурай. Калі ў XX ст. яны ў асноўным прытрымліваліся заходніх праектаў мадэрнізацыі літаратуры, то ў апошнія дзесяцігоддзі фокус іх увагі перамясціўся на сам Кітай: менавіта з мясцовай, аўтэнтычнай культуры яны чэрпалі іншыя, не падобныя да заходніх, паэтычныя формы і вобразы. У гэтым кантэксце найбольш паказальнай з'яўляецца паэзія трох сучасных кітайскіх аўтараў: Вана Ао, Сяо Шуэя і Чэня Сьеньфа.

Ван Ао (王敖) нарадзіўся ў 1976 г. у горадзе Ціндао (правінцыя Шаньдун). У 1995 г. ён паступіў на факультэт кітайскай мовы і літаратуры Пекінскага ўніверсітэта, пасля чаго праходзіў навучанне ў Вашынгтонскім і Ельскім універсітэтах. На сённяшні дзень Ван Ао працуе выкладчыкам ва Уэсліянскім універсітэце ў ЗША. Англагоўная паэзія, а таксама джаз і рок-музыка сталі важнымі крыніцамі натхнення для паэта, пры гэтым ён не адступае ад традыцый нацыянальнай літаратуры. Наадварот, Ван Ао зрабіў значны ўнёсак у працэс «кітаізацыі» кітайскай паэзіі, што даволі яскрава праявілася ў адроджаным ім жанры чатырохрадкоўяў.

Прынята лічыць, што менавіта Вану Ао належыць заслуга ў перазборцы класічнага кітайскага чатырохрадкоўя. Каб падкрэсліць роднаснасць з класічнай паэтычнай формай і ў той жа час адрозненне ад яе, Ван Ао назваў гэты жанр новым чатырохрадкоўем, або новым катрэнам. Насамрэч чатырохрадкоўі Вана Ао адсылаюць да старажытнакітайскай паэтычнай формы *дзюэдзю* (绝句), назва якой літаральна перакладаецца як «абарваныя радкі». Твор уяўляе сабой палову ад рэгулярнага кітайскага верша *шы* (诗): калі *шы* складаецца з васьмі радкоў, то *дзюэдзю*, адпаведна, уключае толькі чатыры радкі, пры гэтым кожны радок у васьмірадкоўі і чатырохрадкоўі змяшчае па пяць альбо сем іерогліфаў: 江边踏青罢, / 回首见旌旗。 / 风起春城暮, / 高楼鼓角悲。(杜甫《绝句》) 'Час пакідаць узбярэжжа, мілае ўлонне прыроды. / Звяртаюся ў мінулае – мрояцца бунчукі й сцягі. / Вецер падняўся вялікі, накрыў змрокам горад вясны. / Стогнуць у такт мне ў палацы ў суме барабан і ражок (Ду Фу «Чатырохрадкоўе»)'.

У старажытным Кітаі прыныцы вершаскладання *шы* і *дзюэдзю* былі аналагічнымі: паэт павінен быў не проста прытрымлівацца прынятай рыфмоўкі, але і ў правільным парадку чаргаваць «роўныя» (平声) і «ламаныя» (仄声) тоны іерогліфаў у кожным радку. Галоўнае адрозненне васьмірадкоўя і чатырохрадкоўя заключаецца ў лаканічнасці і лапідарнасці зместу апошняга. Менавіта гэта рыса прыцягнула да формы *дзюэдзю* такіх вядомых мастакоў слова, як Ван Джыхуань (王之涣, 688–742), Мэн Хаожань (孟浩然, 689–740), Лі Бай (李白, 701–762), Ду Фу (杜甫, 712–770), Лі Хэ (李贺, 790–816), Лі Цінджао (李清照, 1084–1151), Лу Ёў (陆游, 1125–1210) і інш.

Пытанне заключаецца ў тым, чаму Ван Ао вырашыў працягнуць традыцыю класічнага чатырохрадкоўя, а не абраў іншую паэтычную форму для адраджэння ў сучасным кантэксце. У мадэрнізацыі *дзюэдзю* Ван Ао бачыць па меншай меры дзве перавагі. Па-першае, чатырохрадкоўе *дзюэдзю* з'яўляецца вынаходніцтвам кітайскай літаратуры, самабытнай паэтычнай формай з багатай і доўгай гісторыяй. Па-другое, чатырохрадкоўе мае дастаткова абмежаваны памер, у сучасным кантэксце яно ўзнавіла мінімалізм традыцыйнай паэзіі і пазбегла тэндэнцыі да пражызацыі новай кітайскай паэзіі, у якой заўжды захоўвалася рызыка атаясамлення пражычнай і паэтычнай мовы. Так ці іначай, ужыванне *дзюэдзю* – гэта свядомы выбар Вана Ао. У такім творы могуць быць заключаны развагі аб шляхах мадэрнізацыі кітайскай паэзіі. У гэтым сэнсе нельга не згадаць эсэ Джоў Дзуожэня – малодшага брата вядомага кітайскага пісьменніка XX ст. Лу Сюня (鲁迅, 1881–1936) – пад назвай «Аб паэзіі малых форм» (论小诗, 1922). У гэтым эсэ Джоў Дзуожэнь указвае, што «новая паэзія ў Кітаі спазнала ўсебаковы ўплыў еўрапейскай культуры і толькі малая паэзія з'яўляецца выключэннем, бо паходзіць з Усходу» [7, с. 555].

З вершаў Вана Ао відаць, што ў сваёй творчасці ён значна аддаліўся ад класічных *дзюэдзю*. У творах ён выкарыстоўвае сучасны варыянт кітайскай мовы, не прытрымліваецца строгіх правіл рыфмоўкі, аднак у радках Вана Ао праступае непрыкрыўнасць кітайскай лірычнай традыцыі, што праяўляецца ў тым ліку ў сціслай перадачы імгненнага пачуццяў:

Чатырохрадкоўе (绝句)

чаму вы, спадар астралаг, разглядаючы мае
зрэнькі, нібы глядзіце ў кола, упісанае ў кола, чаму
жыццё поўніцца прыкрасцю, катрэны – жыццём, а вялікі цяляр
належыць вялікаму цвіку – чаму? паведамі мне свой жорсткі адказ

Чатырохрадкоўе (绝句)

мы – дзве лускавінкі, што сустрэліся на перапляценні
тысяч змей, частка з якіх прыпаўзлі з глыбіні стагоддзяў
бывае, што дзень і ноч паўстаюць, слізгаючы вакол гор
паміж намі любоў і расстанні, што імгненна знікаюць у блукаючых агнях

Вершы Вана Ао прасякнуты філасафічнасцю, развагамі пра жыццё чалавека, яго месца ў свеце і гістарычны вопыт. Так, у другім чатырохрадкоўі ўказваецца на сувязь сучаснага Кітая са старажытным, такая шырокая панарама ў часе і прасторы дазваляе аўтару ў кароткім вершы ахапіць усё існае. Апроч таго, Ван Ао спрабуе ачысціць паэтычны тэкст ад усіх маркераў сучаснага жыцця, прывесці чытача ў створаны ім гарманічны свет, дзе паміж актуальным і мінулым не існуе рэзкага кантрасту.

Увагі заслугоўвае паэтычная творчасць Сяо Шуэя. Сяо Шуэй (肖水) нарадзіўся ў 1980 г., атрымаў ступень доктара філалагічных навук на факультэце кітайскай мовы і літаратуры Фуданьскага ўніверсітэта. На сённяшні дзень ён выкладае ў Шанхайскім універсітэце. З Ванам Ао гэтага аўтара яднае імкненне да мадэрнізацыі паэзіі на кітайскі манер з акцэнтам на лакальную культуру. У гэтым сэнсе наватарства Сяо Шуэя ўвасобілася ў двух напрамках.

Першы напрамак – гэта шэраг паэтычных ініцыятыў, прапанаваных аўтарам. Адна з іх носіць назву «Пісьмо маленства» (童年写作). У адным са сваіх інтэрв'ю Сяо Шуэй раскрыў яе сутнасць наступным чынам: «Як успамін і пэўны знак, маленства азначае чыстую, цнатлівую паўнату (完满), у якой бесперапынна назапашваецца цікаўнасць, якая поўніцца магчымасцямі і ідзе ў напрамку да добра» [8, с. 128]. Відавочна, што ідэя Сяо Шуэя прадугледжвае ўстаноўку паэта на абуджэнне з памяці ўспамінаў, карцін і вобразаў, якія складана адшукаць у сучаснай рэчаіснасці. Паводле Сяо Шуэя, калі перад аўтарам стаіць задача працягнуць аўтэнтычныя традыцыі і адлюстравать культурную спадчыну Кітая, то ў шматсастаўным сучасным свеце яму даступны толькі адзін шлях – рэстаўрацыя дзіцячага светапогляду, цікаўнасці і адкрытасці да ўсяго знешняга і замураванага ў памяці.

Наступныя дзве ініцыятывы адпаведна носяць назвы «Завостраная кітайская мова» (削尖汉语) і «Славізм» (词语主义). Па змесце яны даволі блізкія. Ідэя «завостранай» кітайскай мовы вырастае з веры ў перабудову кітайскай лірычнай традыцыі, якая павінна пазбавіцца ад заходняга ўплыву і «чужародных» элементаў. Ідэя славізму ў цэлым заключаецца ў свядомым ужыванні слоў і звяротаў у паэтычным тэксце. Для Сяо Шуэя кожнае слова (асабліва размешчанае ў кароткім чатырохрадкоўі) мае сваю ўнутраную моц і энергію, таму перад тым, як стаць часткай верша, яно павінна прайсці пільны адбор і эстэтычную ацэнку аўтара.

Чацвёртая ідэя Сяо Шуэя вылучаецца большай эпатажнасцю і называецца «Вяртанне з Кітая ў Кітай» (从中国回到中国). Сяо Шуэй разглядае Кітай як шматслойны шматкампанентны вобраз, у якім спалучаюцца старажытны, мадэрнавы, заходні і ўласна кітайскі кампаненты, таму ў творчасці Сяо Шуэй намагаецца перасабраць для сябе, свайго лірычнага героя і чытача Кітай, у якім будзе панаваць пераемнасць традыцый і найлепшых праяў самабытнай культуры: «Я амаль перакананы, што сучаснай паэтычнай творчасці неабходна прайсці шлях “вяртання з Кітая ў Кітай”, неабходна вярнуцца з цяперашняга Кітая, у якім зніталася старажытнае і сучаснае, заходняе і кітайскае, у той Кітай, дзе культурныя традыцыі і каштоўнасці працягваюць перадавацца з пакалення ў пакаленне» [9, с. 133].

Другі напрамак творчасці Сяо Шуэя прадугледжвае рэалізацыю ў паэзіі стратэгіі па «наратызацыі» ўласнай лірыкі. Як і Ван Ао, Сяо Шуэй займаецца ў асноўным сачыненнем новых чатырохрадкоўяў (新绝句), аднак ён не спыняецца на простым ужыванні традыцыйнай формы ў сучасных літаратурных рэаліях, а прыўносіць у свае паэтычныя творы элементы праяўнага апавядання, такім чынам значна абагачаючы змест вершаў. У чатырохрадкоўі Сяо Шуэй можа выбудаваць паўнацэнную фэбулу, расказаць цэлую гісторыю ці нават абагульніць жыццёвы шлях таго ці іншага персанажа. Сам аўтар, фармулюючы сутнасць распрацаванага ім паэтычнага жанру, назваў падобныя творы апавядальнымі вершамі (小说诗). Іх асаблівасці разгледзім на наступных прыкладах:

Раўнавага ўсяго існага (万物均衡)

Калі ён зноў наведаў храм Канфуцыя, прайшло ўжо трынаццаць год, людзі чамусь выкапалі паўкруглую сажалку

Ды ўзвялі павіслы ў паветры арачны мост. Стоячы на яго зігзагападобным бруку, ён яшчэ раз пабачыў
Жалезны чоп перад галоўнай залай і пад ім – сляды нерасталага снегу. Помню, у той дзень туман быў дастаткова шэрым,

Хіманантавы водар дапоўніў сюжэт гісторыі. Яны прыперліся да страхі, быццам буйныя выступы на бруднай чырвонай сцяне.

Калі ўчытацца ў тэкст верша «Раўнавага ўсяго існага», у ім амаль немагчыма знайсці вобразы, якія б не належалі да лакальнага, уласцівага Кітаю, асяроддзя. *Арачны мост, галоўная зала ў храме Канфуцыя, хімананты* – усе гэтыя словы і словазлучэнні адсылаюць да нязменнага кантэксту, дзе старажытнасць арганічна пераходзіць у сучаснасць і нават зліваецца з ёй. Лірычны верш, напісаны Сяо Шуэем на сучаснай кітайскай мове з выкарыстаннем наратыўных тэхнік, зусім не стварае пачуцця дысгармоніі, удала злучаючы розныя вымярэнні кітайскай нацыяльнай культуры:

Вёска Гуджайцунь⁵ (古寨村)

Па дарозе на пахаванне маці, плачучы бесперапынку, тэлефануе яму, каб спытаць, дакуль ён добраўся.
Ён здранцвела ўтаропіўся ў бок рэек, рашыўшы сысці з цягніка і дабрацца на самалёце. Разбіты аэрапорт
Гарадской акругі, дарагія квіткі. Над самалётнай стаянкай заімжыў дождж. Захапіўшы локшыну з бар-
тавога харчу,

Ён успомніў сплеценую ў бясконцыя завіткі стружку, што вылятала з распілаванай ушчэнт сасны, і з ва-
чэй неўзабаве закрапалі слёзы.

У чатырохрадкоўі «Вёска Гуджайцунь» імкненне Сяо Шуэя да апавядальнасці праяўлена нават у большай ступені. Кожны элемент твора – ад загаловка да непасрэдна фабулы гісторыі – не з’яўляецца чужародным для кітайскай культурнай прасторы. Але найбольш прыметны ў чатырохрадкоўі кантра-пункт паміж вобразам лірычнага героя і зместам усяго верша. Сучасны суб’ект як праект мадэрнанасці, здольны імгненна перасякаць на самалёце вялікія адлегласці, змешчаны аўтарам у тыповыя і ў той жа час адвечныя абставіны, калі ён мусіць спяшацца на пахаванне кагосьці са сваякоў. Менавіта падобны кантраст надае вершам Сяо Шуэя ўнутраную напружанасць пры захаванні спакойнага, роўнага тону апавядання.

Яшчэ адным аўтарам, які заслугоўвае ўвагі ў плане кітаізацыі найноўшай кітайскай паэзіі, з’яўляецца Чэнь Сьеньфа (陈先发). Паэт нарадзіўся ў 1967 г. у гарадской акрузе Тунчэн правінцыі Аньхуэй, у 1989 г. скончыў Фуданьскі ўніверсітэт. Сёння ён з’яўляецца старшынёй Аньхуэйскага саюза пісьменнікаў. Нягледзячы на тое, што творчы шлях Чэнь Сьеньфа пачаўся ў 1980-я гг. (значна раней чым двух папярэдніх аўтараў), яго асоба дагэтуль іграе важную ролю ў развіцці і мадэрнізацыі новай кітайскай паэзіі.

Паводле Чэня Сьеньфа, любы паэт павінен зыходзіць з усведамлення думкі «я ёсць тут» (我在这里), што перагукаецца з канцэпцыяй *Dasein* М. Хайдэгера. Насамрэч гэта ідэя падкрэслівае патрэбу для паэта ў дакладным і праўдзівым (але не абавязкова аб’ектыўным і рэалістычным) апісанні навакольнай рэчаіснасці і пазбяганні ў творчасці пустых фантазій і безгрунтоўных уяўленняў: «Па сутнасці, паэзія – гэта раскрыццё і развіццё думкі “я ёсць тут”. У паэзіі не існуе ніякіх абавязковых законаў і нарматываў. Некалі Канфуцый сказаў, што “вершы могуць натхняць, могуць раскрываць [сутнасць рэчаў], могуць гуртаваць, могуць выражаць абурэнне” (诗可以兴、可以观、可以群、可以怨). Гэты анафарыстычны сказ можна працягваць бясконца, нібы рабізна ад подыху ветру. Тое, што раскопваецца паэзіяй, – гэта невычэрпнасць магчымасцей, і яна ніколі не сутыкнецца з абсалютным “нельга”» [10, с. 337]. Чэнь Сьеньфа таксама акцэнтуюе ўвагу на тым, што паэту і яго творам варта адпавядаць складанасці (复杂性), багаццю (丰富性) і спецыфічнасці (特异性) актуальнай эпохі і ў якасці прыкладу прыводзіць мадэрнісцкага паэта Му Даня (穆旦, 1918–1977).

Погляды Чэня Сьеньфа на паэзію заўжды вылучаліся арыгінальнасцю і прамалінейнасцю. Так, ён даволі смела выкрывае загану класічнай кітайскай паэзіі. Яна, на думку паэта, не ў стане ўдала і поўна раскрыць унутраны свет чалавека, а таксама цяжасці і дылемы, з якімі ён сутыкаецца ў канкрэтную эпоху. Чэнь Сьеньфа адзначае, што старажытная паэзія вякамі насычалася сентыменталізмам і маркотай, а таму злёгка спрашчалася да беспрычыннага плачу і скрухі: «Наогул у сістэме класічнай кітайскай паэзіі прысутнічае відавочная недасканаласць, а менавіта даволі сціплае, павярхоўнае раскрыццё пераплачвання светлацёну ў чалавечай душы, індывідуальных дылем і жаданняў. Або можна сказаць, што ў большасці выпадкаў гэта раскрыццё выражаецца ў “тужлівых матывах” (哀音). Сумненні, супрацьстаянне паміж Я і Тут не могуць быць адлюстраваны [у класічнай паэзіі] ва ўсёй паўнаце» [10, с. 338]. У сваю чаргу новая паэзія, паводле Чэня Сьеньфа, спарадзіла цэлы шэраг так званых псеўдатрадыцый (伪传统): нямала твораў, напісаных на байхуа, нібыта нацэлены на аднаўленне і развіццё культурных традыцый, але гэтыя традыцыі, увасобленыя ў вершах, фактычна адхіляюцца ад кітайскай рэчаіснасці і маюць большае падабенства з асабістымі «выдумкамі» паэта. Таму Чэнь Сьеньфа агітуе за тое, каб аўтар разам з чытачом актыўна размяжоўвалі сапраўдныя традыцыі і іх сучасныя эрзацы, імкнуліся з дапамогай літаратуры пераадолюваць супольную няпамятлівасць і разам з гэтым дэманстраваць цяжасці існавання асобы і ўсяго чалавецтва: «Напэўна, сталыя паэты больш ахвотна прызнаюць думку, што любая выбітная творчасць знітавана з цяжасцямі і дылемамі (困境). Такія дылемы далёкія ад гора, ад розуму (才思昏聩) і невыносных прыкрасцей. Яны не маюць нічога агульнага з вычэрпваннем (枯竭)... У кожнай эпосе, няважна, добрая яна ці дрэнная, заключаныя яе ўнікальныя дылемы, якія прагнуць стаць выкрытымі. У эпоху пасрэднасці сама пасрэднасць выступае галоўнай крыніцай [для творчасці]» [10, с. 341]. Паэт дамагаецца спалучэння мадэрнанасці і аўтэнтчнай лакальнасці, толькі ў такім тандэме новая кітайская паэзія зможа перамяняць найлепшыя традыцыі з мінуўшчыны, стварыць глебу для з’яўлення новых традыцый і выйсці са стану працяглага крызісу. Для ілюстрацыі такога падыходу прывядзём верш «Ода старой лазе»:

⁵Мясцовасць у раёне Дзіньюэань горада Тайюэнь правінцыі Шаньсі ў Кітаі.

Ода старой лазе (老藤颂)

За межамі залы чакання. Са старой лазы звісаюць белыя кветкі
Нібы доўгія, неабстрыжаныя валасы
Якія якраз прыкрылі сабою
Старую, што сядзіць на інвалідным вазку
Прыкрылі яе садзьмуты рот,
Грудзі,
Вачніцы,
Яе чысцюткія, расшытыя ўзорамі чаравікі, што пабачылі многае
І дрымоту, якую не адагнаць ніводнаму
А я раблюся ахвярай усіх людзей, акрамя самога мяне.
Па той бок шкла
Ходзяць вандроўнікі, цягнуць грувацкія чамаданы
Нехта нервова пазірае на гадзіннік
Я не думаю, што яны маглі б даўмецца
Што прага да заўзятага пошуку загадкавых сувязей
Паміж дзівосным спакоем па гэты бок шкла
Маёй жарсцю да расчлянення мовы па гэты бок шкла
Паміж парай слоў, ніяк для мяне не звязаных
(Напрыклад, веерамі і сняжынкамі)
Паходзіць ад іх саміх.
Паходзіць ад раз'яднанасці паміж мною і імі.
Яны вырабляюць гэту старую
Таксама
Як інвалідны вазок,
Яны ўдыхаюць у яе жыццё сваімі думкамі.
Тут усё прасякнута бялуткім спакоем
Сярод усіх белых кветак яна
Іх асляпляльная частка,
Такая ж, як і ў тым годзе
Калі я, назваўшы дзве буйныя вінаградзіны
На лазе з карціны Сю Вэя⁶ «дабром за дабро»
І «злом за зло», адчуў,
Наколькі ўсё праяснілася
Тое, што трэба зрабіць, ужо зроблена,
А ў гэтых чортавых моўных вопытах няма ніякай карысці.
Яе выключная белізна, яе выключная ціхамірнасць
Нібы павевы вятрыскі,
Што абдзёмуваюць
«Цукровую боскасць» у вінаградзінах.
Калі яна працнецца ў гэта імгненне, я скажу ёй
Я паходжу ад цябе
Я паходжу ад іх

Можна пераканацца, што ў справе кітаізацыі паэзіі Чэнь Сьеньфа прасунуўся нават далей за Вана Ао і Сяо Шуэя. Мова верша «Ода старой лазе» ўтрымлівае больш кніжных элементаў, выказаў са старажытнай мовы *вэньень* (善有善报 'зробленае дабро будзе адплачана дабром'). Твор прысвечаны кітайскай рэчаіснасці, аўтар звяртаецца да кітайскага культурнага кода (напрыклад, жывапісу Сю Вэя і прынцыпаў будыйскай этыкі) і перазбірае яго ва ўмовах цяперашняга кантэксту. З аднаго боку, лірычны герой Чэня Сьеньфа ні на хвіліну не пакідае рэальнасць сучаснага Кітая, узіраючыся ў старую, што сядзіць перад ім на інвалідным вазку, з другога – ён раз-пораз звяртаецца ў думках да мінулага, нібы ўзводзячы ўяўную агароджу паміж сабой і людзьмі мадэрнавацы (невывадкова, што ў вершы ўжыты вобраз шкла, а ў адным з радкоў аўтар экспліцытна ўказвае, што пара выпадковых слоў «паходзіць ад раз'яднанасці паміж мною і імі»). Але нават больш характэрным у вершы з'яўляецца стаўленне да мовы як асобнай існасці, што падыходзіць для лірычнага асэнсавання. Акрамя адлюстравання рэальных вобразаў і карцін праз прызму погляду лірычнага героя, у вершы Чэнь Сьеньфа спрабуе прааналізаваць і «разабраць», ці дэканструяваць, мову, на што недвухсэнсоўна намякае вобраз «жарсці да расчлянення мовы»:

⁶Кітайскі жывапісец і паэт дынастыі Мін.

Прыборы нябожчыкаў (死者的仪器)

Некалькі сяброў, сабраўшыся ў лабараторыі,
Дакладнымі інструментамі даследуюць свет пасля смерці

Напрыклад, якім робіцца
Чалавек пасля знікнення

Я часта хаджу глядзець на самотную магілу
Майго бацькі сярод дрымучых соснаў

Дзікія кветкі чырванейшыя на магіле, чым у вазоне
Веру, што нябожчык некалі нюхаў іх

Дубы ля магілы мацнейшыя за ўсе навакольныя дрэвы
Веру, што гэта нябожчык спрыяе ім з-пад каранёў

Але маё «веру»
Кінутае ў пустэчу
Не можа пацвердзіць ніводзін прыбор

Гэтаму свету давялося вынайсці
Больш дакладныя прыборы – матылькоў

Я дагэтуль не ведаю, якім стаў
Пасля смерці мой бацька,
Але ведаю, нас становіцца усё менш і менш.

Тыя
Шэрыя
Бяздзейныя
Не вартыя запамінацца

Што, як і я, сядзяць тут падоўгу
Заўжды падпадалі пад падазрэнні мяне,
Што сядзеў у іншых месцах

Відавочна, што верш «Прыборы нябожчыкаў» у значнай ступені ўвасобіў складанасць і шматпланавасць рэальнасці сучаснага Кітая. У пачатку твора Чэнь Сьеньфа стварае амаль што навукова-фантастычнае асяроддзе, апісвае, як людзі з дапамогай загадкавых інструментаў – навукі і тэхнікі – спрабуюць зазірнуць па той бок чалавечага жыцця. Аднак ужо ў трэцяй страфе фокус увагі лірычнага героя рэзка перамяшчаецца да аўтэнтчнага кітайскага і ў той жа час агульначалавечага пачуцця – журботы па памерлым бацьку. Вобраз сына, што сядзіць перад бацькавай магілай, спалучае цэлы шэраг кітайскіх культурных традыцый і інварыянтаў кітайскага мыслення (сыноўскую пачцівасць (孝心), культ продкаў (祭祀) і г. д.). Падобны сюжэт цесна звязаны з асабістым вопытам Чэня Сьеньфа, праз чыю паэзію лейтматывам праходзіць тэма бацькавай смерці. Ужыванне вечных літаратурных тэм, пераасэнсаванне ўласнага вопыту і яго трансфармацыя ў лірычную форму – гэта тое, што дазваляе паэту перакінуць мост паміж мінулым і сучаснасцю Кітая.

Заклучэнне

Тэндэнцыя да кітаізацыі з'яўляецца ключавой з'явай у развіцці кітайскай паэзіі ХХІ ст., яна не абмяжоўваецца паэзіяй трох згаданых вышэй аўтараў, у той жа шэраг можна было б таксама дадаць творчасць Ля Пін'яна (雷平阳, н. 1966), Дзьяна Фэя (江非, н. 1974), Е Даня (叶丹, н. 1985) і іншых аўтараў. Сучасная кітайская паэзія пабудавана на падмурку гутарковага варыянта кітайскай мовы *байхуа*. Такая калаквіялізацыя літаратурнай мовы ў сукупнасці з уплывам замежных літаратурна-мастацкіх плыняў і напрамкаў назаўсёды спаялі яе з заходняй і – шырэй – сусветнай культурнай прасторай. Аднак рост нацыянальнай самасвядомасці і цікавасці да аўтэнтчнай культуры і лакальных традыцый, а таксама запуск праекта па вялікім адраджэнні кітайскай нацыі (中华民族伟大复兴) у кітайскай паэзіі спрыялі павароту ў разуменні ўласнай ідэнтычнасці, культурнай эстэтыкі і вобраза Кітая ў вачах Іншага. Калі ўсё мінулае стагоддзе ў новай кітайскай паэзіі панавалі цэнтрабежныя сілы, а імкненне да мадэрнанасці непазбежна вяло да пераймання і капіравання замежных літаратурных форм, то ў ХХІ ст. ім на змену прыйшлі цэнтраімклівыя сілы, з дапамогай якіх можна надаць мадэрнанасць творам у межах уласных культурных традыцый. У ХХ ст. (няважна, у канцы дынастыі Цын, падчас руху 4 мая, пасля стварэння КНР ці ў 1980–90-я гг.) «традыцыі» пераважна ўспрымаліся кітайскай літаратурай як аб'ект крытыкі, развянчання і кпінаў, але ў навіейшы час кітайскія паэты ў літаратурных поглядах больш наблізіліся

да эліятаўскага разумення культурнай традыцыі. У вядомым эсэ «Традыцыя і індывідуальны талент» амерыканска-брытанскі паэт Т. С. Эліят менавіта такім чынам абагульніў адносіны паміж літаратурай і традыцыяй: «Яна [традыцыя] найперш падразумявае адчуванне гісторыі... Гэта адчуванне гісторыі, што з'яўляецца пачуццём пазачасовага, таксама як і бягучага, – пазачасовага і бягучага разам, – якраз яно і ўключае пісьменніка ў традыцыю» [11, с. 181]. Усведамленне «пазачасовага» ў «бягучым» дазволіла кітайскім аўтарам ажыццявіць чарговы паварот у новай кітайскай паэзіі, сфармуляваць стратэгію па кітаізацыі лірычнай творчасці і давесці, што шлях да мадэрнавацы можа быць арганічна спалучаны з пераадкрыццём уласных культурных традыцый.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. 陈独秀. 文学革命论. 新青年. 1917;2(6):1–4 = Чэнь Дусьёў. Аб літаратурнай рэвалюцыі. *Новая Моладзь*. 1917;2(6):1–4.
2. 胡适. 谈新诗. 星期评论. 1919;5:1–4 = Ху Шы. Аб новай паэзіі. *Штогоднівая крытыка*. 1919;5:1–4.
3. 林朝霞. 现代性与中国启蒙主义文学思潮. 厦门: 厦门大学出版社; 2015. 381 页 = Лін Джаосья. *Мадэрнаваць і асветніцтва ў кітайскай літаратуры*. Сямэнь: Выдавецтва Сямэньскага ўніверсітэта; 2015. 381 с.
4. 洪子诚. 中国当代文学的«苏联化»与«去苏联化». 文艺研究. 2024;3:69–81 = Хун Дзычэн. Саветызацыя і дэсаветызацыя на-вейшай кітайскай літаратуры. *Літаратуразнаўства*. 2024;3:69–81.
5. 佛克马. 中国文学与苏联影响: 1956–1960. 季进, 聂友军, 译者. 北京: 北京大学出版社; 2011. 259 页 = Факема Д. *Кітайская літаратура і савецкі ўплыў: 1956–1960 гг.* Дзі Дзінь, Ньё Ёўдзюнь, перакладчыкі. Пекін: Выдавецтва Пекінскага ўніверсітэта; 2011. 259 с.
6. Гиденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальнич ДА, переводчики. Москва: Праксис; 2011. 352 с.
7. 周作人. 论小诗. 在: 钟叔河. 周作人散文全集. 第二卷 (1918–1922). 桂林: 广西师范大学出版社; 2009. 页553–561 = Джоў Дзуо-жэнь. Аб паэзіі малых форм. У: Джун Шухэ. *Зборнік эсэ Джоў Дзуо-жэня. Том 2: 1918–1922*. Гуэйлінь: Выдавецтва Гуансійскага педагагічнага ўніверсітэта; 2009. с. 553–561.
8. 洛鑫. 雾中风景与言语蜂蜜—论肖水. 名作欣赏. 2013;22:128–131 = Луо Джань. Краявіды ў тумане і мёд мовы. Аб Сяо Шуэй. *Агляд вядомых літаратурных твораў*. 2013;22:128–131.
9. 肖水, 木朵. 孤独的, 未来的—诗人肖水访谈. 名作欣赏. 2013;22:132–135 = Сяо Шуэй, Му Дуо. Самотнасць і прагрэсіўнасць. Інтэрв'ю з Сяо Шуэем. *Агляд вядомых літаратурных твораў*. 2013;22:132–135.
10. 陈先发. 困境与特例. 在: 臧棣等, 新五人诗选. 广州: 花城出版社; 2017. 页337–347 = Чэнь Сьеньфа. Цяжкасці і асобныя выпадкі. У: Дзан Ды, Джан Джыхао, Лэй Пін'ян, Чэнь Сьеньфа. *Новы зборнік пяцярых паэтаў*. Гуанджоў: Горад кветак; 2017. с. 337–347.
11. 艾略特. 传统与个人才能. 在: 高建平, 丁国旗. 西方文论经典. 第四卷: 从唯美主义到意识流. 合肥: 安徽文艺出版社; 2014. 页180–188 = Эліят Т.С. Традыцыя і індывідуальны талент. У: Гао Дзэньпін, Дын Гуоці. *Класіка заходняй літаратурнай тэорыі. Том 4. Ад эстэтызму да плыні свядомасці*. Хэфэй: Літаратурнае выдавецтва правінцыі Аньхуэй; 2014. с. 180–188.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 04.02.2026.
Received by editorial board 04.02.2026.

УДК 821.161.1 + 271.2

АРХИМАНДРИТ ФЕОДОР (БУХАРЕВ) КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Т. П. СИДОРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются литературно-критические статьи архимандрита Феодора (Бухарева), в которых дается оценка творчеству русских писателей Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского. Выявляются особенности литературной критики отца Феодора как духовного писателя (интенции, идейно-жанровая специфика, инструментарий), проводится анализ проблематики художественных произведений с точки зрения значимых для архимандрита богословских идей в контексте социально-исторических и культурных реалий его времени.

Ключевые слова: архимандрит Феодор (Бухарев); литературная критика; духовный писатель; идея; проблема; жанры критики; инструментарий.

АРХІМАНДРЫТ ФЁДАР (БУХАРАЎ) ЯК ЛІТАРАТУРНЫ КРЫТЫК

Т. П. СІДАРАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Разглядаюцца літаратурна-крытычныя артыкулы архімандрыва Фёдара (Бухарава), у якіх даецца ацэнка творчасці рускіх пісьменнікаў М. В. Гоголя, Ф. М. Дастаеўскага, І. С. Тургенева, Н. Г. Чарнышэўскага. Выяўляюцца асаблівасці літаратурнай крытыкі айца Фёдара як духоўнага пісьменніка (інтэнцыі, ідэйна-жанравая спецыфіка, інструментарый), праводзіцца аналіз праблематыкі мастацкіх твораў з пункту гледжання значных для архімандрыва багаслоўскіх ідэй у кантэксце сацыяльна-гістарычных і культурных рэалій яго часу.

Ключавыя словы: архімандрыва Фёдар (Бухараў); літаратурная крытыка; духоўны пісьменнік; ідэя; праблема; жанры крытыкі; інструментарый.

Образец цитирования:

Сидорова Т.П. Архимандрит Феодор (Бухарев) как литературный критик. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:17–32.
EDN: UCCLXW

For citation:

Sidorova T.P. Archimandrite Feodor (Bukharev) as a literary critic. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:17–32. Russian.
EDN: UCCLXW

Автор:

Татьяна Петровна Сидорова – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета.

Author:

Tatyana P. Sidorova, PhD (philology), docent; head of the department of Russian literature, faculty of philology.
tsidorova1980@mail.ru

ARCHIMANDRITE FEODOR (BUKHAREV) AS A LITERARY CRITIC

T. P. SIDOROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the works of Russian writers N. V. Gogol, F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, N. G. Chernyshevsky in the assessment of Archimandrite Feodor (Bukharev) on the material of his literary-critical articles. The features of literary criticism of Father Feodor as a spiritual writer (intentions, ideological and genre specificity, tools) as well as an analysis of the problems of works of art from the point of view of theological ideas significant for the Archimandrite in the context of the socio-historical and cultural realities of his time are revealed.

Keywords: Archimandrite Feodor (Bukharev); literary criticism; spiritual writer; idea; problem; genres of criticism; tools.

Введение

Непростое положение Церкви, вызванное реформами Петра I и последовавшей за ними секуляризацией общественной жизни, проявлялось не только в ограничении ее внешних свобод, но и в культурной изоляции клира. Его представители, которые в силу образованности и начитанности «от избытка сердца» желали публично высказываться по вопросам литературы или культуры, не имели такой возможности (Лк. 6:45). Ситуация не изменилась и в XIX в. «Культурный антиклерикализм» как специфическая черта социально-исторического контекста XIX в. проявлялся в «лишении языка» лиц в сане в целом и священников в частности. Здесь «речь идет о том, что представители образованных слоев общества не допускали для русской церкви возможности присутствовать в культурном пространстве, участвовать в культурной жизни людей и общества в целом» [1, с. 29]. Священники не имели возможности высказываться публично по вопросам культурной и общественной жизни в печатных изданиях, они не были вхожи в редакции или литературные объединения, даже если имели образование или занимались художественным творчеством. Только после Октябрьской революции 1917 г. в России, оказавшись в эмиграции в условиях свободы (как от давления атеистической государственной власти, так и от церковной администрации), духовные писатели «обрели голос».

К духовным писателям относятся лица духовного звания, получившие в таинстве рукоположения или пострига особую духовную благодать, которая позволяет им, кроме совершения таинств и богослужений, осуществлять пастырское попечение о верующих: духовное окормление, обучение и участие в миссионерской и благотворительной деятельности. Такую деятельность могут осуществлять не только священники, создавшие свою религиозно-философскую концепцию, как, например, протоиерей Сергей (Булгаков), протоиерей Василий (Зеньковский), но и глубоко образованные митрополиты, епископы, священники и монашествующие (митрополит Анастасий (Грибановский), митрополит Антоний (Храповицкий), священник Иоанн (Восторгов), священник Георгий (Флоровский), архиепископ Иоанн (Шаховской), протоиерей Александр (Шмеман), мать Мария (Скобцова) и др.). Духовные писатели данной категории занимают промежуточное положение между святыми духовными писателями (пророки, евангелисты (авторы Священного Писания)) и светскими духовными писателями (лица без сана, которые транслировали в своих художественных произведениях образы и мотивы христианской культуры (Б. Зайцев, И. Шмелев, Н. Городецкая и др.)).

При изучении творческого наследия духовных писателей мы обнаруживаем не только богословские произведения, но и литературно-критические труды, в которых дается оценка творчества светских авторов и их произведений с точки зрения современных запросов человека и общества, выраженная как в традиционных (статья, рецензия, обзор, эссе), так и специфических (проповедь, речь, мемуары, переписка) формах.

В общепринятую традиционную типологию литературных критиков (критики-профессионалы, критики-писатели, критики-философы (термин Г. А. Струве) [2, с. 380], критики-читатели) мы вводим дополнительный тип (критики – духовные писатели) как одну из разновидностей критиков-писателей.

Материалы и методы исследования

При осмыслении корпуса литературно-критических работ архимандрита Феодора Бухарева использовались следующие методы: культурно-исторический (при рассмотрении отражения проблем указанной

эпохи в творчестве духовного писателя), биографический, описательный и рецептивный (при раскрытии авторских стратегий взаимодействия с читателем и индивидуально-творческой специфики репрезентации литературно-критического материала).

Результаты и их обсуждение

Александр Матвеевич Бухарев (1822–1871) – русский духовный писатель, богослов, профессор Московской духовной академии (МДА), судьба которого отразила всю сложность взаимодействия церковной и светской культур в XIX в.

О своей эпохе сам отец Феодор писал так: «Девятнадцатый век проник и к нам, век, который, как Фома неверный, хочет все ощупать своими руками... Если в чем необходима и может иметь место одна только детская вера в истину, – девятнадцатому веку нужно, чтобы истина так засияла ему в глаза, что заносчивые его вопросы сами собою исчезли бы, и он пал перед ней в трепетном благоговении, и воскликнул бы из всей глубины верующей уже души: “Господь мой и Бог мой”. И это непременно будет, рано или поздно; потому что вечная истина всегда торжествует...»¹. В этом высказывании отец Феодор говорит об огромной пропасти, которая существовала между учением Церкви и корпусом знаний стремительно развивающейся науки и просвещения, при этом он надеется на проникновение евангельских истин во все сферы жизни человека его времени.

Отметим, что, несмотря на неоднозначное положение священства в контексте культурного диалога с социумом в XIX в., у одаренных, имеющих интуицию и дар слова пастырей все же была возможность оценивать литературное произведение и его автора. Чаще всего площадкой для публичной критики был амвон. Там во время проповедей или поминальных, памятных речей (на праздник, ко дню рождения писателя в храме при духовном училище или классической гимназии) священники могли выразить свое отношение к художественному творчеству отдельных авторов или светской культуре в целом. Пример такой деятельности находим в творчестве протоиерея-священномученика Иоанна Восторгова. Кроме того, у авторов всегда была приватная область самовыражения – переписка.

В историю русской литературы отец Феодор вошел благодаря письмам к Гоголю. Цикл «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» известен в первую очередь гоголеведам и всем интересующимся творчеством Николая Васильевича в зрелый период. Но у отца Феодора есть незаслуженно обойденные вниманием литературно-критические статьи, которые, хотя и были написаны им после снятия монашеских обетов и лишения сана, по содержанию и интенциям не выходят за рамки христианского дискурса и продолжают идеи, отраженные в письмах к Н. В. Гоголю.

Рассматривать особенности литературной деятельности отца Феодора невозможно без обращения к его мирской и духовной биографии.

Жизнь Александра Матвеевича вначале складывалась предсказуемо. Его, сына дьякона, отличника Тверской семинарии, слушателя Московской духовной академии, принявшего монашество с именем Феодор по ее окончании в 1846 г., ожидало блестящее будущее в церковной среде. Как лучший выпускник отец Феодор был оставлен в МДА бакалавром на кафедре Священного Писания. В 1852 г. он получил звание экстраординарного профессора, а в 1853 г. принял сан архимандрита.

За период преподавания в МДА (1846–1854) и в последующие годы средоточием своей жизни архимандрит Феодор считал Христа, которым был очарован не менее, чем Ф. М. Достоевский, сложивший свой символ веры. Кстати, Ф. М. Достоевский, по воспоминаниям вдовы А. М. Бухарева Анны Сергеевны, «сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение», которое последовало после ухода отца Феодора из монашества².

«Два аспекта христианской вести поразили его [архимандрита Феодора]: искупление мира в целом и уничижение Христа. Жизнь должна быть освящена, “зачарована”, охвачена всеми формами духа Христа. Это освящение возможно через избранного Богом, Который смирил Себя. В своей работе над Откровением отец Феодор писал: “Наша русская задача – служить очищению мысли, знания, литературы, всей цивилизации мира”»³ (здесь и далее перевод наш. – Т. С.). Отец Феодор призывал будущих пастырей в МДА подражать Христу в его любви к человеку вплоть до страданий за него.

Принятие человека и вглядывание во все сотворенное им как носителем образа Божиего занимало отца Феодора более всего. Н. А. Бердяев в своем труде «Русская идея» заметил, что архимандриту была «свойственна необыкновенная человечность, все христианство его проникнуто духом человечности.

¹Бухарев А. М. Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/tri-pisma-k-n-v-gogolyu/#0_1 (дата обращения: 22.08.2025).

²Бухарев А. М. Письмо к М. П. Погодину // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/pismo-k-m-p-pogodinu/ (дата обращения: 20.08.2025).

³Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought. Leighton Buzzard : [s. n.], 1938. 185 p.

Он хочет осуществлять эту христианскую человечность» [3, с. 89]. По этой причине отцу Феодору так откликнулся публицистический сборник Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В своей уединенной жизни в МДА как монах и ученый архимандрит с интересом следил за культурными событиями светского мира: «Тогда это было в новинку, поскольку Филарет, например, был против даже наличия произведений художественной литературы в библиотеках богословских школ»⁴. Как человек, внимательно следивший за книжными новинками, светской и духовной публицистикой, архимандрит Феодор не мог не заметить активной критики, обрушившейся на книгу Н. В. Гоголя как со стороны левых (В. Г. Белинский), так и со стороны консерваторов (С. Т. Аксаков). Напомним, что основной идеей книги писателя было впускание Христа во все сферы жизни: быт, искусство (литература, театр), общественную деятельность (органы местного и государственного управления). Эти идеи были близки архимандриту Феодору.

Сборник «Выбранные места из переписки с друзьями» по жанру близок к проповеди, поэтому желание Н. В. Гоголя узнать мнение об этом произведении духовных лиц было естественным. Известно, что писатель обратился к ряду пастырей с просьбой дать оценку его труду. Большинство адресатов (архиепископ Херсонский Иннокентий, протоиерей Тарасий (Серединский), епископ Кавказский и Черноморский Игнатий (Брянчанинов), иерей Матфей Константиновский, митрополит Московский и Коломенский Филарет) в той или иной форме твердо и назидательно охладили пыл Гоголя-проповедника.

Архимандрит Феодор является единственным из служителей Церкви, кто не просто изъявил желание дать отзыв на книгу писателя, но и вступил с ним в переписку, а также попросил Н. В. Гоголя о личном знакомстве. Монах приглашает светского писателя встретиться для общения. Для XIX в. этот поступок был сродни юродствованию, поскольку, как уже упоминалось выше, между представителями светской культуры и клиром существовали противоречия. Архимандрита Феодора многие считали блаженным, человеком не от мира сего. Эти качества могли быть сформированы у него под воздействием духовного окормления у юродивого отца. Известно, что духовным руководителем отца Феодора, помимо митрополита Московского и Коломенского Филарета, был Христа ради юродивый блаженный старец иерей Петр (Томаницкий).

Отец Феодор делает шаг навстречу отверженному подавляющим большинством Н. В. Гоголю, чтобы поддержать его и объяснить ему, растерянному и утратившему начальную уверенность в правильности своей миссии, что книга «Выбранные места из переписки с друзьями» не случайный феномен творчества, а логичное завершение этапа духовного становления писателя, пожелавшего посвятить свое словесное творчество служению Богу.

Известно, что произведение «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» было отправлено отцом Феодором митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету для благословения на публикацию. Как монах отец Феодор не мог не получить разрешения у владыки. Прочитав только первое письмо к Гоголю (второе и третье были написаны после запрещения первого), митрополит Московский и Коломенский Филарет его не одобрил. Историк, профессор Московского университета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук М. П. Погодин в статье «Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве (архимандрит Феодор)» передает личную встречу монаха и митрополита так: «...митрополит выразил ему сильное неудовольствие за неприличный предмет занятий и на все его доводы говорил: “Это глупо”, или “Это гордо”, – так что Бухарев замолчал. Тогда митрополит сказал ему с сердцем: “Почему ты ничего не говоришь?” – “Потому, – отвечал Бухарев, – что я не хочу, сколько от меня зависит, говорить ни глупых, ни гордых речей”. Эти слова так подействовали на митрополита Филарета, что он вдруг смягчился и сказал ласково: “Ну вот, ты уже и рассердился!” – тотчас переменял совершенно тон и начал относиться уважительно. О. Феодор занемог вскоре после этой беседы и пролежал несколько недель в больнице. По выздоровлении, пред отъездом в Лавру, явился опять к митрополиту, который принял его с особенною лаской и провел с ним часа два в отечески откровенной беседе, отказывая прочим посетителям» [3, с. 335]. Н. В. Серебrennikov в статье «Архимандрит и отделение критики: судьба Бухарева» подчеркивает, что почти 14 лет после запрета публикации писем к Н. В. Гоголю отец Феодор «не пытался выступать как литературный критик»⁵ [3, с. 8].

После неудачной попытки издания книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (она будет опубликована в Санкт-Петербурге только в 1861 г.) архимандрит вступает в личную переписку с Н. В. Гоголем и приглашает его в МДА на встречу со студентами. Отец Феодор читал писателю отрывки из своего произведения. «Из его речей, – свидетельствует архимандрит, – мне можно было с грустью видеть, что не мешало бы сказать и благоприятному о его “Переписке” голосу: мне виделся в нем уже мученик нравственного одиночества...» [4, с. 134].

⁴Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

⁵Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – Т. С.

История дружбы Н. В. Гоголя и архимандрита Феодора знаменует начало диалога между Церковью и творческой интеллигенцией в XIX в. Тропа писателя в лавру к преподобному Сергию превратится в «тропу покаяния», по которой Ф. М. Достоевский придет в скит к старцу Амвросию Оптинскому.

Подробно посещение Н. В. Гоголем по приглашению отца Феодора Троице-Сергиевой Лавры 1 октября 1851 г. за пять месяцев до его кончины описано В. В. Крестовоздвиженским в его «Заметке»: «Он казался нам скучным и задумчивым. Это обоюдное молчание продолжалось несколько минут. Наконец один из студентов, собравшись с мыслями, сказал за всех: “Нам очень приятно видеть вас, Н<иколай> В<асильевич>, мы любим и глубоко уважаем ваши произведения”. Н<иколай> В<асильевич>, сколько можем припомнить, так отвечал приветствовавшим его *духовным воспитанникам*: “Благодарю вас, гг., за расположение ваше. Мы с вами делаем общее дело, имеем одну цель, *служим одному Хозяину... У нас один Хозяин*”. Начав говорить несколько потупившись, Н<иколай> В<асильевич> произнес последние слова, устремив глаза к небу. Заметно в нем было какое-то смущение; он хотел сказать еще что-то; но как будто не нашелся и вслед за тем навсегда раскланялся с студентами, произнеся последнее “Прощайте!” Только теперь очнулись воспитанники от тупого чувства, в которое повергла их неожиданность появления Н<иколая> В<асильевича>; и он вышел из дверей академических комнат при дружном, но отрывистом рукоплескании студентов» [3, с. 67–68].

Через Н. В. Гоголя архимандрит Феодор познакомился с М. П. Погодиным и вступил с ним в переписку. Из нее узнаем о трагедии, случившейся с важным для отца Феодора трудом «Толкование на Апокалипсис», который он начал писать еще в МДА и считал делом всей своей жизни: «Надо начать почти *ab ovo*. Не знаю, говорил ли вам покойный Гоголь, что моя кафедра в Московской академии была и по исследованию Св. Писания. Проследя один раз оба Завета с особенно занимавшею меня задачей – раскрывать внутренне последовательный порядок, в каком шли ветхозаветные и новозаветные откровения, я награжден и утешен был и вообще обилием раскрывшегося передо мною света Божия, и особенно разъяснением последнего таинственного Откровения – Апокалипсиса. Это последнее совершилось просто и как бы само собою: идя со строгою последовательностью, чрез это я доведен был до такой точки, с которой, с помощью истории, стало видно содержание Апокалипсиса в его значении. Но то самое, что так просто было для меня, обратилось в камень преткновения для опасавшихся унизить авторитет своего учительства вниманием к молодому ученому. Вот уж восемь лет тому, как мой свышесдекалетний труд по исследованию Апокалипсиса, труд обстоятельного и подробного обозрения зрелища, мне здесь открывшегося, запрещен и схоронен в могиле цензурного архива, хотя пред тем уже был одобрен духовною цензурой и даже начат печатанием» [3, с. 333].

Толкование Апокалипсиса, которое архимандрит Феодор включал в свои лекции в МДА, слушал митрополит Московский и Коломенский Филарет, одоббивший их: «Видишь мерцание света». В последующем эта публикация была запрещена, поскольку «митрополит Филарет был убежден в добрых намерениях архимандрита, но считал, что его язык провоцирует смятение в мыслях. Стиль Бухарева, действительно, тяжелый и путанный, но в то же время в нем есть что-то детское и убедительно искреннее»⁶. Митрополит с добротой относился к отцу Феодору, но запрещал печатать его сочинения. «Вообще же владыка весьма любил Бухарева, особенно за его искренность, хотя и считал нужным сдерживать его порывы. Когда о. Феодор был переведен в Казань на столь ответственные предметы, как богословие догматическое и нравственное, Филарет ставил в заслугу Московской академии, что старшая сестра уступает младшей такого профессора. Он не перестал заботиться о нем и помогать ему даже тогда, когда он вышел из монашества» [3, с. 12].

Можно предположить, что владыка Филарет «запрещал (печать произведений. – Т. С.) совсем не потому, что полагал их неправославными либо сомневался в чистоте и целостности веры ученика-богослова. Он не выпускал своего ученика дальше тех пределов, что ставил сам для себя. А пределы эти были очерчены святоотеческим наследием и требовали “догматической точности слововыражения”. То, что не позволял митрополит лицам духовным, дозволял “светской” публике, религиозным философам»⁷.

В качестве профессора догматического богословия архимандрит Феодор был направлен в Казанскую духовную академию в 1854 г. Суровая атмосфера места, где дисциплина была основана на страхе и наказании, была тяжелым испытанием для добросердечного и мечтательного человека: «он попытался взять на себя судьбу студента и считал их недостатки, как свои собственные. Известно, что Бухарев болел два или три дня за проступки студента»⁸.

Отец Феодор приезжал в Оптину пустынь и пожелал остаться там в 1855 г. Но его прошение об отставке не было принято. В Казанской духовной академии его часто высмеивали как своего рода блаженного. Архимандрит организовал там что-то вроде особых вечеров с отцом Феодором среди светской публики.

⁶Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

⁷Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 14.

⁸Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

В 1858 г. он вошел в состав Комитета церковной цензуры и начал цензуровать журнал «Домашняя беседа», редактором которого был выпускник Киевской духовной академии, влиятельный человек в церковной среде В. И. Аскаченский (1813–1879). Возмущенный «мрачным изуверством», с которым В. И. Аскаченский нападал на все мирское, отец Феодор стал править некоторые статьи издания. Редактор в свою очередь обвинял цензора в гегельянстве, называя его приверженцем «зверя Гегеля» (Б. Спинозы, Вольтера, И. Г. Фихте). Он считал отца Феодора представителем «философского направления» МДА. В. И. Аскаченский не поддерживал намерение архимандрита примирить православие с современностью. Он считал, что «дух православия стоит в непримиримом отношении к современности, лежащей во зле, в греховных мерзостях». В. И. Аскаченский подчеркивал, что он узко понимает сущность православия, т. е. «в рамках, указанных церковью и вселенскими соборами»⁹. В. И. Аскаченский, бесспорно, сыграл свою роль в наложении запрета на печать труда «Толкование на Апокалипсис» архимандрита Феодора.

Отец Феодор в 1860 г. выпустил книгу «О православии в отношении к современности», вызвавшую полемику в печати из-за смелых для того времени взглядов, фокусировавшихся вокруг идеи впуска Христа во все сферы жизни человека, а не только в церковное бытие.

Архимандрит в 1861 г. подал прошение в Святейший синод о прекращении своей деятельности в качестве цензора по причине расстроенного здоровья. По воле Святейшего синода он был помещен в братство Никитского переславского монастыря Владимирской епархии.

Святейший синод в 1862 г. запретил труд отца Феодора «Исследование Апокалипсиса» (опубликован в 1916 г.), 20 июля 1862 г. архимандрит направил в Святейший синод прошение о сложении сана, а 6 сентября 1862 г. написал прошение императору об отмене запрета на труд об Апокалипсисе, но получил отказ. 22 октября 1862 г. Владимирская духовная консистория вынесла определение о 3-месячном увещании отца Феодора. Наконец, 25 июня 1863 г., Святейший синод дал разрешение на снятие его духовного и монашеского сана с лишением звания магистра и права проживания в тех епархиях, где он пребывал монахом.

Александр Матвеевич подписал сложение сана и отречение от всех званий 31 июля 1863 г. Вскоре после этого, 16 августа 1863 г., он повенчался с 23-летней дочерью переславского помещика Анной Сергеевной Родышевской. Они прожили в супружестве восемь лет, вместе пережили голод, скитания по России, смерть дочери, нищету.

Об этом жизненном этапе А. М. Бухарев так писал М. П. Погодину: «Имея за себя неподкупную историю, оправдывающую мое разъяснение Откровения, и правду православия, раскрываемую в моем труде вместе с откровением и историей, я не мог и не могу согласиться с усиливающимися скрыть этот свет под спудом. Так, не будучи оставаться в *добросовестных* отношениях по монашеству к высшим даже аввам, я сложил с себя монашеский и священный сан, хотя до того был монахом не фальшивым, а по совести; поэтому-то, впрочем, мне и не хотелось, как и следовало, фальшивить, оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех, кого должен был по монашеству слушаться» [3, с. 9–10]. Среди бумаг, которые передала М. П. Погодину вдова А. М. Бухарева, была записка следующего содержания: «Болезненный и ничего у себя не имеющий, занятый делом Божией истины и Церкви, пошел я на семилетнюю эпитимию, лишение прав, потерю прошедшей беспорочной службы, решился на позор расстрижения, чтобы не оставаться в противных совести отношениях беспрекословного повиновения духовному начальству» [3, с. 10].

Отец Феодор с 1863 г. принимает светское имя Александр Матвеевич Бухарев, за которым следует формулировка «сын дьякона, расстрига». Очень важно, что он не разрывает отношений с Церковью, поэтому его опыт невозможно сравнивать с опытом, например, Мартина Лютера: «Перемена жизненного пути Бухарева – не результат внутреннего кризиса... а, напротив, поступок, вызванный внешними условиями и мотивированный всем мирозерцанием о. Феодора, героический акт исповедничества» [3, с. 11]. А. М. Бухарев писал В. В. Любимовой: «В среде монашества стали меня стеснять в служении слову Божию; мне такого монашества не нужно, потому что я и в монашество пошел ради слова Божией истины. Не хотят внимать учению, что и в земном, и в мирском надо нам служить Господу, – что священство нам дано для послужения именно тому, чтобы и все были духовно цари и иереи Богу и Отцу; ну, так надо делом взяться за это, чтобы, и став в ряду мирян, быть верным благодати царственного священства, к которому все призваны. Но не хочу идти, даже и во внутренней моей мысли, против православной иерархии, т. е. ее винить, а себя оправдывать: потому что иду я на позор расстрижения, под эпитимию церковную, как сам виноватый»¹⁰.

⁹Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 31.

¹⁰Письма архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева) к казанским друзьям: В. В. Любимовой, А. И. Дубровиной и протоиерею В. В. Лаврскому // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Buharev/pisma-arhimandrita-feodora-aleksandra-matveevicha-buhareva-k-kazanskim-druzjam-v-v-lyubimovoj-a-i-dubrovinoj-i-protoieryu-v-v-lavrskomu/ (дата обращения: 10.07.2025).

Архимандрита Феодора не понимали в церковной среде. В. В. Розанов высказывался более кардинально: «В своей собственной среде архимандрит Феодор был затоптан, не пощажен; а миссия его, на несколько лет как бы скрывшаяся под землю, – как есть подобные источники в горах – вышла наружу и потекла уже неодолимою рекою в месте совершенно ином, в стане других людей – в литературе и светском обществе»¹¹. Для многих представителей церковной среды идея отца Феодора сблизить православие с жизнью казалась обмирщением Церкви, даже ересью. Архимандрит не собирался обмирщать Церковь. Он хотел освящения мира светом православия. По замечанию М. М. Тареева, «А. М. Бухарев хотел, чтобы не было ни одной области в человеческой жизни, которая могла бы протекать вне света Христова, – он хотел, чтобы безусловно все стороны нашей жизнедеятельности развивались по духу Христову – наука, искусство, семья, государство, народность, гражданственность... Неутомимость, с какою он прилагал православную точку зрения ко всем без исключения вопросам и затруднениям, какие только возникали в современной ему общественной жизни, поразительна. Он дышал православием и не забывал его ни на одну минуту. Рассуждал ли он о сочинениях Гоголя, о раскольниках и миссионерстве, о западной науке, о женщинах и семье, о евреях, о власти и подданных – все он рассматривал с точки зрения православия» [3, с. 13].

Христианское воззрение А. М. Бухарева было последовательным и ясным: «“Да Христа обрящем” – постараемся воплотить дух Христов во всей нашей жизни и внешней практике. Эта основная мысль арх. Феодора проводится во всякой статье его, будь то рассуждение о картине Иванова или разбор романов Чернышевского, Тургенева, Достоевского»¹².

Центральной идеей жизни и творчества архимандрита была идея личности Христа. Н. А. Бердяев назовет это панхристизмом: «Он хочет приобретения и усвоения себе Христа, а не Его заповедей. Он все сводит к Христу, к Его лику. <...> Дух Христов не отворачивание от людей, а человеколюбие и самопожертвование. Бухарев особенно настаивает на том, что главная жертва Христа – за мир и человека, а не жертва человека и мира для Бога» [3, с. 91].

Жить по духу Христа, находить божественный свет во тьме материи и греха – цели жизни архимандрита Феодора. Взгляд, которым он смотрит на все сотворенное – это взгляд Христа (смотреть на человека с любовью, которой его любит Спаситель, – способность святого): «Не с осуждением человеческих неверностей, а в духе Христовой любви смотрел архимандрит Феодор на раскрытие человеческой мысли, фантазии и души в искусстве, литературе, науке»¹³. И эта черта особенно заметно проявилась в литературно-критической деятельности отца Феодора.

Феномен жизни А. М. Бухарева заключается в том, что он сумел совместить в себе духовное служение в качестве архимандрита и светскую деятельность в качестве литературного критика. Н. В. Серебрянников отмечает: «Взывая к согласованию жизненных потребностей с духовными запросами христианства, сораспываясь с миром сим и его обличая, о. Феодор, прежде чем дойти до грани, где его ждала кьеркегоровская дилемма “или – или”, употребил все усилия, дабы слова “архимандрит и отделение критики” воспринимались как нечто естественное и ни в коем случае не как противопоставление» [4, с. 6].

Однако если богословское наследие отца Феодора официально включено в историю русской церковной мысли¹⁴, то литературно-критическая деятельность архимандрита не исследована совсем: есть рецензия на книгу «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году» священника П. А. Матвеевского и отдельные обзорные статьи А. И. Кривошеевой, Н. В. Серебрянникова, Б. Ф. Егорова по его литературной деятельности в контексте биографии в целом [3].

Комплексное исследование литературно-критических работ архимандрита Феодора заполнит пробел в истории русской литературной критики, добавив в нее еще одно имя критика – духовного писателя. Себя отец Феодор относил к критикам, хотя и не без скромности. Так в письме к Н. В. Гоголю он пишет: «Думаю я свою критику о вас, или как угодно проще назовите мое дело»¹⁵. Тем более, «архимандрит Феодор верил, что литературная работа есть его истинное призвание в служении Богу и людям. Кризис, вызванный невозможностью напечатать книгу (“Исследования Апокалипсиса”), мог быть объяснен только глубокой убежденностью, высказанной Бухаревым еще в 1848 (Письма к Гоголю) о том, что Церковь и светская жизнь должны объединиться в общей задаче освящения жизни»¹⁶.

К литературно-критическим работам архимандрита Феодора относятся «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», а также ряд критико-публицистических статей, вышедших в свет уже под светским именем после 1863 г., в которых рассматривались романы «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Что делать?»

¹¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 33.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 16.

¹⁴ Бухарев А. М. // Православная энциклопедия : сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/153711.html> (дата обращения: 10.08.2025).

¹⁵ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 257.

¹⁶ Gorodetsky N. The humiliated Christ in modern Russian thought...

Н. Г. Чернышевского, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Большинство критических работ вошли в сборник «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» (1865).

По мнению одного из первых исследователей творчества А. М. Бухарева литературного критика К. Кокшенёвой, «статьи о литературе архимандрита Феодора Бухарева являют нам особый тип духовной критики, стремящейся всему мирскому и земному дать христианское основание»¹⁷.

Перед тем как обратиться к оценке отцом Феодором литературных произведений, рассмотрим его взгляды как художественного критика на культуру и искусство в целом, которые отражены в статьях «Явление Христа миру. Картина Иванова» (1859), «О православии в отношении к современности» (1860), «О журналах наших, светских и духовных» (1862). В них содержатся высказывания о природе искусства, предназначении художника и роли критика как такового. Свои мысли А. М. Бухарев подтверждает ссылками на авторитетный для духовного писателя источник – Священное Писание и святоотеческое учение.

Творчество отец Феодор оценивает с позиции православного христианина и богослова, а произведение измеряет критерием соответствия или несоответствия евангельскому учению: «Вот прямой взгляд на искусство, если только мы будем судить о нем как христиане, а не как неверные или язычники!»¹⁸; «Настоящая богословская точка зрения – смотреть на все на основании и по духу Христа Бога Слова»¹⁹.

Служитель Церкви может и даже должен оценивать светскую культуру, «но зачем духовному человеку вмешиваться в дела и запутанности мысли и литературы светской? Что общего у богословской точки зрения с мирским словом?» Отец Феодор вспоминает слова, сказанные Н. В. Гоголем при посещении МДА: «У нас с вами один Хозяин. Мы все работаем у одного Хозяина». Архимандрит восклицает: «И так вот и светский человек не хотел отделять своего дела от благодатного владычества Христова; тем более служителю Христовой благодати свойственно и должно служить распространению благодатного осенения на все, сколько возможно»²⁰.

Духовный писатель может найти отблески божественной истины даже в атеистических произведениях. И здесь отец Феодор упоминает использование В. Г. Белинским цитат из Священного Писания, которыми тот бравировал для критики христианской этики. Как читатель произведений В. Г. Белинского архимандрит понимал их по-своему, в парадигме религиозной традиции: «И потому выходило, что следя систему его мыслей, извращающую Христову истину, я в своем уме развивал живую систему самой Христовой истины. И сколько, помню, радостей было у меня, что вот наконец взялись люди за ум углубляться в премудрость Божию и раскрывать ее свет для всяких дел! Я обманывался; но, благодаря именно такому чтению Белинского, мысль моя довольно развилась и окрепла в светлом, живом и отчетливом направлении Веры»²¹.

Святые отцы не гнушались светским, даже языческим, искусством для проповедования христианства: «Святые Отцы для меня были авторитетами живой, обнимающей в высших своих представителях (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин и др. – Т. С.) все современное им образование, мысли Веры»²².

Далее в подтверждение своей идеи о необходимости обращения духовного писателя к оценке светских произведений А. М. Бухарев упоминает видение апостола Петра, в котором ему было явлено покрывало с разными животными, в том числе нечистыми: «На возможные пререкания о мнимой несовместимости живого внимания к светскому слову с богословским образованием напомним видение св. Апостола Петра, указывавшее на призвание ко Христу языческого мира. Петр в восхищении духа видел, что из отверстого неба спустилась пред ним как будто плащаница, в которой были вся четвероногия земли: и зверье, и гады, и птицы небесные. Петру сказано было при сем: восстав заколи и язьдь; и когда Апостол находил это несовместимым с воззрениями Ветхозаветного Богословия, то ему был глас уже Новозаветного Богословия: яже Бог очистил еси, ты не скверни (Деян. 10, 11–15)»²³.

Традиционно критик призван оценивать каждое явление культуры с точки зрения современности. Отец Феодор находит подтверждение этой мысли в Священном Писании: «Сам Господь наш сильно упрекал не только законников и учителей иудейских, но и весь народ Божий за невнимательность к современным нуждам и опасностям по отношению к вере. <...> С этой именно стороны и нам в особенности нужно испытывать нашу современность в отношении к православию»²⁴.

¹⁷ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 94.

¹⁹ Там же. С. 255.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 256.

²⁴ Там же. С. 53–54.

Архимандрит настаивал на том, что монополии на истину не существует, и есть только одна истина – Христос. Он является мерилom ценности того, что совершает человек. Важным в христологии для отца Феодора является идея о кенозисе²⁵ Иисуса Христа (его уничтожение через принятие человеческой природы со всеми ее качествами (фантазией, мыслью, словом) и ее преображение и вознесение в небесную славу): «Единосущный Сын Божий, восприняв и сохранив в единстве своего лица, в соединении с Божеством своим и человеческое естество с человеческою волею и действием человеческим, значит – и с человеческими мыслями, желаниями, чувствами, воспоминанием, воображением, и – все это ради нас, человеков»²⁶. Возвращаясь к реалиям своего времени, отец Феодор сетовал, что современные христиане, подобно древним представителям арианства, разграничивают две сферы соприсутствия с Христом: в церкви, где «прямо к вере и благочестию содержится или исполняется как следует, по Христу» и в других сферах жизни, где «во всем прочем дается место разным житейским или идеальным началам, уже не возводимым под небесное Главенство Христово»²⁷. Между тем, следует «признавать и иметь Христа Спасителя верховным живым началом своей мысли, своей воли, сердца, воображения, и следовательно, всей области наук, искусств, жизни общественной и частной», – заключал отец Феодор²⁸.

Человек, как образ и подобие Божие, несет в себе отблески творческой энергии, заложенной в него Творцом. Талантливый художник – избранник Божий, он призван служить словом для преображения мира и совершенствования человека.

Задача искусства состоит в том, чтобы художник «своим так называемым творческим дарованием сколько-нибудь ощутил силу и державу любви Отца, на все в Сыне простирающейся и всему приемлющему во Св. Духе удобосообщимой, и чтобы отобразил это в своем создании, хотя бы совсем бессознательно, хотя бы так, как солнце отражается в капельке воды»²⁹.

Истинное творчество пророческое, природа искусства молитвенна. Так, о художнике А. А. Иванове отец Феодор пишет, что «сам покойный, разве теперь в другой жизни, видит и в блаженном Христовом утешении то, что он только предчувствовал в своем творческом вдохновении». Далее архимандрит добавляет: «Мне думается, что многолетнее дело Иванова, сопряженное со многими и внешними и духовными борениями, принято от Господа как молитвенный подвиг за Россию»³⁰. В другой своей работе А. М. Бухарев высказывал следующую мысль: «Истинную поэзию и в простом человеческом творении ныне уже ищут или полагают не во внешности только стихотворной» [5, с. 2].

Христос принес себя в жертву за каждого человека. Поэтому в любой деятельности, даже той, которая кажется несовершенной и далекой от трансляции духовного содержания, критик, как православный христианин, должен найти что-то светлое. Таким образом, отец Феодор считает, что задача искусства, обозначенная выше, «относится к художникам даже неверующим и язычникам, только бы они имели истинный талант художников: потому что в самой природе человека творческие силы и идеи в своем существе составляют не что иное, как отсвет того же Бога Слова, в Котором существенно и вечно открыта вся любовь Отчая, так как Он есть един истинный свет, *просвещающий всякого человека, грядущего в мир*. Все истинно светло, что еще сколько-нибудь теплится в духовной природе человека, принадлежит именно этому, а не иному источнику света»³¹.

«Испорченной фантазии» не существует – в каждой есть потенциал превращения в нечто доброе с точки зрения истины. Идею о том, что фантазия может быть «блудницею», отец Феодор развивает метафорически, накладывая на евангельскую историю о женщине, уличенной в прелюбодеянии: «Положим, моя мысль или так называемая творческая фантазия (говорю: в лице ученого или художника) была и блудницею, и все книжники и фарисеи обличали бы и готовы были бы побить эту блудницу камнями. Но если я уже пришел или со стыдением лица и вместе с упованием *только еще иду к Тому*³², Кто человеческую мысль и фантазию, как и всю природу человеческую, взял ради меня в неразрывный союз с своим всеблагостным, вседержавным Божеством; то Он Сам заступится за мою мысль и фантазию, не даст связывать и забить камнями грешницу, а напротив, связанную развяжет, и обличенную не осудит и другим не даст осудить – *Вземляй грехи мира*. Слышу, что Он говорит: *ни аз тебе осуждаю*.

²⁵Кенозис (греч. *κένωσις*; лат. *Exinanitio* – умаление, опустошение) – богословский термин, обозначающий уничижительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при воплощении для спасения мира. Самоуничтожение и последовавшее за ним прославление Иисуса Христа Богом Отцом описано во второй главе послания апостола Павла к филиппийцам.

²⁶Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 68.

²⁷Там же. С. 64.

²⁸Там же.

²⁹Там же. С. 94.

³⁰Там же. С. 113–114.

³¹Там же. С. 92.

³²Курсив наш. – Т. С.

Иди и отсель к тому не согрешай... Ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет жизни (Иоан. 8, 11.12.)»³³.

Церковь в лице своих служителей и ревностных христиан не должна препятствовать распространению истины и «прятать» (запрещать) Христа от людей светской культуры, а разрешить им впустить его в свое творчество и способствовать этому впуску через нравственную поддержку, правильное руководство и чуткое наставление. Пастырям следует служить не по букве закона, а по духу любви: «Ревность по православию, служению благочестию должны настраиваться не по духу отчуждения»³⁴. Примером для современных поборников благочестия должны быть святые мученики, которые «держали победу прежде всего над иудейством. Для усвоения себе этой победы нам всемерно надобно стараться, чтобы отнюдь не допускать до себя мертвого и рабского духа иудейства, состоящего в ревности только по букве Божией истины, взятой вне своей силы и духа»³⁵. Более того, священник, который не поддержит стремящегося к духовному пути писателя, будет подвергнут наказанию Божию: «И я знаю, что вы будете жаловаться на меня Судии, если здесь и покончу беседу, если разом не выскажу вам всего, что мне слышалось о вас. Потому продолжу свое дело, чтобы оно вышло, наконец, полное и целое. Тот остался бы виноват перед своим внутренним судьей и перед Судиею всех, кто по своим расчетам оставил бы и вас, и многих еще в недоумении, с возбужденными, может быть, но не разрешенными совсем запросами вместо того, чтобы дать уже вам безостановочно идти вперед, по своему, может быть, еще более уясненному для вас поприщу. Грешно не только мешать, но и не пособлять тому, кто имеет своим делом душу и прочное дело жизни, и при том душу не свою только и дело не одной своей жизни»³⁶.

Отец Феодор подчеркивает готовность каждого священника принимать любого человека под своды храма независимо от его рода деятельности и степени духовно-нравственного совершенства: «Истинный служитель Христовой Церкви притом же знает, что благодать (иерархического) священства необходима и даруется от Бога духовным именно для служения тому, чтобы Христос был и с простыми христианами, или мирянами, чтобы потому миряне оставались и действовали каждый в своей области или среде, с духовною самостоятельностью, не зависимою от какого-нибудь папистического вмешательства, как это завелось в неправославном католичестве. Значит, не преступна пред православием и та независимость светской журналистики, что ее деятели *не ходят по нас*»³⁷.

У каждого человека, особенно у художника, есть выбор: приближаться к свету истины или отдаляться от него. Отдаление отец Феодор называет духовной зверовидностью: «Бесчеловечно низвергать что бы ни было человеческое, особенно же мысль, творческую фантазию, свободу, ниже человечества, до духовной зверовидности»³⁸. А те, кто входит своим творчеством, научным, социальным или художественным, в область служения свету и красоте, уподобляются апостолам: «Пример Киреевского в области научной мысли, пример Гоголя и Иванова в области искусства, пример Сперанского в области гражданской правды доказывают это до очевидности»³⁹.

Архимандрит пишет: «Только вот в чем наша великая беда: подвижникам просвещения, не по букве только православного, а устремляющегося к удовлетворению истинно православных вопиющих потребностей духа нашего, не по силам выносить бремя того нравственного одиночества, в котором они по большей части остаются у нас, – получая от одних сочувствия, но не к тому, что требовало бы сочувствия, и будучи пренебрегаемы или даже осуждаемы другими, и именно теми, от которых крайне требовалась бы поддержка сочувствия и одобрения»⁴⁰. В таком одиночестве – холере или другой какой-либо болезни или просто несчастной судьбе – нетрудно сразить человека. Это мы говорим в объяснении того замеченного в одном из наших журналов факта, что в последние десятилетия многие из наилучших деятелей наших в области мысли, слова и искусства неожиданно среди самого расцвета сражены были косою роковой непоправимой беды... Это Твой гнев, Господи, праведно на нас движимый. Прости и помилуй нас ради Твоего Сына и Агнца, вземлющего наши грехи!»⁴¹. Таким образом, отец Феодор замечает печальную и постыдную тенденцию – «великую беду» в русской культурной среде: вместо того чтобы поддержать писателя или живописца, который всей душой стремится отразить в своем творчестве христианские истины, окружение в лице светских и церковных коллег и друзей отворачивается от него, ищет в нем

³³ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 96.

³⁴ Там же. С. 88.

³⁵ Там же. С. 54.

³⁶ Там же. С. 305.

³⁷ Там же. С. 190.

³⁸ Там же. С. 86.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Дальнейшее поведение отца Феодора по отношению к Н. В. Гоголю дает основания утверждать, что он имеет ввиду, в первую очередь, служителей Церкви.

⁴¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 114.

гордыню или психическое расстройство. Результатом такого отношения становятся не только тяжкое, непосильное «бремя нравственного одиночества» для художника, но и физические страдания и даже смерть. Смертельные болезни (туберкулез, холера), по мнению архимандрита, являются следствием душевного надрыва, т. е. они имеют психосоматическую природу. Эта мысль отца Феодора является актуальной не только для XIX в.

Напомним, что вопрос об отношении Церкви к светскому художественному творчеству поднимался еще в первые века существования христианства. Так, в IV в. появилось переложение Евангелия на древнегреческий язык, а вскоре из-под пера святителя Григория Богослова вышло изложение событий страстей Господних и воскресения в форме античной трагедии под названием «Христос страждущий», чем «Церковь засвидетельствовала свое творческое отношение к античному наследию» [6, с. 32]. Новая христианская культура не гнушалась использованием языческой базы для проповедования Евангелия, тем самым ответив на вопрос о том, можно ли «впускать Бога», божественные предметы в художественное творчество.

Россия не познала радости «ренессансно творческой избыточности», потому именно русскому сознанию, по мнению Н. А. Бердяева, свойственно было религиозное сомнение в оправданности культуры, «это было сомнение и аскетическое и эсхатологическое» [7, с. 90].

Литературная критика архимандрита Феодора в виде писем к Н. В. Гоголю – это не просто оценка творчества писателя, а попытка решить эту вековую проблему взаимодействия Церкви и художественной культуры в контексте диалога между творческой интеллигенцией и духовенством.

Представители Церкви поддерживали духовные успехи Н. В. Гоголя: «Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надо радоваться его христианскому направлению» [8, с. 47]. Однако они не подозревали, что для него выражение их радости звучало как выражение надежды на совершение им великого словесного подвига. Н. В. Гоголь не мог оправдать подобные «надежды», поскольку был всего лишь писателем, а не пророком, прозревающим глубины ада илирая: «Я мучил себя, насиловал писать, страдал тяжким страданием, видя бессилие, и несколько раз уже причинял себе болезнь таким принуждением и ничего не мог сделать, и все выходило принужденно и дурно. И много, много раз тоска и даже чуть-чуть не отчаяние овладели мною от этой причины... Не готов я был тогда для таких произведений, к каким стремилась душа моя. Нельзя излагать святыни, не освятивши прежде сколько-нибудь свою собственную душу» [9, с. 378].

Есть в письмах духовных лиц разбор творческого вдохновения, но тут же отмечается, что оно греховно, следовательно, его нужно очистить, а лучше вовсе от него отказаться: «Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение...»⁴². Религиозные его [Гоголя] понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе «от избытка сердца уста глаголют» (Мф. 12:34)» [10, с. 595–597]. Сам собою напрашивается вывод: быть светским писателем грешно.

Архимандрит Феодор, как мы убедились ранее, не отвергал творческого вдохновения, более того, считал его благословением свыше.

Мнение отца Феодора о Н. В. Гоголе и его книге выражается в цикле «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году». В письмах, которые сразу были задуманы как открытые, архимандрит стремится к нравственной поддержке писателя, а также подчеркивает, что собирается оправдать Н. В. Гоголя как цельного автора, у которого не было никаких изломов.

В начале цикла отец Феодор очерчивает план, по которому будет писать свое исследование: «...думаю я свою критику о вас... сделать таким порядком: сначала изложу в общей связи или в общей системе ваши мысли в “Переписке”»⁴³. В «Письме первом» архимандрит действительно цитирует текст гоголевского произведения «Выбранные места из переписки с друзьями» или пересказывает его: «В мире и жизни вы смотрите или желаете смотреть на все в соприкосновении с Богом, который Один возносит и выводит все из глубины ничтожества»⁴⁴. Попутно он объясняет суть искусства не только читателям, но и самому автору: «Послушайте-ка, что еще хочу сказать вам. <...> Ваши мысли об искусстве и поэзии таковы: вы возводите искусство к закону Христову и сим законом уясняете тайну искусства и поверяете его успехи»⁴⁵. Отец Феодор называет Н. В. Гоголя русским христианским поэтом и православным поэтом⁴⁶. В «Письме втором» архимандрит ставит своей целью проследить связь между прозаической

⁴²Курсив наш. – Т. С.

⁴³Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 257.

⁴⁴Там же. С. 258.

⁴⁵Там же. С. 297.

⁴⁶Там же. С. 299.

поэмой «Мертвые души» и прежними сочинениями Н. В. Гоголя: «Далее попытаюсь показать отношение последнего вашего сочинения к прежним»⁴⁷. В прозаической поэме отец Феодор увидел «прозревание радости их воскресения»: «И кажется мне, я понимаю этот ваш монолог, этот чудный вздох творческой любви о мертвых наших душах»⁴⁸.

Затем он продолжает описывать свой план анализа произведений Н. В. Гоголя «Наконец попытаюсь сделать и суждение об образе мыслей и направлении вашем, выраженном в последнем сочинении»⁴⁹. В «Письме третьем» архимандрит Феодор излагает богословскую систему, как бы поправляя некоторые неточности, возникающие у Н. В. Гоголя в понимании православных догматов. Он обращается к писателю как к брату, не ставя себя в позицию судьи или непреклонного критика: «Скажите, мой прекрасный брат, согласны ли вы со мной, дадите ли мне братскую руку на общее наше дело?»⁵⁰.

Так, например, архимандрит не согласен с мнением Н. В. Гоголя о теле как о прахе, к которому не стоит относиться серьезно: «Вот что разве, в вашем образе мыслей, стоит прямого замечания: “ничего не связывать с оставшимся прахом: стыдно тому, кто привлечется каким-нибудь вниманием к гниющей персти, которая уже не моя”. Эта мысль не устоит перед истиной. Понимаю, впрочем, как эта странная мысль могла возникнуть в вас и быть высказана вами: вы преследуете суетность, перенятую у европейцев, которая не дает покоя и покойникам. Из-за ничтожных приличий, из-за того, чтобы сказать или написать: я поклонился праху великого человека, теснятся все ко гробу или могиле, и попирают прах великого человека. Вы восстаете против сего самого. В этом надобно отдать вам справедливость. Но мысль ваша несправедлива! Были на земле такие великие люди, неведомые впрочем миру, которые требовали едва не с заклатьем, чтобы по смерти их труп их обвязать веревкой, волочить за ноги и бросить в каком-нибудь нечистом или диком месте. Но это не то, что у вас. Разница бесконечная. Там святой человек, всю жизнь подвизавшийся над своим внутренним очищением и достигший уже до такой чистоты, что даже только тень нечистоты, ощущаемая им в своем существе, уже смердит для него убийственным запахом, долженствующим прогнать от него всякого человека: вот почему решительно не удостоивает себя такой человек честного погребения. А вы говорите безотносительно к вашей личности: “ничего не связывать с оставшимся “прахом”. Чтобы поскорее покончить с вами, чтобы сразу видно было вам, что ваша мысль не от истины и в Христову систему не может войти, спрошу вас: когда, благоволивший именно для нас соделаться человеком, Господь и Спаситель наш умер и был погребен, были бы правы святые Апостолы и жены мироносицы, если бы, в своем безмерном горе стали водиться этой мыслью: “ничего не связывать с оставшимся прахом”? Господь восхотел, чтобы в самой силе и духе мы сообразовались с ним; в напутствие в другой мир мы приемлем живой Божественный залог тела и крови Христовой, который и воздвигнет наши мертвые тела в славу в последний день. И потому, как вам уже очень хорошо заметил кто-то, сама Св. Церковь имеет самое нежное, материнское внимание ко гниющей персти христианина»⁵¹.

Отец Феодор обладал даром доброты и чуткого отношения к ближнему. Для мнительного Н. В. Гоголя, который был и без того уничтожен критикой и обвинен даже самыми близкими, в том числе пастырями, в гордыне, архимандрит был даром утешения и добросердечного вразумления, которого писателю не хватало. Остается сожалеть, что Н. В. Гоголь не прочитал третье письмо отца Феодора. В нем пастырь осторожно указывает писателю на его горделивые фразы, которые могли оскорбить ближних и одновременно «поясняет» ему причину такого самопревозношения в излишней требовательности писателя к самому себе: «В самом деле в вашем предисловии, этом голосе беспримерной, неслыханной в наше время братской и патриотической любви к соотечичам, вдруг поражаешься каким-то странным звуком: “он не должен посметь не простить меня”. Видишь, что эта черта не идет как-то к общей вашей физиономии, и недоумеваешь, откуда она могла взяться и как она могла тут приладиться. И едва наконец догадываешься, не взялась ли она от несколько односторонне понятой христианской строгости к самому себе: по крайней мере я так объясняю себе появление в чудном гимне братской любви этого странного звука. Вижу и слышу, что в вас горит любовь же к брату, вживе выставляя ему на вид прекрасную обязанность быть чуждым вражды и неприязни; но вижу и слышу и то, что в сем объяснении, касающемся вашей личности, христианская ваша любовь неожиданно потеряла свое прямое направление, и приняла одностороннее, не идущее к ней, выражение стоической суровости»⁵².

Далее отец Феодор справедливо отмечает, что в представлениях Н. В. Гоголя о Боге как о «грознном судии» много от ветхозаветного учения. Этими представлениями объясняется односторонность в понимании

⁴⁷ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М. : Столица, 1991. С. 258.

⁴⁸ Там же. С. 316.

⁴⁹ Там же. С. 258.

⁵⁰ Бухарев А. М. Три письма к Гоголю...

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

писателем суда Божия: «Бог не Грозный судия. Но Бог есть Любовь, мой прекраснейший брат, отвергающая в конец только решительно противящихся и враждебных Ему. Мы еще только односторонне поняли суд Его; мы упустили из виду первые же слова сего суда, основание и средоточие его»⁵³.

Дальнейшие литературно-критические статьи были написаны А. М. Бухаревым уже после снятия монашеских обетов и священного сана, т. е. после 1863 г. Он отказался от монашеского имени, но не отказался от Христа как средоточия всей жизни христианина. И его точка зрения на светские произведения остается в прежней модальности, заданной еще в письмах к Н. В. Гоголю.

В 1860-е гг. А. М. Бухарев написал статьи, посвященные романам «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского

Критик высказывается о жанре своих произведений следующим образом: «предлагаемые статьи»⁵⁴, «очерк сущности их содержания»⁵⁵, отчет («передать вам мой о нем отчет»)»⁵⁶.

В предисловии определяется позиция А. М. Бухарева как критика: он будет оценивать произведения по-прежнему с позиции христианской истины (точнее, христианской этики): «Предлагаемые статьи представляют, хотя несколько поздно, взгляд на оба произведения в свете живой Христовой истины, правящей всем и сильнейшей всего»; «Одна Христова истина, раскрываемая в ее живой силе и духе, именно в духе Христова самопожертвования за грешного человека, проливает полный свет к выяснению дела»⁵⁷.

В статье «Разбор двух романов, касающихся важных затруднений и вопросов современной мыслительности и жизни. “Что делать?” г. Чернышевского и “Отцы и дети” г. Тургенева», которая была опубликована в 1865 г., А. М. Бухарев использует прием пересказа содержания произведений с параллельным описанием характеров героев. Так, он пишет: «Для не читавших того или другого романа предлагается очерк самой только сущности их содержания. В романе г. Тургенева сущность дела следующая. Двое молодых людей, окончив учение в высших наших школах, возвращаются к родителям сначала одного из них, потом другого. <...> В отцах дети ловили главным образом фальшивое раздвоение между идеальными или добродушными их правилами и стремлениями – и малодушием, тщеславием и другими немаловажными грешками; в детях отцы видели или выводили наружу какое-то отречение от самых основ общепринятого, самого даже священного. В таком положении дел один из молодых людей, самый ярый и даровитый отрицатель всего не только двоедушного, фальшивого, но и только неведомого ему (Базаров) встречается с одной достойной женщиной, которая внушила ему к себе любовь серьезную и глубокую, отсвечивающую каким-то высшим роковым и таинственным смыслом, и, следовательно, составляющую нечто такое, что он обыкновенно отрицал от всей души. И вот началась в нем внутренняя борьба между этим неведомым, овладевшим всей его душой, и отрицательными его воззрениями, которым он весь предался»⁵⁸.

Сюжет романа «Что делать?» пересказывается аналогично: «Сущность содержания в романе г. Чернышевского разлагается на две стороны. С одной стороны, под жестокой деспотией пошлого своекорыстия и привычных, бездушных уже форм жизни очутилась душа живая и благородная (Вера Павловна), насильственно вовлекаемая своей матерью в низкие оскорбительные отношения. Один молодой человек (Лопухов) решился пожертвовать всей своей ученой карьерой, чтобы женитьбой на этой жертве освободить ее из нравственного погребя, где она была заключена на смертное томление»⁵⁹.

Произведения И. С. Тургенева и Н. Г. Чернышевского А. М. Бухарев рассматривает в свете современных проблем человека и общества, тем самым сохраняя основную функцию литературной критики: «Я пользуюсь романом г. Чернышевского к разъяснению того, что в самом деле нам делать при нынешнем умственном и нравственном состоянии нашего общества и отечества»⁶⁰. Так, роман «Что делать?», по твердому убеждению А. М. Бухарева, «может пособить здравому образу мыслей распутывать путаницу некоторых понятий, грозящих принести человечеству много, много лишних страданий и бедствий. Возьмем во внимание прежде всего понятие о самых основах нравственных. С одной стороны, возникли (разумеется, не у нас в России) и стали распространяться (и у нас в России) такие понятия, что в человеке совсем нет свободной воли, что он в своих действиях по необходимости следует поводам и побуждениям, которые, в свою очередь, тоже неизбежно определяются внутренним состоянием человека и окружающего его средой; что нравственная пружина или сила, непреодолимо увлекающая человека к таким или другим

⁵³ Бухарев А. М. Три письма к Гоголю...

⁵⁴ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 115.

⁵⁵ Там же. С. 116.

⁵⁶ Там же. С. 117.

⁵⁷ Там же. С. 116.

⁵⁸ Там же. С. 115.

⁵⁹ Там же. С. 116.

⁶⁰ Там же. С. 117.

действиям по известным поводам и побуждениям, есть именно (и это, говорят, не может быть иначе) эгоистический расчет, заставляющий каждого избирать то, что для него самого полезнее или приятнее»⁶¹.

По мнению А. М. Бухарева, главная проблема, которую поднимает Н. Г. Чернышевский, – проблема свободы воли. Рассматривая героев романа (Лопухова с его «благородным расчетом» и Веру Павловну с убежденностью в самостоятельности человека) посредством самоопределения и самоуправления своих действий (свободное поднятие руки), А. М. Бухарев приходит к разграничению понятий свободная воля и истинная свободная воля. Свободная воля сводится, например, к самостоятельности в поднятии руки, при этом духовный писатель считает, что «совсем иное дело – истинная свободная воля человека; совсем иной вопрос, есть или нет в духе человеческого. <...> Нравственная деятельность невозможна без мысли. Мысль человека, кажется, совсем связана своим внутренним законодательством и порядком»⁶². А. М. Бухарев переводит рассуждение в христианское поле, подчеркивая, что «нравственные действия одушевляются сердечными влечениями»⁶³ и свобода воли вытекает из целеполагания человека.

Критик завершает размышление о воле героев отсылкой к словам апостола Павла: «...придется и тебе проходить этот тяжелый опыт, который описал также св. ап. Павел: Сам не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а делаю, что ненавижу. Уже не я то делаю, а живущий во мне грех. Несчастный я человек!» (*Рим. 7:19–24*)⁶⁴. Таким образом, для подтверждения своей идеи А. М. Бухарев апеллирует к авторитетному источнику, которым для него является Священное Писание.

Роман «Отцы и дети» И. С. Тургенева критик рассматривает в контексте убежденности в подражании Христу в его искупительных страданиях и жертве за мир. Как мы могли убедиться, кенозис – смысловая доминанта не только жизненной позиции А. М. Бухарева, но и его творчества, в том числе литературной критики. Так, он констатирует, что «в романе “Отцы и дети” страдания героев, все жертвы поднимают и оживляют человеческий дух» [8, с. 122] и «бедный» Николай Петрович, и «погибшая жизнь» его брата, и Аркадий, и родители Базарова и сам, наконец, Базаров с своим (положим) «страстным, грешным, бунтующим сердцем... этот ли Базаров не носит на себе явной печати жертвы? Да, и жертвы неотвратимой; потому что не только в жизни, но и среди обстоятельств самой его смерти отозвалось в нем нечто таинственно-живое, как он ни восставал против безотчетности для него этого живого, да и по смерти над ним веет дыхание любви, явно очищенной уже от примесей ко всему у нас земной нашей грязи»; «Животворящая сила страдальческого Креста! И я с радостью вижу, что и помыкаемый отцом Ситников, и Кукшина, страдающая от неестественности своего положения, как и эта странная княгиня Р... – все несут или несли свой крест, который к чему-нибудь живому приведет же их в жизни или по смерти. Недаром эта княгиня Р..., первая любовь Павла Петровича, завещала ему после себя подаренное ей от него же кольцо с сфинксом, на котором она провела крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка. И нет лишних людей, и даже г. Колязин нет, не лишний, а необходимый человек и он»⁶⁵.

Критик приходит к выводу, что действительно талантливо написанные произведения служат «распространению истины, делу добра и истины», а в рассматриваемом романе раскрывается «тайна жизни»⁶⁶.

В статье «О романе Достоевского “Преступление и наказание” по отношению к делу мысли и науки в России» (1870), которая была опубликована в 1884 г., А. М. Бухарев утверждал, что «Достоевский есть прямой и пока почти единственный преемник и наследник Гоголя. Подобно последнему, он имеет и ведет свое художественное дело также главным образом с неисцельно болеющими или даже мертвыми сторонами нашей жизни и духа, своим творческим талантом следя и нам давая следить носящуюся и над ними животворную для них мироправительную Любовь. Но Достоевский имеет в этом свою великую особенность: он входит (и нас вводит) в самый внутренний процесс духовной жизни своих героев, входит так глубоко и живо, что как будто сливается собственная его мысль с мыслями и движениями его героев. <...> Но что это только иллюзия, доказательство тому – живое и резкое типическое своеобразие каждого из его героев, раскрывающееся в этих самых мыслях и речах, в которых словно сам автор говорит и мыслит за своего героя» [11, с. 2]. Таким образом, критик предвосхитил идею М. М. Бахтина о полифонизме Ф. М. Достоевского, которая появится в труде «Проблемы поэтики Достоевского» только в 1929 г.

Рассматривая роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, отец Феодор подчеркивает теоретическое происхождение идеи Раскольникова, «научность» его обращения к разуму: «Убеждения Раскольникова – научные в своем роде, что он “выдумал” свою роковую мысль именно как человек мысли, науки. Вне области научной мысли Раскольников невозможен. Возьмите во внимание хоть то

⁶¹ Архимандрит Феодор – Бухарев Александр Матвеевич (1824–1871) – богослов, публицист, критик. М.: Столица, 1991. С. 117.

⁶² Там же. С. 119.

⁶³ Там же. С. 120.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 182.

⁶⁶ Там же. С. 183.

одно, что этот господин научно опирается на Наполеонов, на Магометов не только еще до совершения преступления, но и после добровольной повинности, до самой каторги в Сибири. Мысль его, логически развитая на основании теории “благодетелей и установителей человечества”; мысль, свойственная человеку науки, была семенем его преступления; внешние обстоятельства его собственной бедности, стесненное положение его матери, жизненные опасности его сестры были только поводами и способствующими влияниями к самоскорейшему раскрытию этого семени в ужасном своем плоде» [11, с. 2]. А. М. Бухарев использует в отношении идей Раскольникова следующие выражения: «Его мысленные борения», «все дело Раскольникова, внутреннее его состояние и судьба его замешаны на закваске научной мысли»; «но все дело его и все слова его об этом относятся, повторяю, к выполнению. Развитию и оправданию им своей идеи» [11, с. 3–4]. Деление Раскольниковым людей на два разряда (власть имеющих и тварей дрожащих) критик соотносит с современным состоянием общества: «В самом деле, когда у нас лучшие, даже верующие и патриоты, из ученых держатся такого умозрения, например, о государстве, о политике, что это – область сама по себе независимая от начал нравственно-религиозных, начал благодати и правды Христовой, что в этой области главное или управляющее начало – государственный интерес и что потому наиболее проницательные, могучие и успешные борцы этого интереса, жертвующие ему кровью армий и народов, – они именно и творят гражданскую и политическую правду, они и должны двигать массы: но разве слишком далека от подобных воззрений теория Раскольникова? Когда перевес, например, европейских народов над азиатскими и африканскими объясняется наукою особенно из племенных различий в построении черепа и под., вообще из физиологической способности или неспособности (выразимся по Раскольникову) сказать миру новое слово; то здесь теория Раскольникова просто дается уже не на одних неделимых, но и на целые народы, так что из этих народов одни, по самой природе, принадлежат к заправителям, а другие только к размножающему человеческий род материалу» [11, с. 10].

Таким образом, убеждаемся, что и в данной статье А. М. Бухарев рассуждает в рамках христианского дискурса, указывая, что теория Раскольникова могла возникнуть только при условии отступления от духа истины, поскольку деление людей на достойных и недостойных противоречит самой сути христианского учения о принесении Христом жертвы за всех без исключения. Само преступление мысли Раскольникова оборачивается против него и определяется как духовное самоубийство: «Он ухлопал своим топором этого прекрасного ребенка – внутреннего своего человека, рубнул в голову свои лучшие движения и инстинкты». В этом утверждении А. М. Бухарев делает отсылку к представлению о каждом человеке, согласно христианской антропологии, как о творении Божиего Отца, а значит, Его ребенку («Подумайте, какую великую любовь Отец проявил к нам, позволив нам называться детьми Божиими! И мы в самом деле таковы» (1 Иоан. 3:1)) [11, с. 31].

Заключение

Таким образом, литературная критика архимандрита Феодора имеет своей смысловой доминантой личность Христа и кенозис как основание для оправдания любого рода деятельности человека. Литературное творчество он рассматривает в контексте впускания Христа во все сферы жизни человека. Наличие в произведении отблесков истины, любви и красоты как свойств Бога для отца Феодора является признаком достойной литературы.

Одаренные писатели в своем таланте имеют энергию Бога – слова, божественного логоса, а потому их произведения нужно оценивать в контексте христианского дискурса. Священники могут анализировать светские произведения, и в их обязанности как пастырей входит поддержка духовно одаренных писателей.

К традиционным жанрам литературной критики архимандрита Феодора относятся статья и обзор. Иногда он сам определяет жанр своих произведений («мое исследование», очерк, отчет, заметки). Литературно-критические труды отца Феодора включают составление плана статьи, пересказ произведения, вкрапление фрагментов духовной биографии рассматриваемого писателя, критику прямого действия, в которой он сразу определяет свою позицию как критика – духовного писателя и анализирует творчество в контексте христианского учения.

Как каждый «традиционный» литературный критик, А. М. Бухарев обращается к современным проблемам общества, анализируя произведения. Критика отцом Феодором светского искусства является попыткой наладить диалог между творческой интеллигенцией и Церковью. Апогеем этого диалога является цикл «Три письма к Гоголю, писанные в 1848 году», в которых архимандрит не только оценивает произведение писателя, но и стремится к нравственной поддержке всеми отвергнутого светского пророка, а также объясняет его творчество как целостный путь к воплощению христианских догматов не только читателям, но и самому автору.

Знаменательна фраза, с которой Александр Матвеевич обратился к жене по поводу воспитания дочери: «Научи ее любить Бога и людей. Но только не ломай ее. Не ломай...» [4, с. 12]. Эта фраза – призыв к осуществлению свободного роста во Христе, доступного всякому человеку по мере его сил и дарований, а творческому человеку – в особенности.

Библиографические ссылки

1. Протоиерей Георгий Ореханов. *Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы*. Москва: Эксмо; 2016. 608 с.
2. Струве Г. *Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы*. Москва: Русский путь; 1996. 446 с.
3. Егоров БФ, составитель. *Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. Личность и творчество архимандрита Феодора (Бухарева) в оценке русских мыслителей и исследователей*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 825 с.
4. Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев). *О духовных потребностях жизни*. Москва: Столица; 1991. 320 с.
5. Бухарев А. *Св. Иовъ Многострадальный*. Москва: Издательство А. И. Манухина; 1864. 107 с.
6. Протоиерей Валентин Асмус. *История Церкви*. Москва: Православный Свято-Тихоновский богословский институт; 1998. 211 с.
7. Бердяев НА. *Самопознание: сочинения*. Москва: ЭКСМО-Пресс; 2001. 624 с.
8. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. *Творения*. Москва: Отчий дом; 1994. 476 с.
9. Золотусский ИП. *Гоголь*. Москва: Молодая гвардия; 2005. 485 с.
10. Концевич ИМ. *Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра*. Москва: Издательский отдел Владимирской епархии; 1995. 602 с.
11. Архимандрит Феодор. *О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России*. Москва: Университетская типография; 1884. 50 с.

Статья поступила в редколлегию 09.02.2026.
Received by editorial board 09.02.2026.

УДК 81'23

ДОГОВОРНЫЙ ДИСКУРС КАК СИСТЕМА РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется договорный дискурс, в котором посредством согласования коммуникативных действий его субъектов реализуется речевое взаимодействие. Обосновывается интегрирование системного и интеракционного подходов к исследованию договорного дискурса на общей теоретико-методологической функциональной основе. Особое внимание уделяется интерпретации социокультурной специфики коммуникативных действий в русскоязычных и англоязычных договорах с опорой на денотативную структуру их фрагментов, отражающую совокупность связей между элементами содержания.

Ключевые слова: денотативная структура; договорный дискурс; интеракция; коммуникативное действие; система.

Образец цитирования:

Ковалевская ИИ. Договорный дискурс как система речевого взаимодействия. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:33–41.
EDN: PBAWAA

For citation:

Kovalevskaya II. Contractual discourse as the system of speech interaction. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:33–41. Russian.
EDN: PBAWAA

Автор:

Ирина Ивановна Ковалевская – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Irina I. Kovalevskaya, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
vickostserg@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9006-6334>

ДАГАВОРНЫ ДЫСКУРС ЯК СІСТЭМА МАЎЛЕНЧАГА ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ

I. I. КАВАЛЕЎСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Аналізуецца дагаворны дыскурс, у якім праз узгадненне камунікатыўных дзеянняў яго суб'ектаў рэалізуецца маўленчае ўзаемадзеянне. Абгрунтоўваецца інтэграванне сістэмнага і інтэракцыянальнага падыходаў да даследавання дагаворнага дыскурсу на агульнай тэарэтычна-метадалагічнай функцыянальнай аснове. Асабліва ўвага надаецца інтэрпрэтацыі сацыякультурнай спецыфікі камунікатыўных дзеянняў у рускамоўных і англамоўных дагаворах з апорай на дэнататыўную структуру іх фрагментаў, якая адпастроўвае сукупнасць сувязей паміж элементамі зместу.

Ключавыя словы: дэнататыўная структура; дагаворны дыскурс; інтэракцыя; камунікатыўнае дзеянне; сістэма.

CONTRACTUAL DISCOURSE AS THE SYSTEM OF SPEECH INTERACTION

I. I. KOVALEVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article deals with the analysis of the contractual discourse in which its parties interact by coordinating their communicative actions. It proves the integration of the systemic and interactive approaches to the study of contractual discourse on the common theoretical and methodological functional basis. The article focuses on the socio-cultural specifics of the communicative actions in the Russian and English contracts based on the denotative structure of their fragments that reflects the links among the content elements.

Keywords: denotative structure; contractual discourse; interaction; communicative action; system.

Введение

Договорный дискурс (далее – ДД), с которым в настоящее время сталкиваются широкие слои граждан, привлекает внимание лингвистов и специалистов в области права. Для анализа ДД как лингвистического явления используются функционально-стилистический, коммуникативно-прагматический и концептуальный научно-методологические подходы. С их помощью исследуются композиционно-структурные, лексико-семантические и лингвопрагматические особенности основных типов (маркетингово-, финансово- и социально ориентированных) контрактов¹; выявляются социальные факторы, обуславливающие языковое и речевое варьирование в определенных видах договоров²; описываются когнитивные процессы и механизмы, определяющие семантические и структурные характеристики терминологии в международных договорах³.

Актуальными для решения комплекса проблем, связанных с лингвистическим анализом такого вида институционального общения, как ДД, представляются системный и интеракционный подходы. Системность является неотъемлемой характеристикой дискурсивной деятельности. Изучение характеристик ДД с точки зрения его системности заслуживает внимания в сферах прикладной лингвистики

¹Черноусова Ю. А. Язык бизнес-контрактов: композиционно-структурные, лексико-семантические и лингвопрагматические особенности: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Пятигорск : Пятиг. гос. лингв. ун-т, 2012. 185 с.

²Степанова Е. Д. Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Иркутск : Байкал. гос. ун-т экономики и права, 2006. 172 с.

³Колесникова Л. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2007. 166 с.

и неофициального (или обыденного) толкования правового дискурса. Цель данной публикации заключается в описании структуры речевого взаимодействия субъектов ДД, а также выявлении на материале русскоязычных и англоязычных договоров его национально-культурной специфики.

Теоретические основы исследования

Структура дискурса может по-разному трактоваться в зависимости от исследовательских установок, однако она всегда базируется на интеракционной модели, которая «в большей мере соответствует дискурсивной онтологии» [1, с. 28]. В основе данного исследования лежит функционализм, который теоретически признает взаимозависимость формы и функции, учитывает влияние использования языка на его структуру и с точки зрения методологии предполагает изучение и структуры, и функционирования языка для выявления соответствий между ними [1, с. 28].

В структуре дискурса «отражены два уровня репрезентации знаний: внешний и внутренний». Внешний уровень соотносится со знаниями, задействованными и представленными в данной ситуации общения, внутренний уровень – с «когнитивными базами знаний» участников общения. Их речевое взаимодействие соотносится с первым уровнем репрезентации знаний и описывается как общий контекст, ориентированный на условия этого взаимодействия [2, с. 188–189]. Знания, активизируемые из «когнитивных баз» коммуникантов в дискурсе, имеющем «пространственно-временную локализацию на определенном отрезке действительности», т. е. в конкретной ситуации, в совокупности со знаниями об общем контексте образуют основу речевого взаимодействия [2, с. 191–192]. Анализ дискурса в этом контексте предусматривает интегрирование внешнего и внутреннего уровней репрезентации знаний о нем, в котором находит отражение принцип дополнительности – один из основополагающих принципов современных дискурсивных исследований.

Рассматриваемый ДД представляет собой разновидность правового дискурса, использующегося для регулирования общественных отношений посредством применения правовых норм, и определяется как система речевого взаимодействия, которая охватывает в правовой сфере текущую речевую деятельность, находящую выражение в речевых произведениях (договорах, офертах, акцептах и др.). В данном исследовании ставится задача его описания в единстве содержания, формы и функции.

Результаты и их обсуждение

Функциональный аспект любой речевой деятельности предусматривает выяснение цели, которая преследуется при вступлении в контакт с собеседником. Для ДД важным является достижение соглашения об изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, а также влияние на презентацию информации в условиях определенной правовой ситуации. Так, в фрагменте договора оказания банковских услуг, посвященном описанию обязанностей сторон, их основные прагматические установки особенно наглядно проявляются на уровне монотематических подпунктов 2.1 и 2.2 (здесь и далее документы приводятся с сохранением особенностей оригинала).

II. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН

2.1. «Клиент» обязуется:

2.1.1. Перечислять в «Банк» на счет № _____ средства, подлежащие зачислению на счета по вкладам, оформив для этого надлежащим образом соответствующие платежные документы.

2.1.2. Одновременно с перечислением средств на выплату работникам заработной платы и других приравненных к ней платежей перечислять «Банку» комиссионное вознаграждение за выполнение работ по данному договору на счет № _____ в «Банке» в размере _____ % от суммы, предназначенной для зачисления во вклады, в случае несвоевременного перечисления комиссионного вознаграждения «Банку» перечислять на счет № _____ в «Банке».

2.1.3. Извещать своих работников о перечислении средств на выплату заработной платы и других приравненных к ней доходов.

2.2. «Банк» обязуется:

2.2.1. Обслуживать работников «Клиента» ежедневно, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней, с _____ до _____ и с _____ до _____, в последний рабочий день месяца с _____ до _____ по адресу: _____.

2.2.2. Ежемесячно производить начисление процентов на ежедневные остатки по счетам по ставке «до востребования».

2.2.3. Обеспечить сохранность денежных средств и тайну вкладов в соответствии с действующим законодательством⁴.

⁴ Договор банковского обслуживания // Белформа.net : сайт. URL: https://belforma.net/договоры/Договор_банковского_обслуживания (дата обращения: 30.08.2025).

Как и правовая коммуникация в целом, опосредованная юридическим текстом, ДД отождествляется со смысловым аспектом социального взаимодействия, или информационным взаимодействием [3, с. 60]. Этим понятием описывается «механизм коммуникативного взаимодействия субъектов права друг с другом, который объединяет их в целостную систему – правовой дискурс» [3, с. 60]. Согласно Н. Г. Храмцовой, только при условии неразрывной связи данного коммуникативного процесса с индивидуальной и с общественной психикой «правовой дискурс становится социально-коммуникативной деятельностью межсубъектных отношений, активным системообразующим фактором в ходе правовой коммуникации» [3, с. 60].

Информационное взаимодействие в данном ДД достигается благодаря сочетанию комиссивов, с помощью которых выражаются взаимные обязательства клиента (*обязуется перечислять средства или комиссионное вознаграждение, извещать работников*) и банка (*обязуется обслуживать работников «Клиента»*), и репрезентативов, сообщающих конкретное время и место оказания банковских услуг (*ежедневно, кроме субботы, воскресенья и праздничных дней, с _____ до _____ и с _____ до _____, в последний рабочий день месяца с _____ до _____ по адресу: _____*).

Выявление природы отношений между субъектами ДД, зависящей от последовательности интеракций, предполагает в первую очередь выделение и описание их структурных единиц. В качестве таковых в данном исследовании рассматриваются коммуникативные действия, направленные на выполнение конкретных задач (намерений) субъектов ДД. С позиций социокультурной прагматики коммуникативные действия трактуются как единицы коммуникативного поведения, олицетворяющие «единство культурно, цивилизационно и ситуативно обусловленного смысла и языковой схемы его интеракционного воплощения»⁵.

Коммуникативные действия отражают социально обусловленные интенции и отличаются от речевых актов (комиссивов, репрезентативов, директивов и др.) направленностью на понимание, а не на говорение. В коммуникативном действии с помощью связующего иллокутивного воздействия речевых актов координируется деятельность коммуникантов. Ю. Хабермас выделяет регулятивные, констативные и экспрессивные речевые акты, которые формируют соответствующие им типы интеракций.

Регулятивная функция рассматривается в психолингвистике «как первая и основная функция всякого общения, поскольку какую бы информацию ни отправлял адресант, он это делает для того, чтобы в конечном счете повлиять на поведение адресата (с целью регуляции)»⁶.

В рассмотренном выше фрагменте русскоязычного ДД при соотношении с предложенной в ст. 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь нормативной дефиницией договора как «соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей»⁷ регулятивную функцию выполняют комиссивы с глаголом *обязуется*.

Интеракции, основывающиеся на констативных речевых актах, затруднительно выявить сразу, если они применяются для решения других частных задач, например аргументации. Коммуникативные действия в таких случаях, по мнению Ю. Хабермаса, используются не столько ради понимания, сколько ради самого общения [4, S. 437]. Из-за нечеткости границ между констативами и другими речевыми актами, наложения конечной интенции на исходную предлагается различать констативы-ассертивы, констативы-комиссивы, констативы-экспрессивы и констативы-декларативы [5, с. 225].

С помощью коммуникативных действий, реализующихся посредством разнотипных речевых актов, актуализируются требования эффективности, истинности, правильности и достоверности. Регулятивы, считающиеся уместными для отражения явлений социального мира или легитимного закрепления определенных межсубъектных отношений, соотносятся с требованием правильности. Экспрессивы, непосредственно связанные с субъективной оценкой и ценностями, коррелируют с требованием достоверности. Констативы, передающие реальную ситуацию, отвечают требованию истинности.

Отдельно от упомянутых видов речевых актов Ю. Хабермас рассматривает императивы, указывающие на желательное с точки зрения говорящего положение вещей в объективном мире. С помощью этих речевых актов конструируются стратегические действия, направленные на достижение определенного эффекта. С точки зрения немецкого ученого, благодаря использованию в многочисленных комбинациях разнотипных речевых актов опосредуется взаимосвязь объективного, субъективного и социального миров [4, S. 435–436].

⁵Митягина В. А. Социокультурные характеристики коммуникативного действия (на материале немецкого и русского языков) : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19. Волгоград : Волгогр. гос. пед. ун-т, 2008. С. 11.

⁶Мечковская Н. Б. Семиотика: язык. Природа. Культура. М. : Академия, 2007. С. 227.

⁷Гражданский кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З [Электронный ресурс] // Эталон online. URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9800218> (дата обращения: 10.09.2025).

Коммуникативные действия в ДД соотносятся с его целью и обладают определенной спецификой ввиду принципиального отличия данного вида институциональной коммуникации от обыденной коммуникации. Во-первых, отношения между сторонами договора признаются юридически закрепленными, во-вторых, договор является первичным по отношению к социальной практике, которая приводится в соответствие с ним. В связи с этим обстоятельством особого внимания при толковании договора, квалифицируемого как «общая мысль сторон о взаимном поведении, подкреплённая волей», заслуживают нормы о правах и обязанностях его сторон, нацеленные на создание некоторого ограничения их воли⁸.

Ведущую роль в выражении волеизъявления в русскоязычном ДД выполняют регулятивные речевые акты, которые включают комиссивы с глаголом *обязуется*, и директивы, облигаторность в которых передается категорией состояния, формирующейся на основе кратких прилагательных *должен* и *обязан*. Регулятивами конструируются коммуникативные действия, направленные на установление обязательств как особой формы гражданско-правовых отношений.

Коммуникативными действиями, выраженными разнотипными речевыми актами, формируются более крупные сегменты дискурса, которые описываются с помощью разных понятий (обмены, транзакции, речевые события). Отношения между разноуровневыми единицами дискурса не сводятся к механическому включению одних в другие, а лучше всего определяются в терминах функциональной актуализации [1, с. 187].

Методологическая проблема соотношения знаний о речевом взаимодействии в ДД, границы содержания которого определенным образом очерчены, и когнитивных знаний, относящихся к внутреннему уровню его репрезентации, решается с опорой на денотативную структуру содержания ДД.

Процедура денотатного структурирования ДД представляется стартовым этапом его толкования, поскольку предполагает обращение к знанию, не содержащемуся непосредственно в самом тексте, и к реальным ситуациям, на основе которых может быть построена динамическая модель дискурса [6, с. 30].

В результате денотатного структурирования рассмотренного выше фрагмента договора структура его содержания может быть представлена в виде графа (рис. 1).

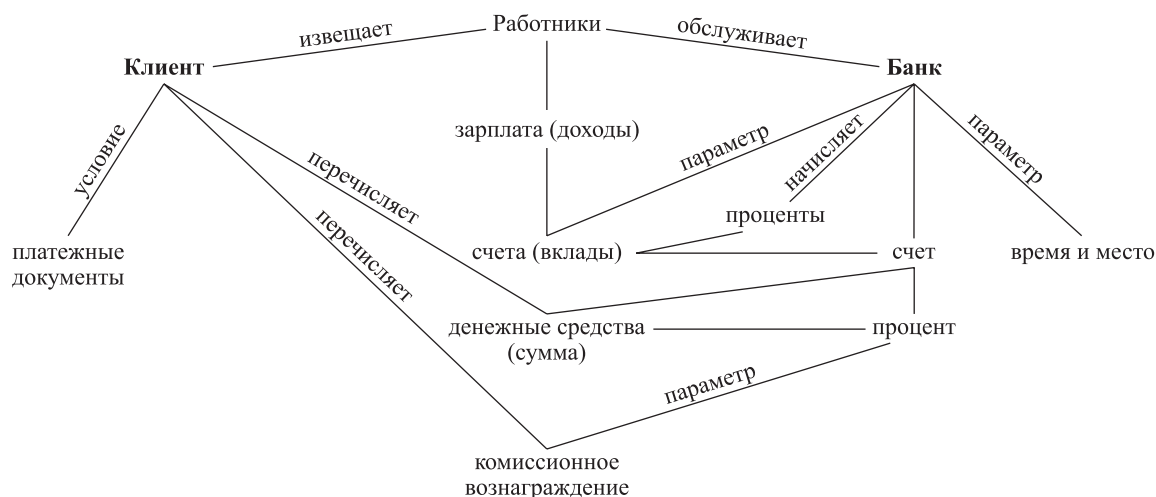

Рис. 1. Граф денотативной структуры дискурсивного фрагмента 1
Fig. 1. The denotative structure graph of the discourse fragment 1

Данный граф отображает предметные отношения между элементами содержания договора, являющимися наиболее важными и существенными для понимания переданной в нем ситуации.

К основным компонентам коммуникативной ситуации в правовом дискурсе Н. Г. Храмцовой относятся адресант, адресат, отношения между ними, тональность (официальная, нейтральная, дружеская), цель; языковые и параязыковые средства, способ (устный или письменный, контактный или дистантный) и место общения [7, с. 106]. Выделенные компоненты находят лингвистическую реализацию в ДД. Среди них особое место в иерархии денотативной структуры исследуемого дискурсивного фрагмента занимают работники, которые, как клиент и банк, относятся к субъектам договорно-правовых отношений, хотя не являются стороной договора. В отличие от клиента и банка, на которых возлагаются обязательства, работники ими не обременяются. Как третьи лица, работники, не участвующие в заключении договора, могут приобретать по нему статус адресата исполнения определенных обязательств, который заключается

⁸Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М. : Юнити, 2003. С. 322.

в наделении правом требования их исполнения. В зависимости от того, на чем основаны отношения участников коммуникации (на равенстве или различиях), эти отношения делятся на симметрические и комплементарные. Особый правовой статус работников указывает на то, что договорно-правовые отношения между ними и другими субъектами ДД носят комплементарный характер.

Симметричность отношений между сторонами договора постулируется гражданским правом Республики Беларусь, в основу которого положен принцип равенства. В соответствии с ним на обе стороны возлагаются определенные обязательства.

На графе (см. рис. 1) видно, что клиент несет обязательства по оформлению специальных платежных документов, перечислению денежных средств и комиссионного вознаграждения на счет в банке, извещению работников о перечислении средств на выплату их зарплаты и прочих доходов. На банк возлагаются обязательства по обслуживанию работников, производству начисления процентов на остатки по их счетам, а также обеспечению их сохранности и тайны вкладов. Для волеизъявления в договоре используются регулятивы, средствами вербализации, кроме модального глагола долженствования (*обязуется*), служат инфинитивные обороты (*перечислять средства (комиссионное вознаграждение), извещать (обслуживать работников), производить начисление процентов, обеспечить сохранность... и тайну вкладов*). Прямое побуждение клиента к действиям сменяется в подп. 2.1 косвенным выражением обязательств банка и клиента посредством перформативов в составе причастного оборота (*подлежащие зачислению*) и деепричастного оборота (*оформив платежные документы*). Благодаря использованию этих оборотов и других средств импликации императива-обязательства «формируется отстраненный от адресата, эмоционально нейтральный тон» [8, с. 193].

Отметим включение в ДД оценочной лексики (*надлежащим образом, сохранность*) и метафоричного выражения (*тайна вкладов*), отражающих субъективное отношение сторон договора к обязанностям. Использование в ДД этих языковых средств обеспечивает динамизм права, его приспособляемость к изменяющимся историческим условиям и ситуациям. Оценка, выражающая отношение субъекта к явлениям и предметам, может быть как положительной, так и отрицательной. Рассматривая в качестве предмета правовой оценки не только положительные, но и ценностно отрицательные явления, А. Ф. Черданцев отмечает, что наибольший удельный вес имеют оценочные термины, используемые для обозначения явлений и предметов с положительной ценностью в гражданском праве, в отличие от уголовного права, которое характеризуется самым частым употреблением терминов и оборотов с отрицательной оценкой, например «заведомо ложная информация»⁹.

Для отражения объективного положения дел в договоре используются констативы-ассертивы. Кроме указания времени и места оказания банковских услуг, с помощью данных речевых актов уточняются номер счета, назначение средств для перечисления клиентом банку (*...на счет №_средства, подлежащие зачислению на счета по вкладам; ...средств на выплату работникам заработной платы и других приравненных к ней платежей*); размер суммы комиссионного вознаграждения банку (*комиссионное вознаграждение за выполнение работ по данному договору... в размере_% от суммы*); сроки и условия начисления процентов банком (*ежемесячно... начисление процентов на ежедневные остатки по счетам по ставке «до востребования»*). Констатив-экспрессив используется в форме редуцированного предиката (*в случае несвоевременного перечисления комиссионного вознаграждения «Банку»*) для уточнения и оценки с помощью прилагательного *несвоевременный* ситуации, при которой может потребоваться выполнение клиентом определенных действий. Коммуникативные действия, конструируемые констативами указанных видов, постулируют нормы поведения в условиях конкретной правовой ситуации.

Подчеркивая методологическую значимость координации коммуникативных действий для достижения соглашения субъектами ДД по его условиям, отметим обусловленность этих действий менталитетом данного этно- и социокультурного сообщества.

Социокультурный подход к исследованию ДД позволяет раскрыть коммуникативные правила, статусные позиции и задачи его субъектов, а также нормы и ценности, определяющие выбор коммуникативных действий, их смысловую связность и структурную цельность в речевом взаимодействии. Выявлению социокультурной специфики интеракционной структуры ДД способствует его анализ на материале текстов, написанных на разных языках.

Рассмотрим в качестве примера следующий пункт статьи англоязычного договора оказания консультационных услуг, в заголовке которого, в отличие от русскоязычного документа, где права и обязанности сторон описываются в рамках отдельных монотематических пунктов или подпунктов договора, вместо двух ключевых правовых понятий используется одно общепотребительное понятие *relationship*:

⁹Черданцев А. Ф. Толкование права и договора... С. 197.

3. RELATIONSHIP OF THE PARTIES

3.1. *Independent Contractor.* Consultant is an independent contractor and nothing in this Agreement will be construed as establishing an employment or agency relationship between Company and Consultant. Consultant has no authority to bind Company by contract or otherwise. Consultant will perform Services under the general direction of Company, but Consultant will determine, in Consultant's sole discretion, the manner and means by which Services are accomplished, subject to the requirement that Consultant will at all times comply with applicable law.

3.2. *Taxes and Employee Benefits.* Consultant will report to all applicable government agencies as income all compensation received by Consultant pursuant to this Agreement. Consultant will be solely responsible for payment of all withholding taxes, social security, workers' compensation, unemployment and disability insurance or similar items required by any government agency...

‘3. ОТНОШЕНИЯ СТОРОН

3.1. *Независимый подрядчик.* Консультант является независимым подрядчиком, и ничто в данном соглашении не устанавливает трудовых или агентских отношений между Компанией и Консультантом. Консультант не имеет права налагать на Компанию обязательства, характерные для трудового договора, или какие-либо иные обязательства. Консультант предоставляет Услуги под общим руководством Компании, но Консультант сам решает, по собственному усмотрению, каким образом и средствами оказывать Услуги, при условии, что Консультант обязуется всегда действовать в соответствии с применимым законодательством.

3.2. *Налоги и льготы.* Консультант обязуется декларировать получаемое по данному Соглашению вознаграждение в качестве дохода во все соответствующие государственные органы. Консультант несет личную ответственность за уплату всех налогов, социальных страховок, компенсационных выплат работникам, страховок от безработицы и инвалидности или любых подобных платежей, требуемых соответствующими государственными органами...¹⁰.

Характер и специфика речевого взаимодействия в англоязычном ДД обусловлены как правовыми нормами, так и набором ценностно-этнических установок, что находит отражение в структуре его содержания.

Основными языковыми средствами репрезентации субъектов договорно-правовых отношений в данном пункте договора служат институционально-ролевые маркеры (*consultant, independent contractor, company, government agency (agencies)*). Отношения с третьими лицами (государственными органами), в пользу которых консультант должен совершить определенные действия, как отмечалось ранее, характеризуются отсутствием у этих лиц каких-либо обязательств.

Институционально-ролевой маркер *independent contractor* указывает на отнесенность дискурсивного фрагмента к договору подряда, который отличается от трудового договора тем, что гарантии и компенсации, предусмотренные законодательством для работающих по данному виду договора, не распространяются на лиц, работающих по договору подряда.

Денотаты *consultant (independent contractor), company, government agency (agencies)* вместе с другими ключевыми элементами (*employment contract, services, manner and means, workers' compensation, taxes, social security, compensation, unemployment and disability insurance*) образуют структуру содержания исследуемого дискурсивного фрагмента, представленную на рис. 2.

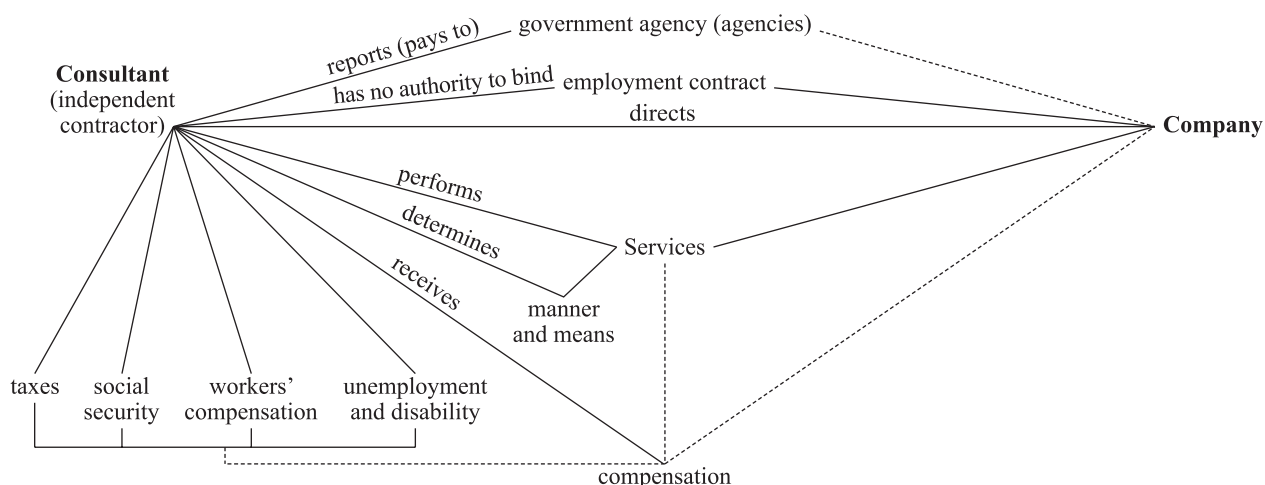

Рис. 2. Граф денотативной структуры дискурсивного фрагмента 2

Fig. 2. The denotative structure graph of the discourse fragment 2

¹⁰Consulting agreement // CEPConsult : website. URL: https://cepconsult.com/wp-content/uploads/2018/08/CONSULTING-AGREEMENT_1_KOG-220818.pdf (date of access: 20.01.2026).

Предметные отношения, задаваемые соотносительностью денотатов в представленном графе (см. рис. 2), носят главным образом ситуативно обусловленный характер. Некоторые отношения, не имеющие языкового выражения, только подразумевающиеся, обозначены в графе пунктиром. В их число входят, например, отношения, которые связаны с передачей компанией консультанту вознаграждения за оказанные услуги, исчислением из него сумм платежей, требуемых государственными органами, или взаимодействием с ними самой компанией.

При сравнении двух рассмотренных графов (см. рис. 1 и 2) важно отметить, что в отличие от иерархической денотативной структуры русскоязычного дискурсивного фрагмента структура англоязычного фрагмента договора в связи с преобладанием в нем ситуативных отношений представлена в виде сети.

Для отражения этих отношений в англоязычном ДД используются констативы, которыми конструируются коммуникативные действия, направленные на реализацию определенных стратегий речевого взаимодействия его субъектов. В частности, в п. 3.1 договора с помощью констатива-ассертива (*consultant is an independent contractor*) и констатива-экспрессива с эмфатической отрицательной конструкцией и стертой метафорой (*consultant has no authority to bind company by contract or otherwise*) уточняется правовой статус консультанта и отрицается распространение на компанию обязательств по трудовому договору. Данные коммуникативные действия способствуют конкретизации правовой ситуации, которая предусматривает детальное изложение подпадающих под гражданско-правовое регулирование обстоятельств, требующих диспозитивного решения и оказывающих влияние на возникновение, изменение или прекращение договорных правоотношений.

Детерминированное прецедентной традицией англо-саксонское право включает в содержание договора значительно большее количество диспозитивных норм, чем российское или белорусское право. Отечественное договорное право является подотраслью гражданского права, состоящей из общей и особенной частей [9, с. 109]. Изложенные в них важные фундаментальные и специальные положения о договоре и отдельных видах обязательств трактуются как императивные нормы, которые обычно не находят вербального выражения в русскоязычных договорах, но подразумеваются при их толковании.

Право выбора не предусмотренных законодательством условий для изменения, прекращения договора и вытекающих из него обязательств считается одной из форм реализации принципа свободы договора в англо-американском праве [10, с. 87]. С опорой на данный принцип Ч. Фрид строит собственную концепцию договора как обещания, рассматривая мораль в качестве главного источника его обязательности и предлагая с данной точки зрения определять условия взаимодействия и сотрудничества сторон в рамках как коммерческих, так и межличностных отношений [11, с. 137].

Традиционные для англо-американского права взгляды на договор как на обещание находят отражение также в ряде других теорий: нормативной, конвенциональной теориях, теории защиты ожиданий, теории межличностных обещаний (цит. по [12, с. 65]). В соотношении с ними широкое применение в современном англоязычном ДД находят констативы-комиссивы. Они служат основным средством реализации стратегии волеизъявления, заключающейся в выражении согласия сторон относительно приобретения прав и принятия обязательств по договору.

Помимо выражения воли сторон в части отсутствия каких-либо притязаний консультанта на установление между ним и компанией трудовых или агентских отношений (*nothing in this agreement will be construed as establishing an employment or agency relationship between company and consultant*), в контексте последовательности коммуникативных действий согласовываются обязательства консультанта по оказанию услуг (*consultant will perform services...*); постоянному соблюдению законодательства (*consultant will at all times comply with applicable law...*); декларированию всей суммы вознаграждения (*consultant will report... as income all compensation*); погашению требований по обязательным выплатам (*consultant will be solely responsible for payment of...*). Включение в пункт договора обязательств только одной стороны ставит под сомнение принцип равенства сторон, постулируемый договорным правом. Данный принцип в современных рыночных условиях носит скорее формальный, а не фактический характер. Особенно наглядно асимметрия договорных отношений проявляется у сторон с разным с экономической точки зрения статусом, что, безусловно, должно учитываться при толковании договоров.

В исследуемом пункте договора наряду с обязательствами консультанта выражено его намерение определять самостоятельно, каким образом и какие средства использовать при оказании услуг (*consultant will determine, in consultant's sole discretion, the manner and means by which services are accomplished*). Специфика выражения волеизъявления в конкретном примере англоязычного договора в сравнении с русскоязычным проявляется в большей степени индивидуальности, о чем свидетельствует устойчивый оборот *in consultant's sole discretion*.

Заклучение

Проведенный структурно-интеракционный анализ русскоязычного и англоязычного ДД позволяет сформулировать следующие выводы:

- 1) ДД представляет собой целостное образование, в котором через согласование определенных коммуникативных действий сторон договора проявляется их речевое взаимодействие;
- 2) содержание ДД находит отражение в денотативной структуре, эксплицирующей связи между его элементами и служащей основой для анализа гражданско-правовых отношений сторон договора и их отношения к сути самого акта общения;
- 3) многомерность и реальность толкования ДД обеспечивается путем интегрирования процедуры его денотатного структурирования и анализа интеракций сторон договора в социокультурном измерении;
- 4) специфика русскоязычного ДД заключается в выборе его сторонами коммуникативных действий, выраженных с помощью регулятивных и констативных речевых актов (в частности, констативно-ассертивного и констативно-экспрессивного видов) и находящихся отражение в иерархической структуре содержания договора;
- 5) речевое взаимодействие в англоязычном ДД носит в большей степени выраженный ситуативный характер, что находит подтверждение в построении структуры содержания договора в виде сети, и характеризуется частым использованием констативов-комиссивов.

Библиографические ссылки

1. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
2. Галич ТС. Контекстуальное взаимодействие в дискурсе. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Филология*. 2015;4(3):188–192.
3. Храмова НГ. Комплексный дискурсивный анализ правового дискурса. *Проблемы в российском законодательстве*. 2009; 1:58–62.
4. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1982. 534 S.
5. Драбкина ИВ. Прагмалингвистические аспекты контрактов. В: Дубинин СИ, редактор. *Аспекты становления и функционирования западно-германских языков*. Самара: Самарский университет; 2003. с. 222–233.
6. Ковалевская ИИ. Денотатное структурирование договора для интерпретативного анализа. *Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология*. 2024;6:20–31.
7. Храмова НГ. *Теория правового дискурса: базовые идеи, проблемы, закономерности*. Курган: Издательство Курганского государственного университета; 2010. 396 с.
8. Орлова НВ. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией. *Вестник Омского университета*. 2014;4:188–193.
9. Турицын ДА. Место договорного права в российском гражданском законодательстве. *Legal Concept = Правовая парадигма*. 2020;19(1):108–111. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.1.15.
10. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения. *Журнал российского права*. 2006;7:85–94.
11. Fried Ch. *Contract as promise: a theory of contractual obligation*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 202 p.
12. Макарова РВ. Определение договора как обещания в англо-американском правовом дискурсе. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017;6:65–67. DOI: 10.23670/IRJ.2017.60.107.

Статья поступила в редколлегию 18.01.2026.
Received by editorial board 18.01.2026.

ПРАГМАКОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ИНТОЛЕРАНТНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА, ОБУСЛОВЛЕННОГО СЕМАНТИКОЙ БОГАТСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

А. Н. ПАЛАГИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается номенклатура коммуникативных стратегий и речевых тактик интолерантного дискурса, которые получают актуализацию в рамках компьютерно опосредованной коммуникации. В качестве фактического материала исследования выступают интернет-комментарии на немецком языке, опубликованные на видеохостинге *YouTube* с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2024 г., которые вербализируют враждебность, обусловленную семантикой богатства. Цель исследования – установить специфику прагмакоммуникативной организации интолерантного интернет-дискурса на немецком языке, обусловленного семантикой материального достатка. В ходе исследования устанавливаются и характеризуются наиболее распространенные речевые тактики языка вражды в отношении социальной группы богатых людей в немецкоязычном персональном интернет-дискурсе. Полученные результаты имеют ценность при установлении особенностей вербализации враждебности по отношению к социальной группе, выделенной на основе не врожденного, а приобретенного признака. Практическое применение результатов возможно в рамках лингводидактики, лингвистической экспертизы и образовательного процесса. Кроме того, результаты исследования могут использоваться в целях обеспечения информационной безопасности общества и конструктивного толерантного взаимодействия в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: интолерантный дискурс; интернет-дискурс; коммуникативная стратегия; речевая тактика; богатство; язык вражды.

ПРАГМАКОМУНІКАТЫЎНАЯ СПЕЦЫФІКА ІНТАЛЕРАНТНАГА ІНТЭРНЭТ-ДЫСКУРСУ, АБУМОЎЛЕНАГА СЕМАНТЫКАЙ БАГАЦЦЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ НЯМЕЦКАЙ МОВЫ)

А. М. ПАЛАГІНА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаецца наменклатура камунікатыўных стратэгий і маўленчых тактык інталерантнага дыскурсу, якія атрымліваюць актуалізацыю ў рамках камп'ютарна апасродкаванай камунікацыі. У якасці фактычнага матэрыялу даследавання выступаюць інтэрнэт-каментарыі на нямецкай мове, апублікаваныя на відэахостынгу *YouTube* з 1 студзеня 2023 г. па 31 снежня 2024 г., якія змяшчаюць вербалізацыю варожасці, абумоўленай

Образец цитирования:

Палагина АН. Прагмакоммуникативная специфика интолерантного интернет-дискурса, обусловленного семантикой богатства (на материале немецкого языка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2026;1:42–54. EDN: SENXXP

For citation:

Palahina AM. Pragmatic and communicative specifics of intolerant Internet discourse, determined by the semantics of wealth (based on the German language). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2026;1:42–54. Russian. EDN: SENXXP

Автор:

Алина Николаевна Палагина – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент А. А. Баркович.

Author:

Alina M. Palahina, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. alinapalagina2000@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-6220-3563>

семантыкай багацця. Мэта даследавання – выявіць спецыфіку праграмакунікатыўнай арганізацыі інталерантнага інтэрнэт-дыскурсу на нямецкай мове, абумоўленага семантыкай матэрыяльнага дастатку. У ходзе даследавання вылучаюцца і характарызуюцца найбольш распаўсюджаныя маўленчыя тактыкі мовы варожасці ў дачыненні да сацыяльнай групы багатых людзей у нямецкамоўным персанальным інтэрнэт-дыскурсе. Атрыманыя вынікі маюць каштоўнасць пры выяўленні асаблівасцей вербалізацыі варожасці ў адносінах да сацыяльнай групы, выдзеленай на аснове не прыроджанай, а набытай прыкметы. Практычнае прымяненне вынікаў магчыма ў рамках лінгвадыдактыкі, лінгвістычнай экспертызы, адукацыйнага працэсу. Акрамя таго, вынікі даследавання могуць выкарыстоўвацца для захавання інфармацыйнай бяспекі грамадства і канструктыўнага талерантнага ўзаемадзеяння ў анлайн-прасторы.

Ключавыя словы: інталерантны дыскурс; інтэрнэт-дыскурс; камунікатыўная стратэгія; маўленчая тактыка; багацце; мова варожасці.

PRAGMATIC AND COMMUNICATIVE SPECIFICS OF INTOLERANT INTERNET DISCOURSE, DETERMINED BY THE SEMANTICS OF WEALTH (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

A. M. PALAHINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article presents a nomenclature of communicative strategies and speech tactics of intolerant discourse that are actualised within the computer-mediated communication. The factual material of the study are German-language online comments, published on the videohosting *YouTube* from 1 January 2023 to 31 December 2024, and containing verbalisation of hostility conditioned by the wealth semantics. The aim of the study is to establish the specifics of the pragmatic and communicative organisation of intolerant online discourse in German, conditioned by the semantics of material wealth. The study found the most common speech tactics of hate speech towards the named group in the German-language personal online-discourse. The results obtained are valuable in identifying the characteristics of hostility verbalisation toward a social group identified not by an innate, but by an acquired characteristic. Practical application of these findings is possible in the context of linguodidactics, linguistic expertise, and at all levels of the educational process, as well as for ensuring public information security and constructive, tolerant interactions online.

Keywords: intolerant discourse; Internet discourse; communicative strategy; speech tactics; wealth; hate speech.

Введение

Концепт «богатство» является одним из ключевых концептов современности, поскольку в настоящее время все люди так или иначе соприкасаются с финансовым аспектом деятельности, выстраивают на основе материальных благ свою жизнь и планируют будущее. В научной литературе данный концепт чаще рассматривается на основе паремиологических единиц, фольклорных и авторских произведений, лексикографических данных. Такие типы фактического материала представляют собой аккумуляцию опыта носителей языка. Как утверждает Л. В. Гриченко, «явления концептуализации и категоризации действительности особенно ярко проявляются в пословицах» [1, с. 31]. Люди, принадлежащие к самым разным народам и культурам, выражают свое восприятие богатства в речи, запечатлевая его в языковой картине мира.

Константными составляющими концепта «богатство» являются представления о большом количестве финансовых средств, материальных благ, драгоценностей. В немецких пословицах классически вербализуется стремление человека достигнуть богатства, приумножить уже существующий материальный достаток. В то же время в пословицах затрагивается проблематика чрезмерной зависимости человека от денег, обусловленности жизнедеятельности человека преимущественно финансовым аспектом [2, с. 59]. Народная мудрость немцев не оставляет без внимания духовные составляющие бытия индивида (дружбу, внимание, здоровье, свободу, мудрость) и постулирует их приоритет над материальными благами: богатство не имеет ценности, если добыто ценой принесения в жертву чести и достоинства. Как негативные явления упоминаются пьянство, расточительство и азартные игры [2, с. 59]. Бедность в немецкой языковой картине мира является не противоположностью, а обратной стороной медали,

начальной точкой и мотивацией для обретения богатства, стремления к лучшей жизни и совершенствования умений и талантов [2, с. 60].

Подобного рода исследования не дают представления об особенностях репрезентации концепта «богатство» в спонтанной и индивидуальной речи, а также в рамках компьютерно опосредованной коммуникации. Количество научных исследований по данному направлению остается небольшим, что обуславливает актуальность исследования. Напротив, анализ интернет-контента позволяет определить специфику актуализации концепта «богатство» более разносторонне и репрезентативно посредством оценки высказываний множества участников дискурсивного сообщества. Специфика компьютерно опосредованной коммуникации способствует свободному выражению мнений и позволяет провести анализ материала, созданного без долгих раздумий и рефлексии. А. А. Баркович пишет, что речевая практика в рамках интернет-дискурса предполагает «расширенные возможности носителей языка выбирать готовые средства и создавать понятные другим коммуникантам свои варианты узусного состава языка» [3, с. 39]. Актуальность исследования также подтверждается широкой распространенностью и востребованностью компьютерно опосредованной коммуникации в целом, развитием и трансформацией жанров интернет-коммуникации, важной ролью концепта «богатство» в концептосфере немецкой культуры.

К рассматриваемому концепту в контексте компьютерно опосредованной коммуникации мы обращались ранее в исследованиях, объектом которых являлись поликодовые тексты, опубликованные в 2022 г. на видеохостинге *YouTube* [4]. Предыдущие исследования показали, что среди текстов, в которых наблюдается формальная экспликация компонентов концепта «богатство», возможно выделить различные лексико-семантические группы, например «богатство определенного субъекта или организации», «аффирмации и иные практики для привлечения богатства», «любительские и профессиональные советы по увеличению богатства», «богатство в контексте игрового процесса», «богатство в контексте образовательного процесса» и др. [4; 5]. Кроме того, было установлено, что поликодовые тексты, относящиеся к разным лексико-семантическим группам, характеризуются неодинаковой степенью востребованности среди участников дискурсивного сообщества (производился количественный анализ англо-, немецко-, польско- и русскоязычного дискурсивных сообществ). Настоящее исследование, помимо достижения своей основной цели, позволяет установить, существует ли зависимость между лексико-семантической дифференциацией поликодовых текстов и особенностями прагмакоммуникативной организации интолерантного дискурса, обусловленного семантикой материального достатка.

Цель данного исследования – установить номенклатуру коммуникативных стратегий и речевых тактик, которые используются участниками немецкоязычного дискурсивного сообщества для вербализации враждебности, обусловленной семантикой материального достатка, а также специфические черты данного типа интолерантного интернет-дискурса в заданных условиях. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) провести контекстуальный и собственно лингвистический анализ фактического материала;
- 2) выявить коммуникативные стратегии и речевые тактики немецкоязычного интолерантного дискурса, обусловленного семантикой богатства;
- 3) определить речевые особенности актуализации данных речевых тактик при вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей, выделяемой на основе приобретенного признака;
- 4) установить наличие взаимосвязи между лексико-семантической группой фактического материала и степенью или особенностями вербализации враждебности, стимулом для которой являются поликодовые тексты этой лексико-семантической группы.

Материалы и методы исследования

В качестве фактического материала исследования выступают 166 поликодовых текстов на немецком языке с концептуальной лексемой *reich* в заголовке и 612 поликодовых текстов с концептуальной лексемой *Reichtum* в заголовке. Отбор поликодовых текстов осуществлялся методом сплошной выборки по наличию упомянутых лексем в заголовке текстов, опубликованных на видеохостинге *YouTube* в 2023–2024 гг.

В рамках исследования применяются количественный анализ, анализ корпусных данных и частотных словарей, прагмакоммуникативный и контекстуальный анализ, метод сплошной выборки. Теоретические основы исследования включают работы по когнитивной лингвистике, лингвистике интернет-дискурса, а также исследования языка вражды. В основе анализа коммуникативных стратегий и речевых тактик лежит классификация речевых тактик интолерантного дискурса Е. Н. Василенко [6, с. 149–191]. В настоящем исследовании данная система адаптирована в соответствии со спецификой социальной группы, в отношении которой вербализуется враждебность. Особую важность представляет тот факт, что

социальная группа богатых людей выделяется на основе приобретенного, а не врожденного признака, в отличие от подавляющего большинства дискредитируемых групп. Помимо прочего, внимания заслуживают способ и основания вербализации враждебности по отношению к группе, которая является не угнетаемой, а представляющей более успешную часть социума, ведущую более благополучный образ жизни.

В процессе анализа лингвистической и дискурсивной специфики актуализации дискредитационных коммуникативных стратегий была разработана методика коммуникативно-прагматического анализа интолерантной онлайн-коммуникации, что позволило установить специфику вербализации враждебности по социально обусловленному признаку на материале английского, немецкого, польского и русского языков. Методика включает следующую последовательность действий:

- 1) установление наличия метаконтекстуального языка вражды, связанного со спецификой ядерных и периферийных признаков концепта «богатство» в концептосферах изучаемых дискурсивных сообществ, а также анализ соответствующих импликатур и пресуппозиций;
- 2) определение наличия контекстуального языка вражды, обусловленного материалом-стимулом либо интернет-комментариями, а также анализ соответствующих импликатур и пресуппозиций;
- 3) лингвистический анализ потенциально интолерантного высказывания:
 - анализ лексико-семантических средств вербализации враждебности, в том числе актуализации синтаксически неделимых словосочетаний и фрагментов определенных лексико-семантических полей;
 - анализ морфологических средств вербализации враждебности, в том числе определение прагматической функции употребляемых дискурсивных слов;
 - анализ синтаксических средств вербализации враждебности, в том числе определение прагматической функции цитирования, аллюзий, реминисценций и других интертекстуальных приемов;
- 4) определение графических и пунктуационных характеристик высказывания в контексте специфики компьютерно опосредованной коммуникации;
- 5) рассмотрение соблюдения норм этикета и эталонного орфографического и пунктуационного оформления высказывания как необходимых составляющих реализации фатической функции речи и создания социально приемлемого коммуникативного персонажа;
- 6) установление коммуникативной цели на основе всех вышеперечисленных параметров, а также рассмотрение прагмакоммуникативной специфики субъектной интенции в рамках интолерантного дискурса;
- 7) определение коммуникативных стратегий и речевых тактик, получающих актуализацию в конкретном высказывании;
- 8) идентификация речевых маркеров, являющихся основными и дополнительными для актуализации данной речевой тактики;
- 9) составление номенклатуры коммуникативных стратегий и речевых тактик интолерантного дискурса, которые используются адресантами определенного дискурсивного сообщества в отношении изучаемой аутгруппы.

Таким образом, разработанная методика заключается в последовательном проведении лексико-семантического и дискурсивного анализа метаконтекстуального, контекстуального и лингвистического аспектов языка вражды, сопровождаемого логически аргументированным и практически обоснованным установлением речевых маркеров каждой из речевых тактик, относящихся к коммуникативным стратегиям дискредитации, положительной самопрезентации и манипулирования. Разработка данной методики может способствовать осуществлению лингвистической экспертизы, созданию и совершенствованию автоматических систем идентификации прагмакоммуникативных характеристик интолерантных высказываний, а также обеспечению информационной безопасности. В целом методология исследования основана на интеграции лингвокультурологического и прагмакоммуникативного подходов, что позволяет установить особенности языковой репрезентации концепта «богатство» в немецком языке в контексте вербализации враждебности по отношению к социальной группе.

Результаты и их обсуждение

Основными коммуникативными стратегиями, составляющими прагматическую основу интолерантного дискурса, являются стратегии дискредитации, положительной самопрезентации и манипулирования. Основной стратегией в данных дискурсивных условиях является стратегия дискредитации, что соответствует коммуникативной цели некоторых участников дискурсивного сообщества умалить авторитет социальной группы или отдельных ее представителей. Данная стратегия оказывает наиболее сильное прагмакоммуникативное воздействие, которое, как следствие, негативно влияет на психоэмоциональное и физиологическое состояние представителей угнетаемой группы. Стратегии положительной

самопрезентации и манипулирования в определенной степени можно назвать вспомогательными, поскольку они могут получать актуализацию в том же самом высказывании, что и стратегия дискредитации, либо использоваться самостоятельно. В таком случае есть смысл говорить о том, что коммуникант не хочет выражать свою враждебность к социальной группе прямо в силу различных причин (например, желает наделить своего коммуникативного персонажа более приемлемыми с точки зрения социума характеристиками: толерантностью, пониманием, уважительностью и др.) и задействует более «мягкие» коммуникативные стратегии. Однако этот факт не отменяет разрушительного воздействия интолерантности как феномена.

В рамках коммуникативной стратегии дискредитации может происходить актуализация речевых тактик оскорбления, преуменьшения, издевки, отрицания, обвинения, приписывания враждебных намерений, поляризации, вынужденной интолерантности, побуждения к интолерантности, легитимации интолерантности, прецедента и угрозы. Однако не все перечисленные тактики характеризуются одинаковой продуктивностью в данных дискурсивных условиях.

Вербализация враждебности в отношении социальной группы богатых людей может осуществляться при помощи речевой тактики оскорбления, которая заключается в прямом либо косвенном указании на неполноценность либо отрицательные качества социальной группы. Коммуниканты выражают мнение о том, что представители социальной группы плохие, при этом в их высказываниях отсутствует аргументация данной точки зрения. При анализе фактического материала были выявлены такие маркеры тактики оскорбления, как лексемы с пейоративной коннотацией и словообразовательные окказионализмы с негативным лексическим значением. Как правило, при реализации данной тактики высказывания имеют негативное значение, которое складывается за счет лексических значений составляющих его синтагм, однако встречаются синтаксические конструкции, негативное содержание которых имплицировано. Убежденность говорящего в собственной правоте обуславливает модальное значение полной уверенности. Направленность деструктивного отношения коммуниканта определяется личными местоимениями 2-го и 3-го лица. Тактика оскорбления получает актуализацию в следующих высказываниях: *Der kritische Punkt ist: Das Exponential-System des Zinseszins-Effektes. Führt zu überbordendem, abartigen Reichtum für nur Wenige...* ‘Критическая точка – это экспоненциальная система сложных процентов. Она приведет к чрезмерному, порочному богатству лишь для немногих...’ (Н-24-669)¹; *Der Typ kennt wohl nicht die Bedeutung von «Schmarotzer»... ohne Worte* ‘Этот тип явно не знает значения слова «паразит»... Нет слов’ (Н-24-682); *Es ist immer die gleiche Scheiße, es sitzen nur andere Fliegen drauf* ‘Это всегда одно и то же дерьмо, просто на нем сидят другие мухи’ (Н-24-729).

Тактика обвинения обладает схожими чертами с тактикой оскорбления, однако подразумевает наличие определенных аргументов и доказательств для подтверждения своего мнения. Кроме того, она может быть выражена как непосредственно, так и косвенно. Данная тактика является одной из самых частотных при вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей. Маркерами тактики обвинения могут являться сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными и придаточными причины, следствия, например: *Und alle haben in ihrem Leben noch nie wirklich gearbeitet und ruhen sich auf der Arbeit von anderen aus* ‘И все они никогда в жизни по-настоящему не работали и живут за счет труда других людей’ (Н-23-278); *Und wie viel Schwarzgeld bekommt er? Das hätte mich auch interessiert!* ‘И сколько же он получает незадекларированных финансов? Меня это тоже интересует!’ (Н-24-673); *Mit normaler Arbeit kann Mann so ein Vermögen nicht anhäufen. Da sind ganz andere Kräfte im Spiel... Steuerhinterziehung... Schmiergelder für die Politiker... usw...* ‘Такое богатство невозможно накопить обычным трудом. Тут действуют другие силы... уклонение от уплаты налогов... взятки политикам... и т. д.’ (Н-24-661); *Ich zweifle stark an, dass jeder der reich ist, auch angemessen was dafür geleistet hat* ‘Я сильно сомневаюсь, что каждый богатый человек на самом деле сделал достаточно, чтобы заслужить это’ (Н-23-492). В рамках данной тактики встречаются преимущественно конструкции с модальным значением полной уверенности. В ряде случаев комментаторы могут прибегать к риторическим конструкциям. В немецкоязычном дискурсе не распространены случаи использования нецензурной лексики, лексики с негативной коннотацией и окказионализмов с пейоративным лексическим значением: коммуниканты, как правило, достаточно вежливы, они ждут от собеседника, во-первых, взаимной вежливости, во-вторых, четкой аргументации мнения. Немотивированное утверждение адресанта может быть встречено негативно. Представителям немецкоязычного сообщества видеохостинг *YouTube* дает, помимо прочего, возможность аргументированного обсуждения социальных проблем. В рамках речевой тактики обвинения встречаются высказывания о том, что богатые люди не платят налоги, поступают

¹Все примеры интолерантных высказываний представлены с сохранением особенностей оригинала. В скобках указан порядковый номер поликодового текста в электронном корпусе источников фактического материала, созданном в ходе исследования. Порядковый номер состоит из указания на язык поликодового текста (обозначение «Н» – немецкий язык), год публикации поликодового текста (обозначение «24» – 2024 г., «23» – 2023 г.) и его порядковый номер в корпусе.

несправедливо, используют нелегальные схемы получения финансов. Такая аргументация позиционирует представителей данной социальной группы как недобросовестных граждан и отражает важные для немецкой культуры принципы справедливости, порядка, законопослушности.

Для создания в сознании реципиента негативного образа социальной группы говорящий может прибегать к тактике приписывания враждебных намерений. В высказываниях, в которых реализуется данная тактика, могут содержаться название социальной группы либо личные местоимения 3-го лица, а также глаголы в форме преимущественно будущего времени либо сослагательного наклонения. Некоторые участники дискурсивного сообщества могут апеллировать к прошлому и настоящему, подтверждая справедливость своего недоверия к изучаемой социальной группе. В отдельных комментариях возможно использование аллюзий к историческим и религиозным событиям, антитезы, синтаксического параллелизма, повторов: *Mindestlöhne werden einfach über Inflation relativiert oder über unbezahlte Überstunden. Wer Wohlstand in die Breite bringen möchte, muss eine Pragmatische Handelspolitik betreiben, statt für ein paar durchgeknallte Moslems in China den Größen Absatzmarkt Deutschlands zu verspielen* 'Минимальные зарплаты просто потеряют свое значение из-за инфляции или неоплаченных сверхурочных. Тот, кто хочет обеспечить массовое процветание, должен проводить прагматичную торговую политику, а не ставить под угрозу крупнейший экспортный рынок Германии ради нескольких сумасшедших мусульман в Китае' (Н-24-729); *Solange das attraktive Aussehen stimmt, kann man jeden Scheiß im Internet hochladen und die Leute werden es lieben, weil sie das attraktive Aussehen lieben* 'Пока привлекательный внешний вид имеет значение, можно загружать в интернет любое дерьмо, и людям это понравится, потому что они любят привлекательный вид' (Н-23-248).

Широко употребляется в исследуемом дискурсивном сообществе тактика поляризации, основанная на базовой семиотической оппозиции *свои – чужие* и выражающая противопоставление аутгруппы и ингруппы, «чужого» и «своего» [6, с. 170]: *Der durchschnitts- arbeitende Mensch soll doch nur die hohen und überspitzten Gehälter von Politikern finanzieren und das ist einfach nicht richtig, um es mal milde auszudrücken und überhaupt nicht mehr tragbar* 'Среднестатистический работающий человек должен финансировать высокие и непомерные зарплаты политиков, и это просто неправильно, мягко говоря, и больше совершенно неприемлемо' (Н-24-670); *Familie ist wichtiger als Papier!* 'Семья важнее бумажек!' (Н-23-501); *Es hat sich doch nicht viel geändert, die meisten müssen sich abstrampeln damit die «Könige» ihr Gold bekommen. Wer die Hälfte des Einkommens für Miete abgeben muss und dann noch Kinder hat, der muss schon hart strampeln...* 'Мало что изменилось; большинству людей по-прежнему приходится вкалывать, чтобы «короли» могли получить свое золото. Любому, кто вынужден отдавать половину дохода на аренду, да еще и с детьми, приходится работать не покладая рук...' (Н-23-291). Основными маркерами данной тактики являются личные и притяжательные местоимения 1-го и 3-го лица (часто в отношениях противопоставления), лексемы семантических полей «политика», «гражданин», «рабочие» и «работодатели» (два последних поля нередко противопоставляются). При использовании тактики поляризации может применяться характерная лексика с пейоративным значением.

В рамках тактики вынужденной интолерантности участники ингруппы пытаются представить доказательства для оправдания своего негативного отношения к дискредитируемой и дискриминируемой группе, перекладывая свою вину на ее представителей. Маркерами данной тактики выступают лексика с пейоративным значением и логически выделенные личные местоимения 3-го лица, используемые для обозначения дискредитируемой социальной группы. В отношении богатых людей данная речевая тактика получает актуализацию относительно редко. Элементы ее реализации можно увидеть в следующих комментариях: *aber nur, weil die Zinsertragssteuer viel, viel zu niedrig ist!!!* 'Но только потому, что процентный налог слишком, слишком низок!!!' (Н-24-669); *Dein Einkommen wird leider ohne Ende besteuert, vermögen hingegen bleibt unangetastet. Da liegt das Problem* 'К сожалению, ваш доход постоянно облагается налогом, а ваши активы остаются нетронутыми. В этом и заключается проблема' (Н-24-729). В отдельных комментариях используются сложноподчиненные предложения с придаточными причины либо следствия, а также конструкции с предлогами причины. Возможно графическое выделение (изменение начертания либо размера текста) для обозначения логического акцента.

Тактика побуждения к интолерантности используется при раскрытии тем угрозы традициям или безопасности общества со стороны социальной группы и оправданной необходимости ее представителей смириться с текущим уровнем враждебности в свой адрес. Маркерами тактики являются лексика с пейоративным и оценочным значением, глаголы в форме повелительного наклонения или инфинитива (как правило, обозначающие действие, направленное на дискредитируемую группу), восклицательные и риторические конструкции: *Die Axt muss bei Vermögen angesetzt werden, die mit regulärem Arbeitseinsatz unmöglich erwirtschaftet werden könnten* 'Топором следует рубить богатство, которое невозможно зарабатывать обычным трудом' (Н-24-670). Участниками немецкоязычного дискурсивного сообщества данная тактика практически не используется.

При вербализации враждебности тактика легитимации интолерантности проявляется в оправдании и поддержке дискриминирующих действий и взглядов, неприятии стремлений и конкретных попыток искоренения интолерантности в отношении социальной группы. В данных дискурсивных условиях коммуниканты не призывают к применению карательных мер к человеку из-за его принадлежности к социальной группе. Они считают, что наказание должно назначаться в соответствии с существующими в государстве законами. Акцент делается на легитимность получения богатства. Особое осуждение у говорящих вызывает факт присвоения финансов, которые должны были распределяться на нужды большинства. Общий тон высказываний может быть приближен к нейтральному, объективному: *Ne haftstrafe ist das mindeste was er verdient hat* ‘Тюремное заключение – это меньшее, чего он заслуживает’ (Н-24-673); *dann brauchen wir viele neue gefängnisse* ‘тогда нам понадобятся новые тюрьмы’ (Н-24-670); *Und der direkte Weg vom Sitz im Bundestag direkt in die Lobby-Organisation von Energie/Finanz/Automobil/Chemie/Medien/Rüstung/ usw muss verschlossen werden* ‘И прямой путь из бундестага непосредственно в лоббистские организации в сфере энергетики/финансов/автомобилестроения/химии/СМИ/обороны и т. д. должен быть закрыт’ (Н-24-670). Основное требование в таких высказываниях – ответственность за присвоение, растрату общественных денежных средств, незаконные действия, связанные с ними. В данных дискурсивных условиях тактика реализуется достаточно часто и интенсивно в случаях, если материал-стимул имеет темой злоупотребление доверием сотрудников, определенного класса общества либо общества в целом, злоупотребление властью. В строгом смысле приведенные примеры не являются проявлением тактики легитимации интолерантности, так как данные высказывания не способствуют дискриминации именно по признаку принадлежности к социальной группе богатых людей.

Тактика прецедента не является распространенной в рассматриваемых дискурсивных отношениях. При ее реализации говорящий апеллирует к неким историческим случаям, тем самым косвенно поощряя дискурсивное сообщество к дальнейшей дискриминации группы: *Gebe ich dir vollkommen recht!!! Es gibt 1000 sende Beispiele heutzutage, indem nur abgeschöpft wird einige ZEIT und dann INSOLVENZ gemacht wird:) Mit der Haftung erübrigt sich 90 % aller anderer Probleme!!!* ‘Полностью с вами согласен!!! В настоящее время есть тысячи примеров, когда люди просто изымают избыточную прибыль какое-то время, а потом объявляют себя банкротами:) Ответственность решает 90 % всех остальных проблем!!!’ (Н-24-670); *Die Familie Schlecker, die mit ihrem Privatvermögen haftete, hat schnell noch etwas von ihrem Vermögen beiseite geschafft und kriegte entsprechende Strafen* ‘Семья Шлеккер, которая несла ответственность за свое собственное богатство, быстро спрятала еще часть своих финансов и получила соответствующие штрафы’ (Н-24-670). Отличительной чертой тактики прецедента можно назвать наличие временных указателей и преимущественное употребление глаголов в форме прошедшего времени.

В рамках немецкоязычного интолерантного дискурса коммуниканты часто обращаются к тактике угрозы, которая предполагает выражение мнения о том, какие меры наказания должны быть применены к представителям социальной группы. Классически в таком случае участник дискурсивного сообщества принимает факт существования социальной группы и демонстрирует нетерпимое отношение к ней, вербализируя свое желание дистанцироваться от ее представителей. Однако в отношении представителей группы богатых людей тактика угрозы обладает спецификой, схожей со спецификой тактики легитимации интолерантности: меры наказания, предлагаемые коммуникантами, чаще «назначаются» за некую нелегальную деятельность, а не за сам факт наличия высокого материального достатка. Маркерами тактики угрозы выступают высказывания с модальным значением полной уверенности, что выражается модальными глаголами, определенными видовременными формами глаголов: *Der stürzt ab. 100 %. Nein tut mir leid. Das war zu hart. 100000000 %* ‘Он обанкротится. 100 %. Ах, нет, извините. Это было слишком грубо. 100000000 %’ (Н-23-213); *Und die ganzen Steuervermeidungs Anwälte kontrollieren* ‘И контролировать всех юристов по уклонению от уплаты налогов’ (Н-23-248); *Ganz meine Meinung, GEHAFTET WERDEN muss!* ‘Чисто мое мнение, он должен ПОНЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ!’ (Н-24-670); *Ich glaube wir brauchen DIE HAFTUNG ZURÜCK* ‘Я считаю, что нам необходимо ВЕРНУТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ’ (Н-24-670). В фактическом материале отмечены высказывания, в которых участники дискурсивного сообщества апеллируют к высшим силам, богу, выражая мнение о том, что представители социальной группы получают неизбежное наказание от того, кто, согласно религиозным канонам, имеет право судить людей.

В отношении социальной группы богатых людей широко распространена тактика издевки. Она предполагает фиктивную похвалу или обидную шутку в адрес социальной группы либо определенного человека как ее представителя с целью подвергнуть объект насмешки унижению, осмеянию: *Frag Papa nach Geld ist auf Top 1* ‘Попроси у папы денег – это номер 1’ (Н-23-530); *7. Sei reich* ‘7. Будь богатым’ (Н-24-660); *Und was hat er so geleistet ?* ‘И чего он добился?’ (Н-24-682); *Würde das stimmen, wehr Nicola Tesla und Albert Einstein die reichsten Menschen aller Zeiten gewesen* ‘Если бы это так работало, Никола Тесла и Альберт Эйнштейн были бы самыми богатыми людьми всех времен’ (Н-24-666);

Also Frauen aufgepasst, reich einheiraten ist immer noch der schnellste Weg reich zu werden. Ohne Till wäre Dana Kassiererin 'Итак, дамы, слушайте: выйти замуж за богатого человека – по-прежнему самый быстрый способ разбогатеть. Без Тилла Дана была бы кассиром' (Н-23-248). В немецком языке широко распространены использование контекстуального языка вражды, задействование иронии и сарказма. Для придания высказыванию экспрессивности говорящий может прибегать к риторическим вопросам и восклицательным конструкциям. Комментарии с применением данной тактики преимущественно направлены на определенное лицо, что грамматически часто выражается в использовании личных местоимений 2-го лица и соответствующих глагольных форм.

Участники дискурсивного сообщества также могут вкладывать в свои высказывания семантику 'проблемы данной социальной группы неважны либо преувеличены'. Таким способом проявляется тактика преуменьшения. Ее маркерами являются синтаксические конструкции с модальным значением сомнения (при преуменьшении) либо полной уверенности (при замалчивании), как следствие, в предложениях могут употребляться лексемы с отрицательными аффиксами и отрицательные частицы. Характерными чертами данной тактики также выступают сарказм и ирония, риторические вопросы и восклицания, лексемы в переносном значении. Пример ее актуализации можно увидеть в следующих высказываниях: *Nur bleibt alles Materialie ihr und alles geistliche nimmst du mit* 'Только все материальное остается, а все духовное вы забираете с собой' (Н-24-669); *13 samle dir keine Schätze auf Erden, wo alles vergeht, samle dir schätze im Himmel was dir belohnt wirt* '13 не собирайте себе сокровищ на земле, где все проходит; собирайте себе сокровища на небе, где вам воздастся' (Н-23-530); *Geld ist das unnötigste auf der Welt Familie ist das wichtigste, Gesundheit und Freunde* 'Деньги – самая ненужная вещь на свете. Семья – самое важное, наряду со здоровьем и друзьями' (Н-23-501). В отношении социальной группы богатых людей данная тактика не характеризуется высокой частотностью.

Тактика отрицания заключается в отрицании проблемы дискриминации социальной группы или установленных научных фактов, которые либо приводятся в самом поликодовом тексте, либо упоминаются предыдущим комментатором для подтверждения своей позиции. Ее типичными маркерами являются отрицательные синтаксические конструкции и высказывания с модальным значением полной уверенности. Как следствие, широко употребляются наречия, выражающие высокую степень уверенности, лексемы семантического поля «безразлично». Часто в комментариях раскрываются темы «Нет смысла говорить об этом», «Деньги и богатство не имеют смысла», «Есть вещи важнее богатства». Элементы тактики отрицания можно увидеть в следующих интернет-комментариях: *Aber das geld ist heute nix wert* 'Но деньги сегодня ничего не стоят' (Н-23-291); *Wichtig im Leben ist Familie Freunde und Gesundheit Geld macht ne Zeit glücklich aber deine Freunde wollen nur Geld haben und wenn du arm bist hassen sie dich* 'В жизни главное – семья, друзья и здоровье. Деньги делают тебя счастливым на какое-то время, но твои друзья хотят только получить от тебя денег, а когда ты станешь бедным, они тебя возненавидят' (Н-23-501); *Nein, die Welt ist eben nicht fair. Wir sind auch nicht alle gleich und es gibt auch keine wirkliche Sicherheit. Und das ist auch gut so, denn sonst würden wir alle noch halbnackt in Höhlen leben. Kultur und Entwicklung basieren auf eben diesen Grundvoraussetzungen* 'Нет, мир просто несправедлив. Мы все разные, и никакой настоящей безопасности не существует. И это хорошо, иначе мы бы все до сих пор жили полуголыми в пещерах. Культура и развитие основаны именно на этих фундаментальных условиях' (Н-24-670).

Речевые тактики отрицания и преуменьшения не являются высокочастотными при вербализации враждебности к социальной группе богатых людей предположительно из-за специфики социальной группы, поскольку богатые люди чаще воспринимаются как более привилегированная группа в социуме. Принимая во внимание широкое освещение в научной литературе, СМИ, юриспруденции необходимости толерантного отношения к некоторым социальным группам, например, выделяемым по признаку национальности, этнической принадлежности, пола, расы, представляется вероятным, что в обыденном сознании отсутствует или недостаточно развито убеждение о возможности наделения привилегированной социальной группы статусом угнетаемой. Сам факт ее дискредитации может не осознаваться участниками дискурсивного сообщества. Однако высокий материальный достаток группы не является защитой от враждебности.

Стратегию положительной самопрезентации в рамках интолерантного дискурса могут представлять тактики мнимого извинения, мнимой уступки, мнимого отрицания, причисления себя к положительно воспринимаемой группе и приведения себя в пример.

Тактика мнимого извинения реализуется в интолерантном дискурсе с целью смягчить резкость высказываний, изначально содержащих вербализацию негативного отношения к социальной группе, благодаря чему адресант представляется другим участникам дискурсивного сообщества более толерантной личностью. Маркерами данной тактики выступают отрицательные конструкции, которые, как правило, занимают в комментариях начальную позицию, и следующие за ними конструкции с противительными

союзами. В аспекте вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей данная речевая тактика не встречается.

Авторы комментария также могут заявлять о собственной непредвзятости в данном вопросе, чтобы создать более толерантный образ говорящего в глазах дискурсивного сообщества. В данном случае они обращаются к тактике мнимого отрицания. Маркерами этой тактики выступают отрицательные конструкции с последующим противопоставлением. В рассматриваемых дискурсивных условиях тактика используется исключительно редко. Как пример ее реализации можно рассмотреть следующее высказывание: *Ist halt immer die Frage, was «ehrlich verdienen» bedeutet. Das muss ja nicht immer gleich Betrug bedeuten. Am Ende bedeutet Wirtschaft eben auch günstige Deals aushandeln, selbst für wenig Geld produzieren (was auch immer das in der Konsequenz bedeutet) und es teuer an den Mann oder die Frau zu bringen. Und auch das bedeutet eben mittels sämtlicher Werbetricks zu manipulieren, dass sie das Zeug auch in großen Mengen kaufen. Das hört sich negativ an, ist aber natürlich schon eine Notwendigkeit für den Erfolg* ‘Вопрос всегда заключается в том, что означает «зарабатывать честным путем». Это не обязательно означает мошенничество. В конечном счете, бизнес – это еще и заключение выгодных сделок, производство продукции за очень небольшие деньги (что бы это ни значило в конечном счете) и ее продажа по высокой цене. А это также означает манипулирование людьми с помощью всевозможных рекламных трюков, чтобы заставить их покупать товар в больших количествах. Звучит не особо хорошо, но это, очевидно, необходимо для успеха’ (Н-23-428).

При реализации тактики мнимой уступки говорящий выражает мнение о возможности толерантного отношения к социальной группе, что способствует положительной самопрезентации, однако его высказывания в целом могут демонстрировать нравственное превосходство ингруппы, раскрывая подтемы дистанцирования или игнорирования представителей социальной группы богатых людей и связанных с их ролью в обществе проблем. Маркерами тактики мнимой уступки являются сложноподчиненные предложения с придаточной уступки, сложносочиненные предложения с отношениями противопоставления между предикативными частями: *Natürlich kann es Menschen geben die da durch Arbeit hingekommen sind, aber die wenigsten machen dies auf moralische Art und Weise. Ohne Reichtum würde es keine Armut geben, aber ohne Reichtum würde es auch keine Weltpolitische Macht geben* ‘Конечно, есть люди, которые разбогатели благодаря труду, но лишь немногие делают это по правилам морали. Без богатства не было бы бедности, но без богатства не было бы и мировой политической власти’ (Н-23-492); *Flying Uwes Kommentar und seine Art und Weise zu hinterfragen wo es um die 1. Klasse im Flugzeug ging hat mir sehr gefallen. Ich sehe ein, dass diese Menschen viel aufgeben und viel preisgeben und daraus reich werden. Und ich freue mich für sie, dass sie ihr Leben ganu nach ihren Vorstellungen genießen können. Aber es braucht eben auch Putzfrauen und Krankenhauspersonal usw. Und ich finde, die geben auch viel auf. Aber die wenigsten davon werden es sich gönnen können mal erste Klasse zu fliegen. Das finde ich schade... Da hat der Philosoph wohl recht: es ist nicht der Neid, der aus «den Armen/ den Anderen» spricht, sondern die Ungerechtigkeit* ‘Мне очень понравился комментарий Уве и его взгляд на проблему перелетов первым классом. Я понимаю, что эти люди многим жертвуют и от многого отказываются, чтобы разбогатеть. И я рад за них, что они могут жить так, как хотят. Но обществу также нужны уборщики, персонал в больницах и т. д. И я думаю, что они тоже многим жертвуют. Но мало кто из них сможет позволить себе летать первым классом. Жаль, что все так... Один философ, вероятно, прав: не зависть говорит от лица «бедных/других», а несправедливость’ (Н-23-248). В отношении исследуемой группы данная тактика используется редко.

В интолерантном дискурсе актуализируется речевая тактика мнимого согласия, которая подразумевает выражение адресантом согласия с содержанием стимула (видеоролика либо иного комментария) и последующее выражение негативного отношения к социальной группе. В рамках этой тактики могут использоваться утвердительные конструкции, сопровождаемые отрицательными конструкциями. Говорящий может высказываться с помощью сложноподчиненных предложений с придаточной уступки, а также противительных конструкций. Тактика мнимого согласия реализуется в следующем комментарии: *Toller Beitrag! Was mir ein bisschen fehlt ist der Fakt, dass sich oftmals ehrliche Arbeit nicht mehr lohnt* ‘Отличный пост! Но мне немного не хватает освещения того факта, что честный труд часто не окупается’ (Н-23-248). В отношении богатых людей данная речевая тактика практически не используется.

Основная цель высказываний, в которых реализуется тактика переноса, – предоставление возможности говорящему переложить вину за слова и действия, содержащие дискриминацию аутгруппы, на других людей или сообщества. Говорящий может выражать согласие или несогласие с таким нетерпимым отношением. Среди маркеров тактики переноса можно назвать риторические вопросы, иронические высказывания, а также конструкции с противительным значением. В комментариях присутствуют логически выделенные имена существительные, указывающие на тех, кто, по мнению автора, виновен в дискриминации. В данных дискурсивных условиях тактика переноса не используется.

В интолерантном дискурсе также могут получать актуализацию тактика причисления себя к положительно воспринимаемой группе и тактика приведения себя в пример, которые находятся в тесной взаимосвязи: *Und was ist mit allen Leuten, die genauso hart arbeiten und im Vergleich fast nichts haben? Und warum soll man weniger Steuern zahlen, nur weil man mehr verdient, egal ob man hart arbeitet oder nicht?* 'А как насчет всех тех людей, которые работают так же усердно, но по сравнению (с богатыми. – А. П.) у них нет практически ничего? И почему нужно платить меньше налогов только потому, что кто-то зарабатывает больше, независимо от того, работает он усердно или нет?' (Н-24-670); *Völlig richtig, musste ich auch erfahren wie Malocher ausgenutzt wurden / werden* 'Совершенно верно, мне тоже пришлось испытать на себе, как эксплуатировались и эксплуатируются рабочие' (Н-24-729). Тактика причисления себя к положительно воспринимаемой группе используется весьма редко в отношении богатых людей. В подобных комментариях говорящие обращаются к национальной принадлежности, религиозным и нравственным взглядам. Таким образом, говорящий позиционирует самого себя как личность или представителя социально одобряемой группы, что позволяет ему высказывать негативное мнение об аутгруппе. Также авторы комментариев могут утверждать, что они всего лишь следуют установленным правилам ингруппы. В комментариях, реализующих данную тактику, часто присутствуют стоящие в логической оппозиции местоимения 1-го и 3-го лица. Участники дискурсивного сообщества могут использовать риторические конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточной уступки. Тактика приведения себя в пример в данных дискурсивных условиях используется достаточно часто: *Ich will noch mal betonen das die HAFTUNG zurück muss!* 'Я хочу еще раз подчеркнуть, что обязательно нужно вернуть ОТВЕТСТВЕННОСТЬ!' (Н-24-670); *Ich brauche nicht mehr Geld als Famielie und Freunde weil Famielie, Freunde kan man dich nich kaufen* 'Деньги мне нужны меньше, чем семья и друзья, потому что семью, друзей невозможно купить' (Н-23-501), *Mir würde es jedenfalls nicht passieren mit etlichen Millionen auf dem Konto zu sterben vorher würde ich es wieder in die Menschen investieren, natürlich schon im Rahmen der Möglichkeiten die ich dann bestimmen möchte und nicht der Staat der einfach sinnlos umverteilt* 'Я бы в любом случае не умер с несколькими миллионами на счету, прежде я бы инвестировал их опять в людей, естественно, в тех пределах возможностей, которые определяю я сам, а не государство, которое их просто бездумно перераспределяет' (Н-24-670).

В интолерантном дискурсе широко распространена коммуникативная стратегия манипулирования, которая самым тесным образом связана со стремлением говорящего убедить слушателей в справедливости своих высказываний при целенаправленном игнорировании определенных связанных с данной тематикой фактов. Такая стратегия включает в себя тактики искажения информации, приписывания высказываний или взглядов, инверсии, обобщения, смещения акцентов и апелляции к авторитету.

Высокой частотностью использования в интолерантном интернет-дискурсе характеризуется тактика искажения информации. Она подразумевает представление говорящим неверной информации как факта и использования ее для доказательства либо подтверждения своей точки зрения. В немецкоязычном дискурсивном сообществе реализация данной тактики не зафиксирована. Можно предположить, что это обстоятельство объясняется спецификой выбранной социальной группы: в отношении богатых людей, возможно, существует не так много распространенных стереотипов, как в отношении социальных групп, выделенных на основе врожденных признаков. Следует отметить, что, как правило, в комментариях данного типа лексика с пейоративным значением встречается редко. Маркерами тактики выступают синтаксические конструкции с причинно-следственным значением, в отдельных случаях используются ирония, игра слов.

Говорящий также может высказываться от имени представителей аутгруппы, имитируя свойственное им поведение или мнение, соответствующее концепту данной группы в сознании говорящего. Таким образом говорящий стремится продемонстрировать несостоятельность убеждений и стремлений группы, а также подвергнуть ее осмеянию и дискредитации. Реализация тактики приписывания высказываний или взглядов отмечена в следующих комментариях: *Ist ihm das wohl peinlich einen Kanzler zu stellen der die cum ex geschäfte möglich gemacht hat? Der den superreichen eine stütze in «schweren» Zeiten war und dem Banken gesagt hat «ach lass gut sein, die paar Milliarden wollen die Steuerzahler gar nicht zurück haben»* 'Может, ему стыдно, что он назначил канцлера, который сделал возможными сделки cum-ex? Канцлера, который был опорой для сверхбогатых в «трудные» времена и сказал банкам: «Ой, ну и пусть, налогоплательщики могут даже не надеяться вернуть эти несколько миллиардов»' (Н-24-729); *6 von 12 der wichtigsten Regeln für einen 36 jährigen Milliardär: 1: Pinkel Papa nicht ans Bein, von ihm hast du die Kohle. 2: Habe kein Gewissen. 3: Sei egoistisch. 4: Betrüge wo du kannst um dich zu bereichern. 5: Lass raushängen, dass du Kohle hast und prahle wo es geht. 6: Bei Frauen zählt NUR das Äußere* '6 из 12 самых важных правил для 36-летнего миллиардера: 1. Не зли отца: он дал тебе деньги. 2. У тебя не должно быть совести. 3. Будь эгоистом. 4. Обманывай везде, где можно, чтобы обогатиться. 5. Кичись своим богатством и хвастайся

при любой возможности. 6. Женщин интересует ТОЛЬКО внешность' (Н-23-530). В данных комментариях применяются приемы иронии, фиктивной похвалы, часто используются риторические вопросы. При этом говорящий может высказываться в адрес уязвимой группы отвлеченно, что демонстрируют местоимения 3-го лица, либо напрямую обращаться к ней. В данных дискурсивных условиях рассматриваемая тактика используется редко.

Тактика инверсии позволяет говорящему представить ингруппу, как правило, занимающую доминирующую позицию в социуме, в качестве жертвы. В подобных комментариях часто используются лексемы «большинство», «меньшинство», «нормальный» и аналогичные им языковые единицы. Экспрессивность высказываний демонстрируется посредством риторических и восклицательных конструкций, а также графических средств. Однако, учитывая специфику социальной группы богатых людей, которая является доминирующей группой в обществе, мы не можем говорить об использовании данной тактики в рассматриваемых дискурсивных условиях.

Реализация тактики обобщения в интолерантном дискурсе связана с ярко выраженным присутствием в общественном сознании негативных стереотипов о социальной группе. Маркером данной тактики является оппозиция мы-группа – они-группа: *Genau, goldenen Löffel hat jeder Harzer und nen Hubschrauber auch* 'Точно, у каждого жителя Гарца есть и серебряная ложка, и вертолет' (Н-24-670); *Wer gegen mehr Mindestlohn ist, ist entweder planlos oder herzlos* 'Каждый, кто выступает против повышения минимальной заработной платы, либо невежественен, либо бессердечен' (Н-24-729); *Durch richtige Arbeit wird man selten reich* 'Редко можно разбогатеть настоящим трудом' (Н-23-492); *Da ist keiner bei, der sein Geld «nur» ehrlich verdient* 'Среди них нет ни одного, кто бы заработал свои деньги только честными путями' (Н-23-248). Следует отметить, что в отношении социальной группы богатых людей данная тактика используется сравнительно редко. Сами коммуниканты могут проявлять дифференциацию при обсуждении социальной группы: *Und die mit sltem oder ehrlich verdienten Geld sind schlau, protzen nämlich nicht rum wie die neureichen Proleten* 'А те, кто заработал деньги честно и справедливо, умны. Они не выставляют их напоказ, как разбогатевшие пролетарии' (Н-23-492).

Распространенной речевой тактикой в рамках интолерантного дискурса является тактика смещения акцентов, к которой говорящий прибегает с целью поспособствовать тому, чтобы слушатели обратили внимание на нечто менее значительное или не имеющее прямого отношения к обсуждаемому вопросу. Довольно часто говорящий тем самым перенаправляет агрессию на другой объект, игнорируя проблему негативного отношения к социальной группе богатых людей: *Deutschland wäre ein Schulden-freies Land wenn Politiker mit Intelligenz regieren würden* 'Германия была бы страной без долгов, если бы у власти были умные политики' (Н-23-492); *Glück sollte man teilen, mach was gutes mit dem Geld, helfe* 'Счастьем нужно делиться, сделай что-то хорошее с деньгами, помогай другим' (Н-23-213); *Das ist der Sohn von Paravan-Gründer Roland Arnold. Der hat vermutlich mehr Geld als 4/5 aus der Gruppe...* 'Это сын основателя «Paravan» Роланда Арнольда. У него, вероятно, больше денег, чем у четырех пятых группы' (Н-23-248); *Da könnte man doch was abgeben* 'Можно было что-то пожертвовать' (Н-24-659); *Wurde aber von dem arbeitenden Volk erwirtschaftet, würde nicht schaden etwas abzugeben an die denen es nicht so gut geht. Aber bei denen ist das Phänomen viele geizig nicht alle, aber immer mehr wollen* 'Это заработано трудящимися, так что не мешало бы отдать что-нибудь тем, кому повезло меньше. Но среди них много скупых, не все, но они всегда хотят больше' (Н-24-661). В рамках данной тактики могут использоваться риторические вопросы, синтаксические конструкции с противительными союзами. Описание объекта, на который смещает внимание говорящий, производится преимущественно посредством лексических средств. В данных дискурсивных условиях тактика смещения акцентов актуализируется не очень часто, в основном коммуниканты обращают внимание на необходимость совершения социально одобряемых поступков (оказания помощи, участия в благотворительности), а также обязательность наличия хороших качеств.

Широкое распространение в интолерантном интернет-дискурсе получила тактика апелляции к авторитету. Авторитетом в данном случае может являться, например, признанный литератор, фольклорный жанр (например, анекдот), религиозный текст, фильм. В отношении социальной группы богатых людей чаще всего применяется апелляция к религиозным текстам, также встречается цитирование высказываний известных личностей: *MAMA HAT GESAGT: WER HOCH FLIEGT FÄLLT TIEF BRAA* 'МАМА ГОВОРИЛА: «КТО ЛЕТАЕТ ВЫСОКО, ГЛУБОКО ПАДАЕТ»' (Н-23-213); *Ich war der Goldene Reiter, ich war ganz hoch auf der Leiter, doch dann fiel ich ab, ja dann fiel ich ab* 'Я был Золотым всадником, я был очень высоко на лестнице, но потом я упал, да, потом я упал' (Н-23-213); *der Heer Schramm hat das schon vor jahren gesagt. und du hast so was von recht* 'Господин Шрамм говорил это много лет назад. И вы совершенно правы' (Н-24-729); *Meine Antwort auf Reichtum. 3500 Jahre altes Wissen. Wer Geld liebt, wird vom Geld niemals satt, und wer Reichtum liebt, wird keinen Nutzen davon haben. Das ist auch eitel... Versuche nicht, mit aller Gewalt reich zu werden; sei klug genug, darauf zu verzichten... Schneller, als ein Adler fliegen kann, ist*

dein Geld plötzlich weg – wie gewonnen, so zerronnen! Salomon hat das geschrieben und ander weise Männer ‘Мой ответ богатству. Мудрость, которой 3500 лет. Тот, кто любит деньги, никогда не будет ими удовлетворен, а тот, кто любит богатство, ничего от него не получит. Это тоже тщетно... Не пытайтесь разбогатеть силой; будьте достаточно мудры, чтобы воздержаться... Быстрее, чем летает орел, ваши деньги внезапно исчезнут – легко пришли, легко ушли! Это писали Соломон и другие мудрецы’ (Н-23-530); *Grundgesetz Artikel 14 Absatz 2: «Eigentum verpflichtet. Sein Gebrauch soll zugleich dem Wohle der Allgemeinheit dienen»*. *Leider nur ein Artikel. Die Umsetzung ist nur eine Empfehlung* ‘Статья 14 Основного Закона, пункт 2: «Собственность влечет за собой обязанности. Ее использование должно служить общему благу». К сожалению, это всего лишь статья. Ее применение носит лишь рекомендательный характер’ (Н-24-693); *Ein Zitat «wir befinden uns im Krieg, im Krieg arm gegen reich und reich gewinnt» W. Buffet Und wie recht er hat* ‘Цитата «Мы ведем войну, войну бедных против богатых, и богатые побеждают». У. Баффет. И как же он прав’ (Н-24-729). Комментарии, в которых актуализируется данная тактика, в достаточном количестве встречаются в немецкоязычном дискурсивном сообществе. Маркерами тактики апелляции к авторитету являются вводные слова, указывающие на источник, а также цитирование широко известных афоризмов.

Апелляция к авторитету имеет схожие черты с тактикой убеждения, так как говорящий представляет доказательства истинности своих слов, обращая внимание адресата на то, что такие же убеждения разделяла компетентная, уважаемая либо популярная личность. Однако в рамках «языка вражды» тактика убеждения находится под влиянием стратегии манипуляции и сильно зависит от нее. Как и при применении некоторых других манипулятивных тактик, говорящий использует информацию выборочно, опирается на мнение людей, которое возможно использовать для подтверждения своей правоты, а следовательно, для убеждения аудитории в обоснованности и даже необходимости дискриминации.

Исследование подтверждает гипотезу о том, что интолерантные высказывания в компьютерно опосредованной коммуникации на немецком языке встречаются реже, чем в коммуникации на польском и русском языках. Материалы-стимулы о социальной группе с высоким материальным достатком вызывают более редкое использование языка вражды по сравнению с аналогичными материалами о группах, выделяемых на основе врожденных признаков.

Чаще всего вербализация враждебности в отношении социальной группы богатых людей наблюдается в поликодовых текстах, где материалом-стимулом является информация о богатстве конкретного лица, организации, государства, реже материалом-стимулом выступает информация о возможностях по приобретению богатства и советы по этой теме. В отдельных случаях нетерпимость к богатству говорящие совмещают с иными формами дискриминации. В поликодовых текстах развлекательного характера либо текстах, раскрывающих тему практик для привлечения богатства, враждебность проявляется в минимальной степени или отсутствует: у участников дискурсивного сообщества, заинтересованных в данном типе материалов, иные коммуникативные цели.

Самой распространенной коммуникативной стратегией в немецкоязычном интолерантном интернет-дискурсе, обусловленном семантикой материального достатка, является стратегия дискредитации. Чаще всего в ее рамках получают реализацию тактики оскорбления, обвинения, поляризации, угрозы, приписывания враждебных намерений. Стратегия положительной самопрезентации не отличается частым применением. В указанных условиях только относящаяся к ней тактика приведения себя в пример характеризуется средней частотностью, реализация других тактик не зафиксирована или эпизодична. Среди тактик манипулирования в немецкоязычном интолерантном дискурсе отмечена более частая реализация тактики апелляции к авторитету.

Участники немецкоязычного дискурсивного сообщества демонстрируют достаточно вежливое и уважительное отношение к собеседникам. При реализации тактик интолерантного дискурса сравнительно редко отмечается использование пейоративной лексики, окказионализмов с негативным значением, как и лексики с негативной коннотацией. Языковая картина немецкой культуры детерминирует лучшее отношение к феномену богатства. В рассмотренном фактическом материале не обнаружено случаев осуждения за желание быть состоятельным человеком. Речевое взаимодействие в рамках поликодовых текстов, в которых наблюдается репрезентация концепта «богатство», как правило, характеризуется детальностью, объективностью, аргументированностью, стремлением разобраться в социальной проблеме. Чаще всего немецкоязычные интернет-пользователи рассматривают богатство как социально-экономический феномен, акцентируя внимание на эффективных способах налогообложения, направлениях политики разных партий, существующих государственных программах финансирования, а также необходимости привлекать к ответственности лиц, виновных в растрате либо нерациональном использовании общественных финансов.

Следует отметить, что в исследовании рассматриваются поликодовые тексты, опубликованные на модерируемом видеохостинге. Это обстоятельство позволяет предположить, что некоторые содержащие

вербализацию враждебности высказывания были удалены системами автоматической идентификации интолерантного интернет-контента. В качестве фактического материала были выбраны поликодовые тексты, содержащие концептуальные лексемы *reich* и *Reichtum* в заголовке, однако эти тексты не отражают всего многообразия языковых экспликаций концепта «богатство» в немецком языке. Результаты исследования могут применяться для дальнейшего изучения интолерантного дискурса, речевого взаимодействия в рамках компьютерно опосредованной коммуникации, концептосферы немецкой и иных культур, а также при совершенствовании образовательного процесса, методик психологической коррекции и лингвистической экспертизы, модернизации систем идентификации интолерантного контента.

Заключение

Основными коммуникативными стратегиями, которые получают актуализацию в немецкоязычном интолерантном интернет-дискурсе, являются стратегии дискредитации, реже применяются стратегии положительной самопрезентации и манипулирования. Прагмакоммуникативная организация интолерантного дискурса обладает определенной спецификой в случаях направленности вербализации враждебности на социальную группу, выделенную на основе приобретенного признака, а именно признака материального достатка. В отношении социальной группы богатых людей в немецкоязычном интолерантном дискурсе наиболее употребительными являются тактики оскорбления, обвинения, поляризации, приписывания враждебных намерений и угрозы. Тактики мнимого извинения, мнимого согласия, мнимой уступки, причисления себя к положительно воспринимаемой группе в данных дискурсивных условиях используются редко. Среди говорящих наблюдается тенденция к выступлению от своего имени, а не от имени своего класса, выделяемого по количеству материального достатка. Также не наблюдается стремление к распространению интолерантности, легитимации интолерантности к социальной группе богатых людей. Как правило, коммуникантами осуждается не большое количество финансов и материальных благ, а незаконные методы обогащения, требуется наказание именно за преступления, а не за богатство. Чаще всего вербализация враждебности в отношении социальной группы богатых людей наблюдается в поликодовых текстах, где материалом-стимулом является информация о богатстве конкретного лица, организации, государства, реже материалом-стимулом становятся сообщения, содержащие советы по приобретению богатства.

Коммуникация участников дискурсивного сообщества является достаточно вежливой и уважительной. В тактиках интолерантного дискурса относительно редко используется пейоративная лексика. При осуждении поликодовых текстов политико-социальной тематики и проблематики социальной группы богатых людей коммуниканты более склонны к объективному оцениванию и представлению аргументов.

Ввиду того что концепт «богатство» представляет собой один из ключевых концептов современности, отношение к социальной группе богатых людей выступает своеобразным отражением языковой картины людей, следовательно, оно будет отличаться в разных дискурсивных сообществах. Определение прагмакоммуникативной специфики интолерантного дискурса будет способствовать искоренению вербализации враждебности в отношении любой социальной группы и реализации более ответственного подхода при выборе речевых тактик в ходе коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Гриченко ЛВ. Концептуальная оппозиция «богатство – бедность» в пословичной картине мира русского народа. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2016;5(3):31–35.
2. Гордеева НВ, Дятлова АК. Концепт «богатство и бедность» в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков). *Тенденции развития науки и образования*. 2021;5:58–60. DOI: 10.18411/LJ-04-2021-188.
3. Баркович АА. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса. *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2015;30:38–48.
4. Палагина АН. Тематическая классификация англо- и немецкоязычных видеоматериалов, посвященных богатству. *Вестник МГЛУ. Серия I, Филология*. 2024;5:101–111.
5. Палагина АН. Тематическое разнообразие поликодовой актуализации концепта «богатство» в польскоязычном и русскоязычном сегментах видеохостинга YouTube. *Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии*. 2025;1:71–77. DOI: 10.52065/2520-6729-2025-291-10.
6. Василенко ЕН. *Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагматический аспекты*. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2022. 236 с.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026.
Received by editorial board 20.01.2026.

СЕМАНТИКА ИМЕН ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕАРАБСКОГО ПАНТЕОНА

Е. В. ДУНАЙ¹⁾, М. А. ИСАЧЕНКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются имена представителей древнеарабского пантеона. Материалом для работы послужили поэтические тексты доисламского периода и сведения из сочинения «Книга об идолах» Хишама ибн аль-Калби (VIII в.). Приводятся перевод фрагментов доисламских стихов, в которых фигурируют теонимы, и комментарии к этим фрагментам. В рассматриваемых сочинениях упоминаются имена божеств, но отсутствуют детализация и развернутые описания персонажей. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в доисламский период у арабов существовал достаточно обширный, но некодифицированный пантеон. С помощью лингвокультурологического подхода уточняется семантика образов представителей древнеарабского пантеона.

Ключевые слова: семантика теонимов; доисламский пантеон; джахилия; сочинение «Книга об идолах»; лингвокультурологический анализ.

СЕМАНТЫКА ІМЁНАЎ ПРАДСТАЎНІКОЎ СТАРАЖЫТНААРАБСКАГА ПАНТЭОНА

К. В. ДУНАЙ^{1*}, М. А. ІСАЧАНКАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Аналізуюцца імёны прадстаўнікоў старажытнаарабскага пантэона. Матэрыялам для працы паслужылі паэтычныя тэксты даісламскага перыяду, а таксама звесткі з сачынення «Кніга пра ідалаў» Хішама ібн аль-Калбі (VIII ст.). Прыводзяцца пераклад фрагментаў даісламскіх вершаў, у якіх фігуруюць тэонімы, а таксама каментарыі да гэтых фрагментаў. У сачыненнях згадваюцца імёны багоў, але адсутнічаюць дэталізацыя і разгорнутыя апісанні персанажаў. Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць выснову аб тым, што ў даісламскі перыяд у арабаў існаваў даволі шырокі, але некадыфікаваны пантэон. З дапамогай лінгвакультуралагічнага падыхода ўдакладняецца семантика вобразаў прадстаўнікоў старажытнаарабскага пантэона.

Ключавыя словы: семантыка тэонімаў; даісламскі пантэон; джахілія; сачыненне «Кніга аб ідалах»; лінгвакультуралагічны аналіз.

Образец цитирования:

Дунай ЕВ, Исаченкова МА. Семантика имен представителей древнеарабского пантеона. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:55–65. EDN: GPTAED

For citation:

Dunai KV, Isachenkova MA. Semantics of names of the ancient Arabic pantheon representatives. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:55–65. Russian. EDN: GPTAED

Авторы:

Екатерина Витальевна Дунай – преподаватель-стажер кафедры востоковедения факультета международных отношений.

Марина Анатольевна Исаченкова – старший преподаватель кафедры востоковедения факультета международных отношений.

Authors:

Katsiaryna V. Dunai, assistant lecturer at the department of Oriental studies, faculty of international relations.

catherine.dunai@gmail.com

Marina A. Isachenkova, senior lecturer at the department of Oriental studies, faculty of international relations.

oriental_myphology@mail.ru

SEMANTICS OF NAMES OF THE ANCIENT ARABIC PANTHEON REPRESENTATIVES

K. V. DUNAI^a, M. A. ISACHENKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: K. V. Dunai (catherine.dunai@gmail.com)

Abstract. Within the framework of the research, a linguocultural analysis of the names from the pre-Islamic Arabic pantheon has been conducted. The source material for the study includes texts of pre-Islamic poetry, as well as information from the work «The book of idols» by Hisham ibn al-Kalbi (8th century). The translation of fragments of pre-Islamic poems featuring theonyms, along with a commentary on them, is presented. The sources provide only the names of the deities without explanations or detailed descriptions of the characters. Based on the available sources, despite their limitations, it can be concluded that during the pre-Islamic period, Arabs had a relatively extensive but uncoded pantheon. The linguocultural approach helps clarify the semantics of the figures in the ancient Arabic pantheon.

Keywords: semantics of theonyms; pre-Islamic pantheon; Jahiliyyah; work «The book of idols»; linguocultural analysis.

Введение

Территория Аравийского полуострова – место зарождения особой арабской цивилизации. Ее своеобразие обусловлено этническими, географическими, климатическими и общественно-политическими факторами. Древнеарабская культура внесла значительный вклад в формирование европейских и ближневосточных цивилизаций. Благодаря тесному контакту североарабских скотоводов и кочевников с другими народами происходило взаимовлияние мифологических представлений и верований. Особая роль в данном процессе принадлежала поэтам-шаирам, которые в устной форме передавали традиции племен, сказания о божествах, детали религиозных практик. Сабейское царство, располагавшееся на юге полуострова (территория современного Йемена), оставило артефакты, которые до сих пор представляют научный интерес и являются причиной споров о культурном своеобразии Древней Аравии. Например, Р. Г. Хойланд считает, что на территории полуострова существовал не один, а несколько самостоятельных пантеонов божеств, которые могли взаимодействовать. Ученый отмечает значение древних артефактов, найденных в Аравии, подчеркивает, что до наших дней дошли лишь записи, датируемые временем после 400 г. [1, р. 139–140]. Материал для изучения доисламских верований крайне ограничен, именно по этой причине он представляет огромный интерес для исследователей.

Опираясь на дошедшие источники, можно сделать вывод о том, что в доисламский период у арабов существовал достаточно обширный, но некодифицированный пантеон. Цель настоящей статьи – выявить значение имен и уточнить образы представителей древнеарабского пантеона.

Материалы и методы исследования

Древние источники. Источники литературного наследия Древней Аравии сегодня практически полностью утрачены. Первые письменные памятники датируются началом 1-го тысячелетия до н. э. Наиболее развитой была южная часть региона, на которой находилось Сабейское царство. Южноарабские археологические находки свидетельствуют о наличии двух самобытных культур: сабейской культуры и культуры сумайя. В некоторых из расшифрованных записей содержится информация о североарабской богине аль-Уззе, что, как замечает А. Г. Лундин, нетипично для юга Аравии. По мнению исследователя, здесь более распространены надписи о божестве Талаб, имя которого соседствует с именами сабейских божеств (например, Талаб Рийам) [2, с. 5]. Это обстоятельство может указывать на доминирование сабеев над другими племенами.

Как на юге Аравии, так и в районе аш-Шама археологи обнаружили древние рельефы и барельефы с изображениями доисламских божеств, например, рельеф Аллат на льве из Хатры, датируемый II в., который в настоящий момент экспонируется в Национальном музее Ирака. Подобные находки дают представление о внешнем виде и атрибутах мифологических персонажей, основания для поиска аналогов в соседних культурах [3, с. 111].

Сведения о древнейшем периоде приводят в своих трудах античные авторы, в частности Геродот в книге «История» [4].

И все же основными источниками арабской мифологии доисламского периода являются древние сказания и стихи, описывающие быт и обычаи того времени. И. М. Фильштинский считает, что многие

из произведений, которые приписываются древним поэтам, в действительности являются более поздней подделкой или имеют значительные искажения [5, с. 40]. Причиной могло быть долгое существование сказаний в устной форме. Древнеарабские поэты-шаиры были кочевниками. Их соплеменники верили в мистические способности поэтов, их умение общаться с духами. В стихах авторов доисламского периода можно найти элементы гадательных практик, описания природы и стоянок. Идейно-тематический компонент здесь тесно связан с бедуинской племенной жизнью: образы в поэзии того времени, как правило, создавались при помощи сравнений, взятых из окружающей жизни, и дополнялись легендарными сказаниями, пророчествами, заклинаниями или обрисовкой ритуальных практик. Касыды¹, созданные в доисламский период, имели схожую структуру, однако каждое слово в произведении выбиралось не случайно.

Средневековые источники. С установлением и распространением ислама прежние верования были причислены к пережиткам прошлого и старательно искоренялись из жизни мусульманского общества. Одной из форм передачи джахилийских мифологем стали стихи-заклинания. Образы демонологических персонажей, джиннов, использовались как оскорбления в стихах-поношениях, а иногда и проклятиях. Наиболее яркие примеры таких произведений представлены в источниках эпохи Омейядов и Аббасидов. Так, в стихах поэта аль-Фараздака одним из частых образов является Иблис – глава джиннов. В касыде «Осмеяние дьявола» автор обращается к Иблису и признается, что 60 лет был его последователем, но на склоне лет осознал несостоятельность учения и обратился к Богу [5, с. 182].

Важнейшим средневековым источником для реконструкции доисламских верований является сочинение «Книга об идолах» Хишама ибн аль-Калби, в котором содержится описание языческих культов, существовавших на территории Аравийского полуострова, общеарабских и племенных божеств, обрядов и ритуалов, традиций паломничества [6].

Позже, в период Альмохадского халифата, шейх Ахмад аль-Буни (1142–1244) издал гримуар «Книга солнца познания и тонкостей возвышенных вещей», где отдельный раздел занимал «Диван ифритов» [7]. В книге представлены заклинания для проведения экзорцизма и призыва демонов, практики и обряды доисламского периода.

Современные исследования. В истории изучения доисламских верований традиционно выделяются русская и западная школы. Первая представлена трудами И. Ю. Крачковского, А. Г. Лундина, И. М. Фильштинского, В. В. Бартольда, Г. А. Беловой и других ученых. Для русскоязычной ориенталистики характерен комплексный подход к исследованию. Основой западной школы, как правило, выступают классическая филология (работа с рукописями, лексикой, корпусами доисламской поэзии и средневековой литературы) и историческая культурология. Представителями этой школы являются К. Д. Нильсен, Ж. Ф. Бретон, Ф. В. Бестон. Особое внимание привлекают научные изыскания двух исследователей – Р. Г. Хойланда и А. Аль-Джаллада. В настоящее время попытка сделать обзор истории развития основных регионов Аравии на протяжении длительного периода была предпринята Р. Г. Хойландом в монографии «Аравия и арабы от бронзового века до прихода ислама» («Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the coming of Islam»). Ученый использует многочисленные источники из разных областей: эпиграфические надписи, древнюю поэзию, хроники и археологические артефакты. Он охватывает важные темы – от истории и экономики до языка и литературы. Отдельная глава посвящена религиозным верованиям [1].

Новые сведения стали доступными благодаря изысканиям А. Аль-Джаллада. В сферу интересов ученого входит история арабского языка. Он добился значительных успехов в изучении сафаитских надписей сирийского, иорданского и североаравийского регионов [8]. Особое значение имеет сделанная А. Аль-Джалладом расшифровка дофарской письменности, которая была обнаружена на территории современного Омана [9], что может послужить толчком к научным открытиям в сфере языкового и культурного наследия региона.

Результаты и их обсуждение

В качестве главных источников в настоящем исследовании использовались сочинение «Книга об идолах» Хишама ибн аль-Калби, стихи поэтов доисламского периода (аль-Ахталя, аль-Асвад ан-Нахшали, Ауса ибн Хаджара, аль-Хариса ибн Хализа, Зухайра ибн Аби Сульма, Хубал аль-Кальби).

Первыми будут проанализированы образы женских божеств, которые, вероятно, сформировались раньше.

Семантика имени Аллат и образ этой богини. Имя и образ Аллат широко известны в семитском мире. В пантеонах арабов Сирийской пустыни она являлась женой Аллаха и матерью богов, в Центральной Аравии ее считали дочерью Аллаха, на юге Центральной Аравии – дочерью аль-Уззы,

¹Твердая поэтическая форма народов Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии.

в Северной Аравии – лунной богиней. В Пальмире она входила в пантеон богов и соответствовала угарито-финикийской богине Асирату-Илату, считалась супругой Эла² [10, с. 118]. В Таифе³ Аллат выступала как богиня-покровительница⁴, у халдеев являлась царицей подземного царства [11, р. 84]. Геродот в труде «История» проводил параллели между образами Аллат и древнегреческой богини Афродиты или музы Урании: «Из богов арабы почитают одного Диониса и Уранию. На своем языке Диониса зовут Оротальт, а Уранию – Алилат» [4, с. 140]; «Ассирийцы называют Афродиту Милиттой, арабы – Алилат, а персы – Митра» [4, с. 54].

Слово *Аллат* (اللات) является эвфемизмом запретного имени *Илахат* (الاهة ‘богиня’)⁵. Можно утверждать, что у лексемы *Илахат* тот же корень, что у лексем, обозначающих богов других семитских традиций, – протосемитский корень *-il-* ‘бог’. Со временем у аравийских семитов появляется артикль *аль* (ال) как показатель исключительности в слове *Аллах*.

Ранее Аллат (или аль-Лат), вероятно, именовалась *Хан-Илат* (הנאלת) [10, с. 188]. Артикль *хан* является диалектным вариантом арабского определенного артикля *аль* (ال), а слово *Илат* означает ‘богиня’⁶.

В словах *Аллат* (*Аллах*) и *Эл* (*Ил*) А. Аль-Джаллад видит разные корни. Исследователь считает, что имя *Аллах* стоит обособленно, служа для наименования только исламского бога, а имя *Аллат* согласуется с протосемитским корнем, общим для наименования божеств. Общий для всех семитских языков корень *-il-* первой корневой согласной, по мнению исследователя, имеет гортанную смычку, хамзу, а в имени *Аллах* данной согласной в корне нет⁷. Однако это мнение требует дальнейшего исследования.

Лексема *Аллат* могла использоваться не только как обозначение объекта культа, но и как эпитет с ярко выраженной семантикой силы и величия в качестве титула правителя. Придворный поэт династии Омейядов аль-Ахталь, сохраняющий в своих стихах доисламский дух, писал: *ألا إن زيد اللات يوم لقيتها* ‘О поистине Зайд Аллат (великий. – Е. Д.) тот день, когда я встретил ее’⁸. В данном случае имя Аллат десакрализовано, оно не называет архаическую богиню, но несмотря на то, что поэт жил и творил при дворе исламского правителя, оно все еще несет поэтический символ силы, могущества.

Согласно сочинению «Книга об идолах» идол Аллат представлял собой четырехугольный камень. Он находился в каабе, на месте, где в настоящий момент располагается левый минарет мечети Аль-Таиф. В Таифе была священная территория Аллат, на которой находились храм и идол – белый гранитный камень с украшениями [6, с. 19, 43]. Храмы, возведенные в честь этой богини, располагались и в Пальмире.

В стихотворении джахилийского поэта Аль-Асвада ан-Нахшали говорится: *لما تعد أن درست اللات كالبيض* ‘Аллат как белое (яйцо. – Е. Д.) уже не возвратится, если исчезнет’. Корень *-byad-* означает и ‘белый’, и ‘яйцо’, поэтому сложно сказать точно, ассоциируется ли образ богини с белым цветом, что может свидетельствовать о ее чистоте, совершенстве, или сравнивается с яйцом (если его разбить, целостность уже не вернуть, если богиня покинет (лишит покровительства), то уже не вернется).

С имени Аллат часто начинаются клятвы, которые приносили древние арабы: *واللات والعزى و من دان دينها* ‘Клянусь Аллат и аль-Уззой и теми, кто следует их вере’. Во многих сочинениях, в том числе тафсирах¹⁰ и комментариях к Корану, за именем Аллат следует имя богини аль-Уззы. В продолжении клятвы упоминаются *Аллах* и еще одно, не описанное в сочинении «Книга об идолах», вероятно, лунарное божество. Имя *Аллаха* хоть и стоит за именами богинь, однако в клятве подчеркивается: *و بالله إن الله منهن أكبر* ‘И (клянусь. – Е. Д.) Аллахом, ведь *Аллах* величественнее всех’. Стих написан в VI в., когда патриархальный строй древнеарабского общества уже оформился, поэтому мужское божество доминирует.

Анализируя южносирийские надписи с частым упоминанием имени богини, Ф. О. Нофал включает их «в сирийско-месопотамский культурный ареал, в котором культ ал-Лат, богини космоса и плодородия, защитницы арабских язычников», получил широкое распространение [12, с. 54]. Исследователь отмечает его первенство в сафаитской традиции, но при этом указывает, что «ал-Лат сафаитов – покровительница воинов и кочевников, богиня справедливости, призванная хранить людей от превратностей судьбы

²Верховный бог-творец в Угарите и Финикии.

³Город, расположенный на юго-востоке от Мекки.

⁴Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. М. : Глав. ред. восточ. лит., 1991. С. 146.

⁵Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М. : Рус. язык, 1977. С. 41.

⁶Большой иврит-русско-ивритский словарь доктора Б. Подольского [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.co.il/translate.php> (дата обращения: 11.11.2025).

⁷Ahmad Al-Jallad [II]: what pre-Islamic Arabia was like based on the epigraphic evidence // YouTube. URL: https://youtu.be/8fkfY0dubc8?si=wpXUMaQT0uZph9_D (date of access: 27.12.2025).

⁸Здесь и далее фрагменты стихов приводятся по следующему источнику: الديوان = *Диваны Джахилийской эпохи* // Bayan AI : website. URL: <https://www.aldiwan.net> (дата обращения: 11.11.2025).

⁹Здесь и далее перевод наш. – Е. Д.

¹⁰Толкования Корана и исламского богословия.

и мстить за преступления чести и святотатства» [12, с. 55]. Ф. О. Нофал считает, что она занимает верховное место в североарабском пантеоне наряду с Бэ'элшмином и Радвом [12, с. 58].

Таким образом, значение имени богини и степень ее почитания свидетельствует о том, что в древнейший период Аллат могла быть верховной богиней, широко известной в арабском мире.

Семантика имени аль-Узза и образ этой богини. Имя аль-Узза (العزى 'всемогущая') имеет корень *-azz-*, семантика которого связана с силой, могуществом¹¹. С сохранением значения на территории Южной Аравии оно произносилось как *Уззайан* (عزايان). На Синайском полуострове, а также в государствах Набатеев и Лихьян богиня была известна под именем *Хан-Уззай* (где часть *Хан-* является артиклем).

Согласно мусульманским источникам, культ аль-Уззы был известен уже в 1-м тысячелетии до н. э.: в частности он существовал на Синайском полуострове, в Набатее (особенно в Петре [1, с. 142]), Лихьяне. Знали о нем и самуды. Култ богини распространился по Южной Аравии до Катабана¹², где она выступала как женская ипостась Астара¹³. К V–VI вв. аль-Узза заняла положение одного из верховных божеств Аравии. Кроме того, она почиталась в государстве Лахмидов в Ираке.

Греки отождествляли ее с Уранией, римляне – с лунной богиней Селестой и карфагенской богиней Танит. Аль-Узза иногда идентифицируется как Исида [13, р. 24].

В пантеонах арабов Сирийской пустыни аль-Узза являлась дочерью Аллаха и Аллат, сестрой богини Манат, у арабов Центральной Аравии она вместе с Аллат и Манат входила в триаду богинь, почитавшихся как дочери Аллаха, считалась младшей из них. На юге Центральной Аравии аль-Узза выступала супругой Аллаха, матерью Аллат и Манат. Астрологическим символом аль-Уззы была Венера [14, с. 138].

В Мекке аль-Узза была верховной богиней наряду с богом Хубалом в пантеоне племени курайш, из которого происходил пророк Мухаммад. Во время паломничества представители племени приносили богине дары, стараясь снискать ее расположение. По преданию, Мухаммад до выступления с проповедью принес в жертву аль-Уззе рыжеватую овцу [6, с. 20]. Первоначально он признавал аль-Уззу, Аллат и Манат как дочерей Аллаха. В Нахле, оазисе между Таифом и Меккой, находилось одно из святилищ аль-Уззы, известное своим оракулом. По значимости оно было сопоставимо со святилищем кааба в Мекке [6, с. 20; 15, с. 1012]. Святилище в Нахле представляло собой три священные акации, которые впоследствии были срублены последователями нового учения¹⁴ [6, с. 23].

У южных самудов¹⁵ аль-Узза фигурирует вместо богини Руды – покровительницы народа. Это обстоятельство наводит на мысль о тождественности двух богинь [15, с. 875].

Семантика имени Манат и образ этой богини. Идолу Манат поклонялись западноарабские колена гузаиль, хузаа, аус, хазрадж, а также жители Йасриба (Медины) [6, с. 17]. Култ Манат был широко распространен как среди народов Северной и Центральной Аравии, так и среди некоторых других семитских народов. У вавилонян богиня называлась *ma manatu* (ما مناتو 'та, что испытывает') или *manata* (منات), у иудеев – *mavet* (מוות 'смерть')¹⁶, что в арабском варианте звучит как *mowt* (موت)¹⁷. В Набатее и Пальмире ее называли *manawat* (منوات) или *manawatu* (ماناوتو)¹⁸ и отождествляли с греческими богинями Тиха и Немезида [15, с. 626]. Имя богини может происходить от древнеарабского слова *manin* (منون 'судьба, рок, смертный рок')¹⁹.

Манат считалась богиней судьбы и возмездия, а в пантеонах других регионов почиталась как богиня подземного царства. В Набатее она была покровительницей погребений.

Таким образом, Манат одновременно являлась богиней судьбы и смерти (подобно месопотамским богам Намтару и в некоторой степени Нергалу или древнегреческим мойрам).

Идол Манат находился недалеко от Медины, у моря около горы аль-Мушаллала. Поклонение здесь продолжалось до восьмого года хиджры, когда идол вместе с храмом был разрушен по приказанию Мухаммада. Особое почитание арабами богини выражалось в том, что, как упоминается в сочинении «Книга об идолах», в ее честь давались имена Абд Манат и Зайд Манат, к идолу богини приносились дары [6, с. 17], возле него совершались жертвоприношения [16, с. 4280]. В районе Медины в домах ставились маленькие статуэтки Манат, выполнявшие функцию оберегов [14, с. 151].

¹¹Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 512.

¹²Государство в Южной Аравии, существовавшее с 1-го тысячелетия до н. э. до II в. н. э.

¹³Верховное божество йеменской мифологии.

¹⁴Ислам. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. М. : Глав. ред. восточ. лит., 1991. С. 239.

¹⁵Представители одного из коренных, исчезнувших народов Аравии. Согласно Корану, они были уничтожены Аллахом за свои преступления.

¹⁶Большой иврит-руско-ивритский словарь доктора Б. Подольского [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.co.il/translate.php> (дата обращения: 11.11.2025).

¹⁷Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 772.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 769.

Как говорится в одном из комментариев труда «Книга об идолах», во времена джахилии родственные племена аль-аус и аль-хазрадж, переселившиеся из Южной Аравии в Медину, совершали паломничества к идолу Манат, осуществляли жертвоприношения и имели собственные ритуалы для поклонения богине. В книге отмечается: «Ауситы, хазраджиты и те арабы из числа жителей Йасриба и других мест, которые следовали их обычаю, когда совершали паломничество, то останавливались вместе с другими людьми во всех положенных местах, но не брили головы. А когда они уходили (из долины Мина. – *Е. Д.*), шли к Манат и брили возле него (идола. – *Е. Д.*) головы и оставались около него (какое-то время. – *Е. Д.*). Без этого они не считали свое паломничество законченным» [6, с. 18].

Как и имя Аллат, имя Манат могло быть именем правителя. В одной из муаллак²⁰, которая приписывается аль-Харису ибн Хальзе, упоминается Харита бин Зайд Манат – правитель Гассанидов²¹ в Хиджазе в III в. Харита является старейшим известным в истории королем Гассанидов. Имя его отца (Зайд Манат) указывает на то, что у Гассанидов был распространен культ этой богини.

Первая строка стихотворения аль-Хариса ибн Хальзы, вероятно, представляет собой боевой девиз, призыв к действию: *يا آل زيد مناة هل من زاجر* ‘О род Зайда (слуги. – *Е. Д.*) Манат! Есть ли тот, кто остановит?’ В начале строки содержится обращение к роду через слово *аль* (ال), а далее следует имя правителя, в состав которого входит имя богини Манат. Из контекста не вполне ясно, к кому обращается автор стихотворения: только к роду правителя или к богине.

Семантика имени Руда и образ этой богини. Руда – одна из древнейших и самых почитаемых богинь в Северной и Центральной Аравии до ислама, божество земли и плодородия. Хишам ибн аль-Калби указывает, что Руда – это также название капища племени раба ибн кааб ибн саад ибн зайд манат, которое разрушил поэт доисламского периода из племени тамим аль-Мустаугир [6, с. 25].

В трудах российских исследователей Руда описывается как женское божество. По одной из версий, она являлась женской ипостасью общесемитского божества Астар, по другой была схожей по своим функциям с Арцу-белом (Арцу-владыкой) – почитавшимся в Пальмире божеством земли [15, с. 875]. В энциклопедическом издании «Мифы народов мира» указывается, что Руда почиталась множеством семитских народов и жителями всей Северной и Центральной Аравии. В самудском пантеоне она являлась верховным божеством. Вероятно, богиня выполняла те же функции, что и аль-Узза. Руда считалась богиней земли и плодородия. В сафских надписях упоминания о ней сопровождаются изображениями обнаженной богини плодородия. В самудских надписях сообщается о принесении ей в жертву первого урожая. Руду отождествляли и с богиней солнца или Венеры. В некоторых пантеонах она являлась богиней подземного царства, владыкой мертвых, госпожой смерти. Ее имя возводится к общесемитскому корню *-rdw-* (*-rd-*, *-rdy-*) ‘земная’ [15, с. 875].

Первое упоминание о Руде встречается в летописях Асархаддона, где оно записано как *Ru-ul-da-a-a-i* и упомянуто среди имен других богов, почитаемых арабами. Есть мнение, что имя в таком написании надо понимать как ‘благосклонный’ [17, р. 618].

Отличный от обозначенного у Хишама ибн аль-Кальби взгляд на значение имени Руда и функции этого божества высказывает Ахмад Аль-Джаллад. В тексте сочинения «Книга об идолах» Руда упоминается как божество народов Нуха (Ноя). Ахмад Аль-Джаллад, исходя из эпиграфических записей, делает вывод о том, что Руда могла принадлежать к верховным божествам Северной Аравии²².

Аллах в доисламской языковой картине мира. С арабского языка слово *Аллах* (الله) переводится как ‘бог, бог по преимуществу’²³. Протосемитский корень *-ilg-* (*-il-*) и в современном арабском языке означает ‘бог’. Вероятно, это имя восходит к арамейскому *ālāhā* ‘бог’. Лексема *Аллах* состоит из определенного артикля *аль* и слова *иялах*, которое имеет значение ‘тот, кому поклоняются, достойный поклонения’. Артикль указывает на единственность и истинность бога. Подобный термин используется для обозначения единого бога практически во всех семитских языках: древнееврейском (Элохим), угаритском (Илу (Илаху)), финикийском (Айлон (Элон)), сирийском (Алаха), иудео-арамейском (Элаха). Слово *Аллах* могло выступать заменой запретного имени божества или рассматриваться, как мужская форма имени *Аллат*. Необходимо отметить, что арабское слово *Аллах* имеет форму только единственного числа.

Семантика имени Баал и образ этого бога. Имя Баал (بعل) имеет общесемитский корень *-bāl-* ‘хозяин, владыка’. В современном литературном языке арабское слово *baal* (بعل) означает ‘супруг, муж,

²⁰Муаллака – сборник из семи (в другой редакции из десяти) арабских стихов VI–VII вв., составленный в середине VIII в. странствующим исполнителем арабской поэзии Рави Хаммадом.

²¹Арабская царская династия, правившая в Восточной Палестине (Иордании) до 636 г.

²²Ahmad Al-Jallad [II]: what pre-Islamic Arabia was like based on the epigraphic evidence // YouTube. URL: https://youtu.be/8fkfYOdubc8?si=wpXUMaqT0uZph9_D (date of access: 27.12.2025).

²³Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 41.

господин, хозяин'²⁴. На древнееврейском оно записывалось как בַּעַל, что можно перевести на современный иврит как 'муж, владелец'²⁵.

Поэт доисламского периода Зухайра ибн Аби Сальма писал: *فاليوم يَحْمِي وَيُحْمِي رَحْلَهَا / اليوم تَبْلُو كُلُّ أَنْثَى بَعْلَهَا* / 'Сегодня каждая женщина испытывает своего мужа. / Сегодня каждый защищает свой дом, / а души идут своими путями, / ведь смерть наступает тех, кому суждено, / и лучший конец жизни – смерть в бою'. В арабском языке для обозначения понятия *муж* есть несколько лексем, сегодня наиболее распространенной из них является *zawj* (زوج). Корень *-zawj-* обозначает 'женить, создавать пару, пара, муж, супруги, брак'. В найденных нами стихах лексема имеет только предикативное значение 'женить', например, в строке стихотворения доисламской поэтессы Сафии бинт Хуяйи (одной из жен Мухаммада): *مَنْ زَوَّجَ الْفَرْسَ*... 'Кто женил персов...'. В первой строке стихотворения Зухайра ибн Аби Сальма использован более древний вариант обозначения мужа – *bāl* (بعل), отсылающий к силе и покровительству божества.

В аккадской мифологии Баал выступает как бог бури и плодородия. Иногда он именовался Баал-Хадад (Адад). Арабский корень *-hdd-* имеет значение 'ограничивать'²⁶. В европейскую культуру он, вероятно, вошел через греческий язык с именем Ваал.

В 1-м тысячелетии до н. э. некоторые черты верховного бога финикийцев Эла были перенесены на Баал-Хаммона, культ которого существовал в Карфагене. Имя *Хаммон* толкуется по-разному, но наиболее вероятное его значение 'владыка жара' (حمو) 'жара'²⁷, что может быть связано с почитанием Баал-Хамона как солнечного божества. Баал-Хаммон представлялся в виде могучего старца, восседающего на троне, декорированном керубами (херувимами)²⁸. Обычно бог изображался с поднятой в благословляющем жесте правой рукой и с посохом, украшенным хлебным колосом либо сосновой шишкой (символом плодородия и мужской силы) в левой руке [18, с. 25].

Из сказанного можно сделать вывод, что лексема *Баал* употреблялась для обозначения титула, а не имени собственного.

Семантика имени Хубал и образ этого бога. Хубал (هبل) считается одним из главных идолов, божеством предков, богом неба и луны, которому в древности поклонялись жители Мекки²⁹.

Предположение о происхождении имени и образа данного божества связано с наличием общесемитского корня *-bāl-* 'хозяин, владыка', и отсылкой к образу божества Баала. Вероятно, первоначально восточные семиты обращались к главному божеству своего рода или племени не по собственному имени, а просто с помощью слов *хозяин* или *господин* [19]. Имя Хубал, используемое для называния бога, занимавшего в каабе центральное положение, могло иметь значения 'истинный бог' и 'он – господь'. Это имя мы можем рассматривать, как предложение *hua bāl*, что означает 'он – господин'. Местоимение *hua* (هو) 'он' (в значении 'истина, бог, Аллах') до сих пор можно видеть начертанным по-арабски на стенах многих больших и малых старых мусульманских мечетей.

Поэт доисламского периода Хубал аль-Кальби писал: *رَبِّ يَوْمٍ قَدْ يَرَى فِيهِ هَيْلٌ* 'Бывало, наступал день, когда Хубал являлся людям' В данной строке подчеркивается, что, несмотря на божественную природу, Хубал показывался людям и, вероятно, имел антропоморфное воплощение.

Хубал был важнейшим богом во время правления хузайтов в Мекке³⁰. Идол этого бога представлял собой человеческую фигуру, изготовленную из красного сердолика, и имел отломанную правую руку [6, с. 24]. В течение всей истории арабских стран красный сердолик оставался важным символом и материалом с высокой ценностью. Современные мусульмане продолжают традицию ношения перстня из сердолика на мизинце правой руки по примеру пророка Мухаммада. Согласно верованиям древних арабов, красный сердолик считался средством для защиты от споров, смягчения лихорадки и нервного напряжения, предотвращения воздействия злых чар и ударов молнии. На Ближнем Востоке кусочек сердолика клали в рот женщинам во время родов [20, с. 203]. С давних времен сердолик добывали лишь в Индии и на юге Аравии, поэтому можно предположить, что идол Хубала был изготовлен в Южной Аравии.

В Мекку идол попал из Сирии благодаря некому Амру ибн Лухаю. По преданию, он, путешествуя по территории современной Сирии, заметил, что местные жители поклоняются различным идолам,

²⁴Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 79.

²⁵Большой иврит-русско-ивритский словарь доктора Б. Подольского [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.co.il/translate.php> (дата обращения: 11.11.2025).

²⁶Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 158.

²⁷Там же. С. 193.

²⁸В мифологии региона современной Сирии и Палестины фантастические существа с зооморфным туловищем, антропоморфной головой и крыльями, иногда с человеческими руками. Керубов часто называют сфинксами.

²⁹Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М. : Ангар, 2007. С. 357.

³⁰Там же.

которые помогали вызывать дождь. Впечатленный Амр ибн Лухай попросил подарить ему одного из идолов. По возвращении в Мекку он установил его неподалеку от каабы и призвал всех поклоняться ему. С течением времени, когда племя курайш стало доминирующей силой в Мекке, его представители сохранили культ Хубала. Верующие изготовили золотую руку и восстановили поврежденную правую конечность статуи³¹. Позже идол Хубала был перенесен внутрь каабы. Он простоял там вплоть до разрушения идолов мусульманами.

Хишам ибн аль-Калби описывает интересную традицию: «Перед идолом лежали семь стрел. На одной было написано *чистокровный*, а на другой – *чужой*. Если возникали сомнения относительно отцовства ребенка, племя приносило жертву Хубалу, и затем бросали стрелы. Если выпадала стрела с надписью *чистокровный*, ребенка принимали, а если выпадала стрела с надписью *чужой*, отказывались от него. Также была стрела для покойника, для заключения брака и три стрелы, назначения которых мне не объяснили. Когда возникали споры по какому-либо делу или имели в виду путешествие или работу, люди обращались к Хубалу и бросали стрелы рядом с ним. В зависимости от того, какая стрела выпадала, принималось соответствующее решение»³² [6, с. 24].

Семантика имени Манаф и образ этого бога. Имя Манаф (مناف) интерпретируется как ‘высокий’ и может быть связано с глаголом *nafa* (ناف) ‘быть высоким, возвышенным’³³. Манаф являлся одним из важнейших божеств Мекки и почитался во всей Центральной и Северной Аравии. Информация о его идоле и функциях утеряна. Он характеризовался как астральное божество и отождествлялся с Зевсом [15, с. 626].

В сочинении «Книга об идолах» говорится: «Я оставил в Замане ибн аль-Хурайза и его спутников – вокруг него кружат стервятники. Отклонялись груди коней только от плачущих слабых сирот. Сколько сраженных врагов оставил я птицам, которые сидят в отдалении, подобно женщинам, имеющим регулы, стоящим в стороне (аль-му таниз) от Манафа» [6, с. 26].

Семантика имени Талаб и образ этого бога. Из текста сочинения «Книга идолов» известно, что Талаб являлся лунным божеством и духом-покровителем предков. Тотемным животным бога был горный баран.

Его прозвище *Рийам* (ريام), вероятно, связано с корнем *-ruat-* ‘оставлять, покидать’³⁴. По прозвищу было названо капище в Сане, из которого, по преданию, доносились слова. Возле капища приносили жертвы, пытаясь получить снисхождение Талаба [6, с. 17]. Это обстоятельство может указывать на его роль защитника и спасителя племени.

До нас дошли малочисленные источники, описывающие данное божество: его капище было разрушено, а племя химьяритов перешло в иудейскую веру, что повлияло на события, описанные Хишамом ибн аль-Калби: «Когда тубба³⁵ вернулся из похода на Ирак, с ним вместе прибыли и два иудейских священнослужителя, которые пришли с ним из Медины. Они велели ему разрушить Рийам, и он сказал: “Делайте с ним, что хотите”. И они разрушили его, а тубба и йеменцы обратились в иудейскую веру» [6, с. 17]. Хишам ибн аль-Калби подчеркивает, что эта ситуация и была причиной, по которой он не слышал упоминаний о Рийаме ни в стихах, ни в именах. А арабы сохранили только те стихи, которые произносились незадолго до принятия ислама.

Семантика имени Вадд и образ этого бога. Корень имени Вадд, *-wd-* (ود), связан со значением ‘любить’³⁶. В южноаравийской записи Вадд имел аналогичное название – *wd* [21]. У арабов Центральной Аравии этот бог символизировал луну, любовь и являлся одним из пяти идолов, найденных Амром ибн Лухайи, упомянутым в сочинении «Книга об идолах».

Одним из наименований божества являлось имя *Kahl* (كهل), имеющее корень *-kgl-* ‘мужество, зрелость’³⁷. Схожий корень есть в названии одного из важнейших племен Сабейского царства – *кахла* (كهلان). Предположительно, истоки возникновения образа Вадда связаны с культом одного из местных божеств. Вадд был почитаем в древних государствах Йемена. Формулу «Вадд-отец» использовали как средство защиты от бедствий и несчастий. В государстве Маин (Минейское царство) Вадд считался божеством-предком, покровителем и правителем страны. В официальном пантеоне он занимал второе место после Астара. Главный оросительный канал Маина был назван рекой Вадда. В древнем южноаравийском царстве Аусан (юг современного Йемена) Вадд считался отцом божественного царя Йасдукила Фариума. В Катабане существовал храм, посвященный Вадду и Асирату. В местной мифологии змея считалась священным животным Вадда. Этот бог упоминается и в центральноаравийской мифологии,

³¹ Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ангар, 2007. С. 357.

³² Цитата приводится с сохранением особенностей оригинала. – Е. Д.

³³ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 839.

³⁴ Там же. С. 324.

³⁵ Согласно Корану народ, не принявший посланного к ним пророка и погубленный за это. Предположительно, то же, что и народ Нуха.

³⁶ Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 879.

³⁷ Там же. С. 703.

где его образ был заимствован из Маина. В оазисе Думат находилось святилище, где были изображены боги, и стояла гигантская статуя Вадда. Он был изображен как человек, держащий меч, копье, лук и колчан со стрелами [15, с. 172].

Йеменское племя калб, кочевавшее между Сирией и Ираком, ко времени возникновения ислама стало поклоняться идолу Вадда в Думат аль-Джандал³⁸. Альбиты поклонялись ему как верховному божеству.

В тексте сочинения «Книга об идолах» говорится о способностях Вадда. Вероятнее всего, он мог продлевать жизнь и влиять на судьбы людей. Поэт ан-Набиги аз-Зубьяни сказал: «Да продлит тебе жизнь Вадд! Не дозволено нам тешиться с женщинами, ведь стала вера делом серьезным» [6, с. 16].

Семантика имени Сува и образ этого бога. Сува также является одним из древнеарабских идолов. Единожды он упоминается в Коране вместе с Ваддом, Йагусом, Йауком и Насром.

Имя Сува на арабском записывается как *suwā* (سوا). Сейчас сложно понять значение и этимологию данного имени. Можно предположить, что оно имеет корень *-swā-* и означает 'час, время' или 'вмещать, охватывать'³⁹.

Божество Сува, считавшееся покровителем стад, было известно и на севере, и на юге Аравии, но главное его святилище находилось на северо-западе региона, в месте, называемом Рухат. Ему поклонялись хиджазское племя хузайль и некоторые племена, жившие на юге полуострова [22, с. 174], о чем и говорит Хишам ибн аль-Калби: «Саад ибн Хузайль ибн Мудрика ибн аль-Йаас ибн Мудар из племени хузайль (идола. – Е. Д.) Сува. Он находился в месте, называемом Рухат, в долине Нахла, и поклонялись ему те мудариты, что жили поблизости. Один араб сказал: "Ты видишь их столпившимися вокруг своего вождя, как толпятся хузайлиты вокруг Сува". А рядом с ним лежат повергнутые перед ним жертвы, взлелеянные пастухами» [6, с. 37]. Эти племена выбрали идолом бога Сува, охранявшего заблудившиеся стада. Служителями его были представители бану лихьян⁴⁰ [6, с. 16].

Семантика имени Йагус и образ этого бога. Имя Йагус исследователи связывают со значением 'дающий, посылающий дождь'⁴¹. Однако в арабском языке есть соответствующий глагол *gatha* или близкий по смыслу глагол *yaguthu* (يغوث / غاث 'помогать, выручать, спасать'). Глагол *gatha* (غاث 'посылать дождь') имеет иную срединную огласовку в форме настоящего-будущего времени (огласовку кясра) – *yaghith* (يغيث)⁴². Комментатор Корана Абдурахман ибн Насир Ас-Саади считает, что после изваяния идолов люди стали молиться им о дожде: «Когда же миновали года и пришло новое поколение, сатана внушил им, что их отцы поклонялись этим праведникам, пытались благодаря им приблизиться к Аллаху, и через них обращались к Нему с мольбами о дожде. Тогда люди стали поклоняться им, а вожди стали завещать своим подчиненным не прекращать поклоняться этим идолам»⁴³. В суре «Нух» говорится: «Просите прощения у Господа вашего, Он прощающ, он пошлет на вас небо дождем, и поддержит вас имуществом и детьми, и устроит для вас сады, и устроит для вас реки»⁴⁴. Таким образом, функции идолов были перенесены на Аллаха. Стоит заметить, что выражение «дающий, посылающий дождь» является эпитетом Аллаха⁴⁵.

Йагус был богом-предком и покровителем страны племен мурад и мазхидж. Возможно, его роль связывалась с божеством солнца. Ему посвящался идол, изображающий льва. Йагус покровительствовал жителям государства Набатей и самудам, его имя встречалось в теофорных именах. В мусульманской традиции рассказывается о конфликте между племенами мурад и мазхидж за владение Йагусом, и его имя упоминается в Коране в контексте «богов, которым поклонялись сородичи Нуха»⁴⁶. Комментаторы Корана также считали, что имя Йагус носил обожествленный герой древности⁴⁷. В суре «Нух» подтверждается факт существования исторических личностей, которые стали почитаемыми божествами. Например, Абу Адель так комментирует 23-й аят этой суры: «Еще раньше жили очень праведные люди, которых звали Вадд, Сува, Йагус, Йаук и Наср, и после их смерти сатана внушил людям, чтобы они изготовили изваяния и изображения этих праведных людей с тем, чтобы при виде этих изваяний люди бы вспоминали о повиновении Аллаху. Затем через несколько поколений сатана внушил людям, что это идола, которым раньше поклонялись их предки и через которых обращались к Аллаху»⁴⁸.

³⁸Оазис в Северной Аравии на пути из Медины в Дамаск, который был заселен задолго до принятия ислама. В настоящее время носит название Эль-Джауф.

³⁹Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 703.

⁴⁰Ветвь племени хузайль, обитавшего к северо-востоку от Мекки. За несколько веков до укрепления ислама это племя создало свое государственное образование с центром у современной деревни Эль-Ула.

⁴¹Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 573.

⁴²Там же.

⁴³Нух (Ной), 23-й аят из 28 // Коран онлайн. URL: <https://quran-online.ru/71:23> (дата обращения: 19.03.2026).

⁴⁴Коран / пер. И. Ю. Крачковский. М. : Наука, 1986. С. 727.

⁴⁵Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 839.

⁴⁶Коран / пер. И. Ю. Крачковский. М. : Наука, 1986. С. 727.

⁴⁷Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 488.

⁴⁸Коран. Перевод смысла аятов и их краткое толкование / пер. Абу Адель. Набережные Челны : Шар XX, 2011. 1104 с.

Племя мазхидж и жители северо-западного йеменского города Джураша приняли Йагуса в качестве идола. В сочинении «Книга об идолах» цитируются строки поэта доисламского периода ан-Набиги аз-Зубьяни: «Вел нас Йагус на племя мурад⁴⁹, и мы сразились с ними прежде, чем наступило утро» [6, с. 16].

Семантика имени Йаук и образ этого бога. Йаук был богом южноаравийского племени хайван, ветви племени хамдан. Его идол находился в селении Хайван, существующем и ныне в Йемене к северу от Саны [6, с. 16].

Основными функциями божества являлись защита от врагов, предотвращение опасности. В честь него не давали имен, что говорит о том, что он мог быть опасен. Йаук, по мнению многих исследователей, означает ‘задерживающий, препятствующий’. Имя Йаук состоит из корня *-āwk-* (عوق), который действительно имеет значение ‘мешать, препятствовать, задерживать’, однако по форме данное имя не соответствует действительному причастию. Вероятнее всего, оно образовано от формы третьего лица единственного числа настоящего-будущего времени глагола *yāʾiku* (يعوق), что означает ‘он препятствует (задерживает)’. Стоит отметить, что слова с данным корнем имеют в основном негативную коннотацию, как, например, слово *mutaāwwikat* (متعوقة) ‘женщина, у которой умерли все дети’ и *āwaka* (عوق) ‘препятствия, проблема, затруднение’⁵⁰.

Семантика имени Наср и образ этого бога. С арабского Наср переводится как ‘орел’, а глагол, имеющий тот же корень *-nsr-*, имеет значение ‘рвать, разрывать клювом’⁵¹.

В йеменской мифологии Наср – лунное божество. Этого бога чтили в государствах Саба и Катабан. Он считался предком, покровителем и владыкой оазиса Джуба (к югу от столицы Сабы – Мариба). В официальные пантеоны этот бог не входил. Изображения орла, часто встречающиеся в древней йеменской иконографии, возможно, связаны с Насром как с лунным божеством. Позднее Наср был отождествлен с другими богами луны – Алмакахом в Сабе и Аммом в Катабане. Теофорные имена, широко распространенные в Центральной и Северной Аравии, подтверждают значение образа данного бога в древнеарабской мифологии⁵².

Племя химьяритов поклонялось Насру как верховному идолу. Его культовым местом была Балха⁵³. В сочинении «Книга об идолах» Хишам аль-Калби пишет, что не слышал, чтобы химьяриты называли кого-нибудь именем этого бога, и не слышал упоминаний о нем ни в их стихах, ни в стихах других арабских племен. Он полагал, что это обстоятельство обусловлено переходом химьяритов от поклонения идолам к иудейству во времена Туббы⁵⁴ [6, с. 17].

Заключение

Проведенный анализ 14 имен божеств помогает уточнить семантику образов представителей древнеарабского пантеона. Имена одних божеств имеют общесемитский корень (Аллах, Баал, Хубал), имена других соотносятся с отдельными семитскими языками, например, имя Манат связано с ивритом. Ряд божеств имели статус верховных (Аллах, Аллат, аль-Узза, Баал, Хубал). Отсутствие унифицированного пантеона у арабских народов можно объяснить племенной организацией их общества и кочевым образом жизни арабов. Со временем в процессе взаимодействия разных традиций персонажи со схожими функциями могли менять свою роль в божественной иерархии, что доказывают разные «родственные» отношения между Аллат, Манат и аль-Уззой. Наименования отдельных божеств четко указывают значение их носителей (Йагус ‘дающий, посылающий дождь’).

Анализ образов богов может служить основой, необходимой для дальнейших исследований арабских верований. Интересной является коннотация употребления тех или иных имен и эпитетов, использованных в древнеарабских стихах.

Библиографические ссылки

1. Hoyland RG. *Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the coming of Islam*. London: Routledge; 2001. 344 p.
2. Лундин АГ. *Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 1998. 320 с.
3. Чумакова АП. *Искусство Восточного Средиземноморья I–IV веков*. Москва: Искусство; 1985. 255 с.
4. Геродот. *История*. Ленинград: Наука; 1972. 601 с.

⁴⁹Ветвь племени мазхидж, обитавшая к востоку от Наджрана и Мариба.

⁵⁰Баранов Х. К. Арабско-русский словарь... С. 550.

⁵¹Там же. С. 799.

⁵²Там же. С. 713.

⁵³Местность в области Саба в Южной Аравии.

⁵⁴Этим словом в мусульманском предании называли химьяритских правителей. Здесь имеется в виду Абукариб Асад (конец IV – первая половина V в.), отождествляемый в кахтанидском предании с царем Тубба, упоминаемым в Коране.

5. Фильштинский ИМ. *История арабской литературы V – начала X века*. Москва: Наука; 1985. 531 с.
6. Ибн аль-Калби Х. *Книга об идолах*. Москва: Наука; 1984. 64 с.
7. أحمد بن علي البوني \ شمس المعارف الكبرى = Шейх Ахмед аль-Бунни. *Китаб аль-Маариф*. 2008. 1188 с.
8. Al-Jallad A. *The religion and rituals of the nomads of pre-Islamic Arabia: a reconstruction based on the Safaitic inscriptions*. Leiden: Brill; 2022. 150 p.
9. Al-Jallad A. The decipherment of the Dhofari script – three ḥalḥam abecedaries and the first glimpses into the corpus. *JEOL*. 2025;49:119–147.
10. Шифман ИШ. *Культура древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н. э.)*. Москва: Наука; 1987. 235 с.
11. Perrot G, Chipiez C. *A history of art in Chaldaea & Assyria. Volume 1*. London: Chapman and hall; 1884. 398 p.
12. Нофал ФО. Теонимы сафайтских надписей: предварительные замечания. *Письменные памятники Востока*. 2021;18(1): 53–61.
13. Langdon SH. Semitic mythology. In: MacCulloch JA, Moore GF, editors. *The mythology of all races. Volume 5*. Boston: Archaeological Institute of America; 1931. 454 p.
14. Остроумов НП. *Исламоведение. Аравия, колыбель ислама*. Москва: Юрайт; 2021. 218 с.
15. Токарев СА, редактор. *Мифы народов мира*. Москва: Советская энциклопедия; 2008. 1147 с.
16. ابن منظور \ لسان العرب = Ибн Манзур МБМ. *Лисан аль-араб. Том 7*. Каир: Дар ал-маариф; 1979. 4978 с.
17. Lipiski E. *The Aramaeans: their ancient history, culture, region*. Leuven: Peeters Publishers & Department of Oriental Studies Bondgenotenlaan; 2000. 688 p.
18. Герасимов НК, составитель. *Финикийская мифология*. Санкт-Петербург: Летний сад; 1999. 331 с.
19. Дьяконов ИМ. Народы древней Передней Азии. В: Вильчевский ОЛ, Первшиц АИ, редакторы. *Труды института этнографии имени Н. И. Миклухо-Маклая. Новая серия*. Москва: Издательство Академии Наук СССР; 1958. с. 47–55.
20. Старцев Р. *Тайны драгоценных камней*. Москва: Рипол классик; 2002. 381 с.
21. Lange D. *Ancient kingdoms of West Africa: African-centred and Canaanite-Israelite perspective*. Dettelbach: Verlag J.H. Röhl; 2004. 586 p.
22. Лундин АГ. *Южная Аравия в VI в.* Москва: Наука; 1961. 192 с.

Статья поступила в редколлегию 20.01.2026.
Received by editorial board 20.01.2026.

УДК 811.161.3'04'42

СТАРОБЕЛОРУССКИЕ ОКРУЖНЫЕ ПОСЛАНИЯ XVI–XVII вв.: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

О. В. ЗУЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются формуляр и языковые особенности десяти старобелорусских окружных посланий пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Uniata* XVI–XVII вв. Определяются обязательные и необязательные элементы формуляра, с учетом диахронических изменений описываются способы их вербализации, показываются явления взаимодействия дискурсов в рамках текста. Устанавливаются черты, которые были унаследованы от древнерусских посланий, сохранявшиеся неизменными на протяжении выбранного периода, и новые характеристики, отражающие языковые контакты. Выявляется, что большинство посланий написаны на полонизированном в разной степени старобелорусском языке с инфильтрацией церковнославянских элементов. Три текста представителей *Slavia Orthodoxa* конца XVI в. написаны на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке со значительным преобладанием разноуровневых церковнославянских средств. Таким образом, эпистолярный рассматривается как сфера сохранения коммуникаций на церковнославянском языке в ВКЛ.

Ключевые слова: окружное послание; старобелорусский язык; церковнославянский язык; среднепольский язык; формуляр; текстовая формула; языковая основа текста.

СТАРАБЕЛАРУСКІЯ АКРУЖНЫЯ ПАСЛАННІ XVI–XVII стст.: ЭВАЛЮЦЫЯ ЦАРКОЎНА-РЭЛІГІЙНЫХ ЭПІСТАЛЯРНЫХ КАМУНІКАЦЫЙ

В. У. ЗУЕВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даследуюцца фармуляр і моўныя асаблівасці дзесяці старабеларускіх акружных пасланняў прастор *Slavia Orthodoxa* і *Slavia Uniata* XVI–XVII стст. Вызначаюцца абавязковыя і неабавязковыя элементы фармуляра. З улікам дыяхранічных змен апісваюцца спосабы іх вербалізацыі, паказваюцца з’явы ўзаемадзеяння дыскурсаў у рамках тэксту. Выяўляюцца рысы, якія былі атрыманы ў спадчыну ад старажытнарускіх пасланняў і заставаліся нязменнымі на працягу выбранага перыяду, і новыя характарыстыкі, якія адлюстроўваюць моўныя кантакты. Вызначаецца, што большасць пасланняў напісаны на паланізаванай у рознай ступені старабеларускай мове з інфільтрацыяй царкоўнаславянскіх элементаў. Тры тэксты прадстаўнікоў *Slavia Orthodoxa* канца XVI ст. напісаны на гібрыднай царкоўнаславянска-старабеларускай мове са значнай перавагай рознаўзроўневых царкоўнаславянскіх сродкаў. Такім чынам, эпісталярны разглядаецца як сфера захавання камунікацый на царкоўнаславянскай мове ў ВКЛ.

Ключавыя словы: акружнае пасланне; старабеларуская мова; царкоўнаславянская мова; сярэдняпольская мова; фармуляр; тэкставая формула; моўная аснова тэксту.

Образец цитирования:

Зуева ОВ. Старобелорусские окружные послания XVI–XVII вв.: эволюция церковно-религиозных эпистолярных коммуникаций. Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2026;1:66–77.
EDN: BDWUVZ

For citation:

Zuyeva OV. Old Belarusian encyclicals of the 16th–17th centuries: evolution of church religious epistolary communications. Journal of the Belarusian State University. Philology. 2026;1:66–77. Russian.
EDN: BDWUVZ

Автор:

Ольга Владимировна Зуева – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Olga V. Zuyeva, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
zuyeva.volha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9686-6268>

OLD BELARUSIAN ENCYCLICALS OF THE 16th–17th CENTURIES: EVOLUTION OF CHURCH RELIGIOUS EPISTOLARY COMMUNICATIONS

O. V. ZUYEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article examines the formula and linguistic features of ten Old Belarusian encyclicals from the spaces of *Slavia Orthodoxa* and *Slavia Uniata* of the 16th–17th centuries. Obligatory and optional elements of the formula are identified, means of their verbalisation are described, taking into account diachronic changes, phenomena of discourse interaction within the text are demonstrated. Features inherited from Old Russian letters and unchanged throughout the selected period, as well as new features reflecting language contacts, are identified. It is revealed that the majority of letters were written in Old Belarusian with varying degrees of polonisation and with the infiltration of Church Slavonic elements. Three texts by representatives of *Slavia Orthodoxa* from the late 16th century were written in a hybrid Church Slavonic – Old Belarusian language with a significant predominance of Church Slavonic means at different levels. Thus, epistolary writing serves as a sphere for preserving communications in Church Slavonic in the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: encyclicals; Old Belarusian language; Church Slavonic language; Middle Polish language; forma; text formula; linguistic basis of the text.

Введение

Послания лиц духовного звания по значимым вопросам церковной деятельности и соблюдения канонов вероучения, а также по текущим служебным делам, обращенные к широкому коллективному адресату, представляют собой одну из разновидностей официальной корреспонденции в сфере церковно-религиозных коммуникаций восточнославянской части пространства *Slavia Orthodoxa* (в Великом княжестве Литовском после 1596 г. пространства *Slavia Uniata*) периодов Средневековья и раннего Нового времени. Адресатом этих посланий выступают или только представители духовенства, или духовенство и миряне. Адресат не ограничен определенной территорией: *всімъ православнымъ христіянамъ нашего закону Греческаго*¹; *всімъ православнымъ христіаномъ, послушнымъ Божей Восточной каволической церкви, отъ вышшого стану и до нижшого*² (цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – О. З.). В письменных источниках такие тексты обозначаются как *окружные послания* или *окружные грамоты* (далее используется первый термин).

Объектом данного исследования является организация формуляра и языковая основа старобелорусских окружных посланий XVI–XVII вв. Цель исследования состоит в установлении диахронических изменений в способах вербализации элементов формуляра старобелорусских окружных посланий XVI–XVII вв. и особенностях представленного в них языка. Формуляр рассматривается как составляющая коммуникативной организации эпистолярного текста, обусловленная характером соотношения коммуникативных (ситуативных) и социальных (постоянных) ролей адресанта и адресата и интенциональным параметром. Языковая основа, т. е. преобладание в тексте ресурсов того или иного языка, отражает выбор автором соответствующего письменного регистра. Исследование позволяет проследить на выбранном материале, в каком направлении развивалась традиция официальных эпистолярных коммуникаций в церковно-религиозной сфере на землях ВКЛ. Кроме того, официальная корреспонденция духовных лиц – информативный источник для изучения вопроса о месте и роли церковнославянского и польского языков в истории белорусской письменной культуры, а также вопроса о регистровой стратификации старобелорусской письменности.

Анализ материала проводился с опорой на труды, посвященные описанию формуляра и коммуникативной структуры эпистолярных и актовых источников, взаимодействию в них светского и церковно-религиозного дискурсов [1–9], изучению взаимодействия языков в памятниках старобелорусской письменности [10–17], исследованию проблемы типологии письменно-литературных языков и квалификации языковой ситуации на землях ВКЛ [18–21; 22, с. 259–269; 23; 24; 25, с. 386–408].

При проведении исследования применялись формулярный анализ (анализ содержательной структуры текста), контекстуальный анализ, стилистический анализ, а также сравнительно-сопоставительный и количественный методы.

¹Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 18.

²Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

Обращение к официальной корреспонденции актуализирует вопрос о степени дифференцированности двух типов письменных источников, эпистолярных и актовых, имеющих обширную «зону пересечения». Изучая западноевропейские средневековые источники, М. Камарго пишет: «Средневековые писатели классифицировали гораздо более широкий круг сочинений как эпистолярные, чем обычно принято сегодня. И хотя *dictatores* (учителя искусства составления писем. – О. З.) часто отличали различные типы документов от “посланий”... было ясно, что по форме и функциям эти публичные инструменты были больше похожи, чем непохожи на послания. <...> Учитывая квазипубличный характер всех средневековых писем, различие между личной и официальной корреспонденцией, особенно когда она велась профессиональными функционерами, обученными *ars dictaminis* (искусству составления писем. – О. З.), было в любом случае крайне расплывчатым» [26, р. 18]. Это высказывание касается и письменных коммуникаций в восточнославянских государствах анализируемого периода. Образцы посланий от церковных иерархов и к церковным иерархам включались в письмовники, и напротив, в русском официальном митрополичьем формулярнике начала 1720-х гг. представлены учительные и даже частные светские послания (РФА, с. 71–76). Корреспонденция носителя власти приобретала статус облигаторной. Даже если в тексте не было санкции, в нем не пропадали композиционные и стилистические черты письма. На этих основаниях мы рассматриваем официальные послания как разновидность эпистолярных коммуникаций.

Источниками материала в исследовании стали публикации оригиналов и современных оригиналам копий окружных посланий. Они не являются лингвистическими изданиями, но в них передаются грамматические и лексические особенности текстов. В работе проанализированы 10 посланий 1547–1634 гг. Семь посланий православных и униатских митрополитов и одно послание патриаршего экзарха определены публикаторами как окружное послание или окружная грамота. Послание митрополита Михаила Рагозы³ не обозначено как окружное, однако мы относим его к таковым в силу организации его формуляра, адресации, содержания, авторской интенции. К упомянутым текстам примыкает окружное послание светского лица – магната Константина Острожского, в условиях подготовки к унии выполнявшего миссию публичного охранителя православия и создавшего эпистолярное сочинение, адресованное *такъ духовнымъ, яко и свѣцкимъ правовѣрнымъ хрестіаномъ*⁴. Письма фиксируют разные интенции: призыв помочь православному братству пожертвованиями, информирование о церковных съездах и об определении митрополичьего наместника, самооправдание и убеждение, повествование о преставлении знаменитого церковного деятеля, призыв к единомышленникам объединиться в религиозном противостоянии. В окружных посланиях дидактический элемент сочетается с деловым, отдельные тексты тяготеют к одному из полюсов.

Описываемые тексты сопоставлялись со старорусскими окружными посланиями XV в. (РИБ-6, № 39, стб. 315–356; РИБ-6, № 59, стб. 497–500; РФА, № 51, с. 193–196; РФА, № 98, с. 312–313; РФА, № 106, с. 335–337; РФА, № 114, с. 371–380) и XVI–XVII вв. (ААЭ, т. 1, № 213, с. 203–204; ААЭ, т. 2, № 1, с. 1–6; АИ, т. 1, № 300, с. 545–546; Даниил, № 9, с. 453–463; ААЭ, т. 3, № 169, с. 247–248; АИ, т. 4, № 62, с. 172–177; ААЭ, т. 2, с. 333–334). В середине XV в. произошло разделение Киевской митрополии на две части. С этого времени можно говорить о двух «пространствах» церковных коммуникаций, существующих в двух государствах. Послания православных митрополитов, написанные до разделения единой митрополии, выступают частью письменных коммуникаций ВКЛ (АИ, т. 1, № 19, с. 27; АИ, т. 1, № 63, с. 112; АИ, т. 1, № 64, с. 114)⁵, но они не являются старобелорусскими письменными памятниками, поскольку были созданы на землях другого государства.

Как сказано выше, определение *окружное* дается анализируемым посланиям публикаторами текстов. Древнерусскому языку известны прилагательные *окроуѣнии* ‘относящийся к области, епархии’, *окроуѣнии* ‘то же, что *окроуѣнии*’ (СлДрЯ XI–XIV, т. 6, с. 114–115) и устойчивое выражение церковнославянского происхождения *окроуѣнее послание* (*ѣтго архієпископа... и ѣтго събора иже съ нимъ. окрѣѣніє посланіє. къ всѣмъ прѣподобнымъ митрополитомъ. (ѣукѣ/κλιος) КЕ XII, 13а* (СлДрЯ XI–XIV, т. 6, с. 114)) ‘послание, рассылаемое по всем значительным церквям о деятельности и постановлениях соборов’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 348). В ГСБМ названные прилагательные и выражение не фиксируются: слово *окружный* имеет разное значение в старобелорусском (ГСБМ, вып. 22, с. 168) и старорусском (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 349–350) языках. В ВКЛ сами отправители окружных посланий называли свои тексты *листь*⁶. При описании в этих посланиях процесса эпистолярных коммуникаций по отношению к другим текстам упоминаются жанры *писанье* и *отпись*.

³Послания Михаила Рагозы, выходца из белорусской шляхты, рассматриваются нами как памятники старобелорусской письменности, даже если отдельный текст создан не на белорусских землях во время служебных поездок митрополита. Послания митрополита, работа его канцелярии и писарей рассматриваются в работах [27; 28].

⁴Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

⁵О документах и корреспонденции митрополита Ионы см. работу [13, с. 98–128]

⁶Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 123 ; Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 263.

Древнерусская традиция обращений к коллективному адресату, связанная с практикой церковного управления, восходит к византийской. Далее эта традиция развивается в двух государствах. Константинопольские патриархи присылали официальные послания на земли ВКЛ, и эти послания были «вершиной» в пирамиде дальнейших официальных коммуникаций (АЗР, т. 3, № 157, с. 301–302; АЗР, т. 4, № 22, с. 29–30; Monumenta, № 71, с. 94–97 и др.). Конечно, не все официальные послания, в том числе окружные, митрополитов и иных духовных авторитетов инициировались свыше.

В изданиях старобелорусских и старорусских посланий не всегда присутствует единообразие в определении жанра. Сравним, как называют разные публикаторы один и тот же текст и как этот текст обозначен в рукописи, по которой он издается.

Послание митрополита Ионы литовским епископам (1458–1459) определяется как *окружное послание* (РИБ-6, № 81, стб. 619; АИ, т. 1, № 63, с. 112), *послание* (РФА, № 51, с. 193). Послание архиепископа Феодосия духовенству (1458) определяется как *окружная грамота* (РИБ-6, № 125, стб. 873; АИ, т. 1, № 64, с. 114), *окружное послание* (РФА, № 106, с. 335); *поучение, грамота* (РФА, № 106, с. 337). Послание митрополита Михаила Рагозы (1592) определяется как *окружное послание* (АЗР, т. 4, № 32, с. 42); *litera* ‘письмо’ (в тексте используется форма винительного падежа *literam*); *лист на милостыню*⁷.

Известны послания духовных лиц к коллективному адресату поздней древнерусской эпохи (АИ, т. 1, № 1, с. 1–2; АИ, т. 1, № 3, с. 3–4; АИ, т. 1, № 4, с. 5–7 и др.), не обозначенные при публикации как окружные, так как адресат «территориально ограничен». Композиционно и стилистически они в целом не отличаются от тех посланий, которые именуются в публикациях памятников как окружные.

Результаты и их обсуждение

Структура и вербализация формуляра. Формуляр проанализированных окружных посланий включает презентацию коммуникантов и приветствие, семантему с маркированием перехода к ней, прощание, указание места и даты составления текста (обычная структура официального послания духовного лица, ср.: [29, с. 232]). В семи посланиях сохранен экстратекст – подпись адресанта, в трех посланиях митрополита Михаила Рагозы указан писарь.

Приветствие вербализуется несколькими типами формул:

- благословение (кого кому) – молитва: *Благословеніе... молитва наша къ милостивому Богу за всѣхъ вашей милости, дѣтей нашихъ, здравіе всегда*⁸. Приветствие-благословение с таким расположением компонентов является «классическим» для различных видов посланий церковных иерархов;
- указание адресанта и адресата (кто кому) – молитвенное благопожелание: *...ласка вамъ и покой и милость отъ Бога всемогущего и пана нашего Исусъ-Христа*⁹. Такой тип приветствия является основным в окружных посланиях митрополита Михаила Рагозы;
- указание адресата (кому) – молитвенное благопожелание: *...благодать Господа нашего Исуса Христа, и любы Бога Отца, и причастіе Святого Духа буди со всеми вами, аминь*¹⁰. Нестандартное употребление слова *аминь* в зачине задает тон дальнейшему агитационному тексту;
- указание адресанта и адресата (кто кому) – фраза «О Господѣ радоватися»: *...здравствующе о Господѣ радоватися*¹¹;
- указание адресанта (кто): *Михаил милостію божією архієпископъ митрополит киевский и галицкий и всея Росія*¹². Это единственное послание в корпусе без указания адресата. Перед текстом стоит графический знак инвокации – аналог крестного знамения. Такой зачин характерен для распорядительной или информирующей грамоты-документа, но в семантеме этого текста не распоряжение, а просьба: *И просимо всѣхъ вас...*¹³;
- обращение к адресату: *Честные отцеве и братия въ Христе возлюбленная!*¹⁴. Оно встречается в единственном послании, самом позднем в корпусе.

⁷Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 329.

⁸Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 18–19.

⁹Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

¹⁰Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козмения литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 313.

¹¹Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 99–100.

¹²Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

¹³Там же.

¹⁴Окружное послание униатского митрополита Велямина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 62.

Способы обозначения адресанта и адресата требуют специального анализа в рамках исторической дискурсологии и исторической стилистики, поэтому в данном исследовании не рассматриваются.

Если в послании приводится указание адресанта, то оно всегда находится в препозиции относительно указания адресата. В семи текстах, включая послание Константина Острожского, приветствие имеет форму именительного падежа, подчеркивающую высокий ранг адресанта¹⁵. Все типы приветствий, сам набор молитвенных благопожеланий-формул и сопровождающих их постоянных компонентов-распространителей унаследованы из древнерусской эпохи. Благословение и молитва оформляются либо эллиптическими предложениями, либо полными предложениями с предикатами *да есть*, *буди*. Новым в старобелорусских посланиях является польское лексическое влияние на формулы: *ласка*, а не *благодарить*; *пана нашего Иисусь-Христа*, а не *Господа нашего Иисуса Христа*. Обращение в начале письма, как в послании митрополита Иосифа Рутского (форма *отцеве* образовалась под влиянием среднепольского языка), типично для старобелорусских писем светских и духовных лиц частного-делового и официального характера с первой половины – середины XVI в., но не для анализируемой разновидности официальных посланий, хотя прямые обращения к адресату в древнерусских посланиях могли или открывать текст, или следовать сразу после обозначения адресанта, выраженного формой именительного падежа (РИБ-6, № 3, стб. 63; РИБ-6, № 5, стб. 79 и др.). Обращением открывается старорусское окружное послание митрополита Даниила 1539 г. (Даниил, с. 453).

Переход к семанте в четырех текстах маркируется формулами деловой речи, включающими глагольные несвободные сочетания с компонентом *въдати* или *въдомо* и отражающими служебный характер отправления окружных посланий: *Даемъ вашей милости въдати, штожъ...*¹⁶; *Въдомо творим вашему благочестию, понеже...*¹⁷; *Въдомо чинимо, ижъ...*¹⁸ и др. Они являются старыми деловыми клише. По наблюдениям О. Н. Геращенко, со второй половины XVI в. эти формулы в «русских» документах ВКЛ начинают употребляться реже, так как частотность аналогичных формул в языке польского делопроизводства также снижается [30, с. 36]. В окружных церковных посланиях XV в. такие выражения используются достаточно активно: *Весте, еже...* (РИБ-6, № 59, стб. 498); *Въдомо тобъ, моему сыну, что...* (РФА, № 24, с. 137) и др. Ни в одном из отобранных шести старорусских окружных посланий XVI–XVII в. формулы не представлены: в них либо сразу излагается суть дела, либо приводится смысловой блок «мотивация своего письма». Оцениваем это обстоятельство как случайность выборки.

В посланиях православного патриаршего экзарха протопopa Нестора Козменича и униатского митрополита Иосифа Рутского используется формула, пришедшая из чешских грамот и поддержанная позже польскими документами [30, с. 35–36]: *Ознаймую вашимъ милостямъ, ижъ...*¹⁹; *Ознаймую честности и любви вашей, ижъ...*²⁰. К XVII в. она стала частью официального дискурса в том числе в церковно-религиозной сфере. В послании митрополита Михаила Рагозы, имеющем неэпистолярный зачин, переход к семанте также маркируется иной формулой, характерной для документа, с искаженным дательным самостоятельным: *Смирение наше будучи намъ телесне zde во градъ Львовъ...*²¹. В документах митрополита этот переход осуществляется иначе (АЗР, т. 4, № 22, с. 30; Monumenta, № 170, р. 269 и др.).

¹⁵Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329; Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Ibid. P. 329; Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116; Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // Там же. С. 122–123; Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137; Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 262–263; Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 99–104.

¹⁶Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

¹⁷Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 329.

¹⁸Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

¹⁹Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопopa Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 313.

²⁰Окружное послание униатского митрополита Велиамина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 62.

²¹Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

«Собственно эпистолярные» элементы формуляра, не являющиеся общими с формуляром актовых памятников, представлены ограниченно. В одном послании в заключительной части семантемы представлен смысловой блок «Выражение потребности в дальнейшем письменном общении» с подтемой «Призыв к адресату писать адресанту» (*И то донесиши честности вашей, о отпись прошу и въдомость, абы-мъ по частяхъ грядущихъ Господу Богу и самимъ вамъ винень въ чомъ не зоставаль*²²). В формуле фигурирует обозначение эпистолярного текста *отпись*, используемое в старобелорусской деловой речи с 1440-х гг. Также в единственном письме в заключительной части семантемы представлен смысловой блок «Комментарий по поводу собственного письма» с подтемой «Мотивация собственного письма» (*А для лѣпшоу въры, сесь листъ нашъ рукою нашою подписавши, подъ печатью нашою, для въдости всихъ которымъ належитъ, до рукъ его отсылаемъ*²³) с деловой формулой польского происхождения. В послании Константина Острожского имплицитно присутствует мотив краткости (автор пишет о единой истинной вере после рассказа о ее происхождении): *о нейже немощно есть въ семь листъ выобразити, но болше въ Писанью о семь ваша милость доволно обряцете*²⁴.

Содержание формул прощания на протяжении десятилетий не меняется: оно представляет собой молитвенное благопожелание, обычное для разных посланий духовных лиц, не только рассматриваемой разновидности. Наблюдается изменение формул: рядом со славянизированным типом устойчивого высказывания с предикатом *да будет (да есть)* появляется полонизированный тип (фактически это пересказ первого типа) с предикатом – грамматической калькой «*нехай + презентная форма глагола*». Два этих типа сосуществуют: *Съ тымъ милость Божая и пречистыя его Богоматере нехай будетъ всегда со всеми вами*²⁵; *Съ тымъ милость Божая и благословеніе смиренія нашего да будетъ со всеми вами*²⁶. Традиционные церковнославянские формулы, унаследованные от старейшей поры, все же преобладают. Эллиптические предложения, в отличие от формул приветствия, в них не используются. В старорусских окружных посланиях XVI – середины XVII в. молитвенное благопожелание выступало основным видом прощания, в котором чаще использовались высказывания без эллипсиса.

В двух анализируемых текстах прощания нет. Так, послание митрополита Михаила Рагозы 1592 г. заканчивается евангельской цитатой (*Будите щедри якоже и отецъ вашъ небесный щедръ есть*²⁷), послание митрополита Иосифа Руткого 1634 г. завершает ряд поручений: просьба молиться за душу почившего Мелетия Смотрицкого, распространить *листъ монастыра Бытѣйскаго*, перевести его на латинский язык и донести до *тыхъ, до ведомости которыхъ належитъ*²⁸. Эта же формула применяется в окружном послании Ипатия Потя 1608 г.

Иные прощания, также основанные на формулах церковно-религиозного дискурса, использованы в послании протопопа Нестора Козмения (*Прочее, радуйтесь о Господъ и просвѣщени будьте во истинный разумъ его, аминь*²⁹), в котором аккламация создает своеобразную риторическую рамку этого текста, и послании Константина Острожского (*...всею силою держимося, прилежно молящися ему, яко да не попуститъ намъ выше силы нашея искустися... и сподобитъ насъ подвигомъ добрымъ подвизатися, течение скончати, въру неврѣдимо съблюсти, и въчныхъ благъ наслѣдниками быти. Аминь*³⁰), в котором рассуждение о том, какими являются истинные *правовѣрныи*, переходит в молитву. Аккламация *аминь* употребляется только в двух посланиях, направленных на защиту православия от унии (во всех проанализированных старорусских окружных посланиях XVI–XVII вв. она присутствует).

Место и дата создания текстов реализуют обычно средний вариант (по степени пространности [30, с. 43]) формул: *Писанъ въ Новѣгородку, подъ лѣто Божія нароженія 1547, мѣсяца Марта 6 дне, индикта 5*³¹;

²²Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 123.

²³Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // Там же. С. 263.

²⁴Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 102.

²⁵Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137.

²⁶Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // Там же. С. 263.

²⁷Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 330.

²⁸Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потя литовскому духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 263.

²⁹Окружное послание патриаршего Киевской митрополии экзарха, подляшского протопопа Нестора Козмения литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 314.

³⁰Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Там же. С. 103–104.

³¹Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

*Писанъ въ Заблудовью, Генваря 4 дня, року 1609*³². Также используется короткий вариант, в котором указывается только дата: *Януарія 16, року 1634*³³. Аналогичное указание времени и даты характерно для старорусских окружных посланий XVI–XVII вв. В послании 1547 г. митрополита Макария II, в отличие от более поздних текстов, летоисчисление приводится в индиктах. В послании митрополита Ипатия Потее употреблена формула вида *данъ зъ*, а не *писанъ въ*, хотя первая распространена в корреспонденции конца XVII в.

В трех посланиях 1590–1600-х гг. при указании года употреблено слова *лѣто* ‘год’. В данном элементе формуляра в это время уже происходит распространение слова *рокъ*. По нашим наблюдениям, в корпусе других (не окружных) посланий митрополита Михаила Рагозы (23 текста) 16 раз употребляется слово *року*, 5 раз слово *лѣта*, однако в старобелорусской дипломатической переписке с Русским царством этого же периода абсолютно преобладает формула со словом *лѣто*. Слово *лѣто* в конце XVI в. воспринимается как книжное, что отражено в «Лексиконе» Памвы Берынды (*Лѣто: время, рокъ, часъ, годъ, годище* (ГСБМ, вып. 7, с. 23)). Возможно, оно употребляется в окружных посланиях для поддержания «книжного» стиля. Надежные основания для этого предположения дают написанные на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке послание митрополита Михаила Рагозы о доставлении пособий львовскому братству (*Писан в лѣто от рождества господа нашего Исуса Христа дѣфчв (1592) ве Львовѣ, мѣсяца генуарія двадцатого дня*³⁴) и послание Константина Острожского (*Въ лѣто отъ созданія міра седмыя тысящи 104, а отъ по плоти Рождества Христова тысяща 595-е, мѣсяца Іюня 24 дня написася*³⁵). «Книжность» обоих контекстов поддерживается редкой для старобелорусской корреспонденции номинацией *рождество* с сочетанием *жд*. В послании Константина Острожского форма пассивного залога «пересказывается» архаичной формой аориста: *писано > написася*.

В публикации семи посланий присутствует такой элемент экстратекста, как подпись. В рассматриваемых текстах можно встретить три варианта формулы подписи: широкий (*Волею Божією Макарій, архієпископъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси*³⁶), средний (*Ипатей архієпископъ, властною рукою*³⁷) и краткий (*Михаилъ митрополитъ*³⁸; *рукою власною*³⁹). Протопоп Нестор Козменич предпочитает прилагательному-полонизму *власною* местоимение *своею*: *в[ашей] м[илости] поволный братъ Несторъ, екзарха митрополіи Кіевскоѣ, протопопъ Подляшскій, рукою своею*⁴⁰.

В экстратексте трех посланий митрополита Михаила Рагозы сохранилось указание писаря. Широкая форма указания выглядит следующим образом: *Григоріе протонотаріе митрополіи кіевскоѣ рукою власною*⁴¹. Сокращенная формула предполагает упоминание имени и должности: *Іванъ Миничъ, писарь*⁴². Таким же образом указывается писарь в митрополичьих документах.

Взаимодействие дискурсов в окружных посланиях. О том, что окружные послания находятся на границе эпистолярных и актовых источников, было сказано выше. Окружные послания относятся к официальной корреспонденции. Для них характерны соответствующие формуляр (минимальный), обращенность «сверху вниз» или «к равным», способы презентации адресанта и адресата, а также взаиморасположение соответствующих номинаций. Окружные послания содержат элементы пастырского воодушевляющего учительного эпистолярия (послание Константина Острожского) и письма – духовной беседы (послание митрополита Иосифа (Иосифа Вельямина) Рутского).

³²Окружное послание патриаршего Киевской митрополіи екзарха, подляшского протопопа Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 314.

³³Окружное послание униатского митрополита Велямина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 70.

³⁴Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 328.

³⁵Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 104.

³⁶Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

³⁷Окружная грамота Киевского униатского митрополита Ипатия Потее литовскому духовенству // Там же. С. 263.

³⁸Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 116.

³⁹Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // Там же. С. 123.

⁴⁰Окружное послание патриаршего Киевской митрополіи екзарха, подляшского протопопа Нестора Козменича литовско-русскому православному духовенству и мирянам // Там же. С. 314.

⁴¹Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Monumenta. P. 330 ; 1595 октября 28. Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы православному духовенству // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 123.

⁴²Окружное послание Киевского митрополита Михаила Рагозы литовско-русским православным сановникам и мирянам // Там же. С. 137.

Одно послание митрополита Михаила Рагозы имеет формуляр, совмещающий свойства письма и не-эпистолярного документа⁴³. Однако в нем нет распоряжения или санкции. В послании присутствует просьба к адресату, оно характеризуется риторической обработанностью и отличается учительным началом (в этом тексте содержится знаменитое противопоставление *словенского росийского нашего языка, или съвершеннаго грамматическаго словенского языка простому несъвершенному лядскому писанию*⁴⁴ [17, с. 13; 25, с. 393]).

Языковая основа текстов окружных посланий. Прокомментируем используемую далее терминологию: мы употребляем лингвоним *старобелорусский язык* в том же значении, в котором употребляются лингвонимы *простая мова* и *руськая мова*, т. е. обозначаем им язык письменных текстов, созданных на территории ВКЛ, подчеркивая в данном случае территориальную принадлежность текстов и происхождение авторов посланий.

Вопрос о языковой основе анализируемых текстов находится в непосредственной связи с вопросом регистровой стратификации разноречивой письменности ВКЛ, создававшейся в ситуации «пестроты лингво-литературного спектра» и дававшей примеры различных манифестаций литературного языка [24, с. 61–62] (литература на эту тему обширна, критический анализ подходов проведен в работах [19; 21]). Окружные послания середины XVI – XVII в. принадлежат к кириллической письменности, бытовавшей в среде, для коммуникаций в границах которой реконструируется письменно-литературное двуязычие [23, с. 93; 24, с. 60; 25, с. 387–388, 392–404]. Ситуации двуязычия не противоречили «смешанные» гетерогенные тексты, объединявшие не только исконные ресурсы старобелорусского и церковнославянского языков, но и полонизмы разной степени адаптации, так как последние «принимались» старобелорусской письменностью и осваивались ею. Средства разного происхождения в гетерогенных текстах представлены многочисленными примерами, а не отдельными вкраплениями. В эпистолярных текстах они присутствуют в разных их частях, а не только в составе традиционных элементов формуляра.

Гетерогенные тексты представляют наибольшую исследовательскую сложность, если ставится вопрос об их языковой основе. А. И. Журавский в программной статье «О разграничении белорусских и церковнославянских памятников» (1972) предложил методику анализа церковнославяно-старобелорусских текстов с опорой на пять диагностирующих признаков [11]. Четкие критерии, названные ученым, тем не менее оставляют вопрос об иерархичности признаков и значимости фактора контекста употребления той или иной формы. Выявление фактической языковой основы гетерогенных среднепольско-старобелорусских кириллических памятников является сложным в связи с неоднозначностью оснований квалификации многих западно-, восточно- или общеславянских грамматических единиц и явлений.

В отношении гетерогенных старобелорусских памятников применим подход, разработанный для старорусского материала. По Живову, «...самый вопрос... о языковой основе соответствующих текстов – традиционно книжной или народно-разговорной – оказывается лишен всякого содержания. И та, и другая основа может быть выделена в качестве частного момента, но лишь их совокупность и взаимодействие обеспечивают функционирование данной разновидности» [31, с. 35]. Соответствующий регистр письменности назван гибридным. На постулат В. М. Живова целесообразно опираться при описании разновидностей письменно-литературного языка кириллических памятников ВКЛ, при этом он не снимает актуальности поуровневого описания языка гетерогенных текстов, если цель исследования – установить, какие именно конкретные маркированные средства были более востребованы в тех или иных типах текстов и коммуникативных ситуациях.

Среди проанализированных окружных посланий семь текстов написаны на старобелорусском языке с разной степенью среднепольского влияния и разной степенью представленности церковнославянизмов, употребление которых имеет традиционный характер (зачин-благословение, библейские цитаты, прощание – молитвенное благопожелание, устойчивые выражения при обозначении лиц духовного звания). Рассмотрим в качестве примера языковые особенности послания митрополита Макария II, наиболее раннего из анализируемых посланий, призывающего помочь львовскому братству. В основе текста лежит деловой старобелорусский язык. Церковнославянские (и архаичные древнерусские, имеющие в середине XVI в. статус книжных) лексические и грамматические средства в нем присутствуют в устойчивых выражениях и цитатах. Лексико-фонетические церковнославянизмы предсказуемо связаны

⁴³Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329.

⁴⁴Ibid. P. 328.

с церковно-религиозной лексикой (исключение – слово *здравіе* в зачине). Восточнославянские средства проникают в устойчивое выражение и цитату: постоянный эпитет *Прѣчистогъ употребляется* четыре раза с окончанием *-огъ*; ...и паки: «*хто коли ко хвалѣ Божіей строитъ земная...*»⁴⁵. В этом послании встречаются преимущественно лексические полонизмы: социальная терминология, обозначения адресата в зачине, специальная и общеупотребительная лексика в семанте (*муръ, кгрунтъ, змуравати, шкода*). Кроме того, в тексте употребляются грамматические полонизмы: союз *ижъ* (наряду со старобелорусским союзом *штожъ*), форма опатива *абыхмо казали* при глаголе в форме 2-го лица множественного числа (*абы рачили, бы рачили*), дистантное препозитивное расположение местоимения *ся* (*А мы въ томъ сподручницы ся вашей милости даемъ*)⁴⁶ (чередование в основе также может возникать под влиянием среднепольского языка. – О. З.)).

В более поздних окружных посланиях, также имеющих в основе старобелорусский язык, полонизмы проникают в формулы приветствия и прощания, хотя вне зависимости от того, какой язык лежит в основе текста, формулы приветствия всех десяти посланий вербализуются с опорой на ресурсы церковнославянского языка. Наиболее полонизированными оказываются окружные послания униатских митрополитов Ипатия Потей и Иосифа Рутского, что предсказуемо с учетом более позднего времени их создания. Только в послании митрополита Иосифа Рутского 1634 г. представлены неадаптированные вкрапления латинского языка: *Breve Apostolicum, Febus hectica*⁴⁷. Они представляют собой единственные элементы макаронической речи в проанализированном корпусе, отражающие в том числе латинизацию церковно-религиозных коммуникаций (сравним с призывом перевести письмо, содержащимся в том же послании: *а въ Вилне въ монастыру светое Троицы з пилностью вшелякою по латине абы предложено*)⁴⁸.

В трех окружных посланиях⁴⁹ наблюдается сильное церковнославянское влияние. Тип письменного языка, отраженный в них, можно назвать гибридным языком (церковнославянско-старобелорусским) со значительным последовательным и разноуровневым преобладанием церковнославянских средств во всех структурных частях текста, включая изложение информации в семанте. Для сравнения: старорусские окружные послания XVI–XVII вв. фиксируют или старорусский деловой тип письменного языка с инфильтрацией книжных элементов в устойчивых частях текста, или гибридный тип языка, а старорусские послания XV в. – только гибридный тип и стандартный церковнославянский язык. Предполагаем, что авторы давали себе установку писать по-церковнославянски (практики коммуникаций на церковнославянском языке описаны в работе [25, с. 395], но использование стандартного церковнославянского языка в эпистолярном общении ВКЛ конца XVI в. было уже невозможно. В посланиях встречаются и восточнославянские маркированные средства, однако использование церковнославянского языка в них имеет принципиальный, эмблематический характер.

Два обращения митрополита Михаила Рагозы к духовенству и мирянам содержат призыв помочь львовскому братству в восстановлении церкви, строительстве типографии и школы. В этих посланиях употребляются только лексические полонизмы⁵⁰. Послание Константина Острожского – это публицистический манифест в поддержку православного духовенства. Выбор церковнославянского языка в нем также идейно обусловлен. Семантика открывается высказыванием, типичным для учительной литературы: *Понеже отъ преименитыхъ благочестивыхъ своихъ родителей зъ младости моя въ наказаніи истинныя вѣры въспитанъ быхъ...*⁵¹. Далее следует текст на гибридном церковнославянско-старобелорусском языке. Автор послания демонстрирует прекрасное владение церковнославянским языком. В тексте присутствуют маркированные лексико-фразеологические

⁴⁵Окружное послание Киевского митрополита Макария литовско-русскому православному духовенству и мирянам // АЗР. Т. 3. 1544–1587. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. С. 19.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Окружное послание униатского митрополита Велиамина Рутского с извещением об обстоятельствах, предшествовавших и сопровождавших смерть Мелетия Смотрицкого // Киев. епарх. ведомости. 1877. № 3. Отд. 1. С. 65, 67.

⁴⁸Там же. С. 70.

⁴⁹Leopolis, 20 ianuarii 1592. Michael metropolita kioviensis confraternitatem leopoliensem combustam ecclesiam restaurantem, scholam, typographiam, hospitale et domos parochiales erigentem misericordiae omnium fidelium commendat ad opemque eidem ferendam exhortatur // Monumenta. P. 327–329; Michael metropolita kioviensis omnes fideles exhortatur, ut confraternitati leopoliensi ad ecclesiam renovandam scholam typographiamque erigendam opem ferant // Ibid. P. 329; Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 99–104.

⁵⁰Среди писем и документов Михаила Рагозы есть и другие тексты, написанные на гибридном языке с преобладанием церковнославянских элементов, т. е. функционирование церковнославянского языка не ограничивалось для него только окружными посланиями (Monumenta, № 169, p. 267–269; Monumenta, № 210, p. 326–327; Monumenta, № 294, p. 484–485 и др.).

⁵¹Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

и грамматические полонизмы, однако их значительно меньше по сравнению не только с церковнославянскими, но и с восточнославянскими средствами. Они фактически сконцентрированы в той части семантемы, где адресант объясняет, почему решился на обращение к единомышленникам: *А ижъ множайшиіе отъ обывателей здѣшней области панства наяснѣйшого короля, пана нашего милостивого, зваща правовѣрные хрестіане... мене нѣкакѣ въ здѣшнемъ краю за начальника въ православію быти менятъ, хотяжъ самъ себе не болюаго, но кождому въ правовѣрїи стоящему ровного быти розумѣмъ...*⁵². Иные полонизмы имеют характер отдельных вкраплений в пространственный славянизированный текст.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

1. Проанализированные старобелорусские официальные обращения к широкому адресату церковных иерархов пространств *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Uniata* XVI–XVII вв., называемые сегодня окружными посланиями или окружными грамотами (различие обозначений не отражает различия интенций и формуляра текстов), не маркировались их составителями специальными жанровыми обозначениями. В текстах используется название *листъ*. Такая же ситуация наблюдается в предшествующей древнерусской и развивающейся параллельно после разделения митрополий старорусской традициях: окружные послания имели названия *грамота*, в сборниках образцовых посланий указывались заголовки *послание* или даже *поучение*. Вариативность жанровых обозначений (как в самих текстах, так и в заголовках публикаций) – это частное проявление, возникшее вследствие синкретичности дискурсов Средневековья и раннего Нового времени.

2. В старобелорусских окружных посланиях выражались разные интенции: призыв (вплоть до агитации), убеждение, информирование (служебно-делового и повествовательно-дидактического характера). Однако различие интенций не влияет на содержательную структуру: формуляр представлен минимальным составом смысловых блоков (указание коммуникантов, приветствие, прощание-благословение, указание даты и места). Такая структура стабильно сохраняется на протяжении почти столетия (это же свойство присуще старорусским окружным посланиям). Послания дают сведения о способах вербализации элементов экстратекста «подпись автора» и «указание писца». Единично в разных письмах реализуются смысловые блоки, характерные только для эпистолярного текста.

3. Большинство текстовых формул в содержательном отношении сохраняются с древнерусского периода, но они преобразуются под влиянием полонизации письменных коммуникаций, в том числе в среде православного духовенства. Появляются новые этикетные лексемы и выражения-кальки.

4. Взаимодействие дискурсов проявляется в сочетании структурно-композиционных элементов текста, лексики и фразеологии, характерных для деловых служебных писем, с теми же элементами, лексикой, фразеологией и риторикой, характерными для духовных учительных посланий. Это свойство характерно для любых официальных коммуникаций в церковно-религиозной сфере. Одно окружное послание имеет зачин и начало семантемы, характерные для митрополичьего информирующего или распорядительного документа, но интенциями его выступают просьба и поучение, а заключительная часть является типичной для эпистолярных писем лиц духовного звания.

5. Окружные послания православных иерархов ВКЛ оставались к XVI в. тем редким жанром, в котором церковнославянский язык продолжал функционировать как средство коммуникации. Только в трех текстах из десяти, в том числе в агитационном послании светского лица, представлен гибридный церковнославяно-старобелорусский тип письменного языка с выраженным преобладанием книжного церковнославянского начала. Остальные тексты написаны на старобелорусском языке, отражающем разную степень среднепольского влияния и имеющем различную, но не доминирующую представленность церковнославянизмов. Только послание митрополита Иосифа Рутского 1634 г., наиболее полонизированное и самое позднее по времени написания, содержит образцы макаронической речи с вкраплением неадаптированных латинизмов.

Сокращения

Monumenta – Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis: Diplomata et epistolae Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis ab anno 1518 usque ad annum 1600. Т. 1 / ed. W. Milkowicz. Leopoli : Ex typografia Inst. Stauropigiani, 1895. 496 p. ; **ААЭ** – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской

⁵²Окружное послание киевского воеводы князя Константина Острожского православному духовенству и мирянам в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // АЗР. Т. 4. 1588–1632. СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1851. С. 100.

академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1836 ; **АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853 ; **АИ** – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1841–1842 ; **ГСБМ** – Гістарычны слоўнік беларускай мовы : у 37 вып. / пад рэд. А. М. Булыкі, А. І. Жураўскага. Мінск : Беларус. навука, 1982–2017 ; **Даниил** – Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М. : Индрик, 2020. 848 с. ; **РИБ-6** – Русская историческая библиотека : в 39 т. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1880. IV стб., XX стб., 930 стб., 316 стб., 70 стб. ; **РФА** – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М. : Языки славян. культур, 2008. 552 с. ; **СлДря XI–XIV** – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 13 т. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Рус. язык, 1988–2023. ; **СлРЯ XI–XVII** – Словарь русского языка XI–XVII вв. : в 32 вып. / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М. : Наука, 1975–2023.

Библиографические ссылки

1. Гиппиус АА. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. В: Янин ВЛ, Зализняк АА, Гиппиус АА. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. Москва: Русские словари; 2004. с. 183–232.
2. Gippius A. Birchbark literacy and the rise of written communication in early Rus'. In: Zilmer K, Jesch J, editors. *Epigraphic literacy and Christian identity: modes of written discourse in the newly Christian European north*. Turnhout: Brepols Publishers; 2012. p. 225–251
3. Зализняк АА. Текстовая структура древнерусских писем на бересте. В: Цивьян ТВ, редактор. *Исследования по структуре текста*. Москва: Наука; 1987. с. 147–182.
4. Иорданиди СИ. К истории начальной формулы грамот *се азъ...* в древнерусском языке. В: Ефимова ВС, редактор. *Славянское и балканское языкознание. Выпуск 17, Палеославистика-2*. Москва: Институт славяноведения; 2019. с. 151–167. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.7.
5. Климович ОА. *Формуляр старорусских и старобелорусских деловых документов XIV–XVI веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2015. 163 с.
6. Климович ОА. *Стиль витебских деловых текстов XIV–XVII веков*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2025. 179 с.
7. Ryčkov A. Rusėniškų laiškų formuliaras Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje ankstyvaisiais naujaisiais laikais. *Lietuvos istorijos studijos*. 2019;44:31–46. DOI: 10.15388/LIS.2019.44.2.
8. Рычков А. О практиках коммуникации в Великом княжестве Литовском в первой половине XVI в. на примере одного черновика. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020;80(2):14–22. DOI: 10.25986/IRI.2020.80.2.002.
9. Сметанин ВА. Эпистолология поздней Византии. Проэлевсис (конкретно-историческая часть). В: Сюзюмов МЯ, редактор. *Античная древность и средние века. Выпуск 15*. Свердловск: Уральский государственный университет имени А. М. Горького; 1978. с. 60–82.
10. Жураўскі АІ. *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: да 100-годдзя з дня нараджэння вучонага*. Мінск: Беларуская навука; 2024. 295 с.
11. Журавский АИ. О разграничении белорусских и церковнославянских памятников. В: Орлова ВГ, Коннова ВФ, редакторы. *Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. Москва: Наука; 1972. с. 95–101.
12. Жураўскі АІ, Крамко П. *Характар знашніх узаемаадносін беларускай літаратурнай мовы з іншымі славянскімі мовамі ў пачатковы перыяд яе фарміравання*. Мінск: Навука і тэхніка; 1973. 40 с.
13. Золтан А. *Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. Москва: Индрик; 2014. 224 с.
14. Клімаў ІП. Маўленчая аснова і сацыяльная база супольнай кніжна-пісьмовай мовы беларусаў і ўкраінцаў даўніх часоў. *Studia Białorusinistyczne*. 2016;10:211–234. DOI: 10.17951/sb.2016.10.211.
15. Рудэнка А. Уплыў польскай мовы на раннія ўсходнеславянскія граматы Вялікага Княства Літоўскага. *Acta Albaruthenica*. 2021;21:135–150. DOI: 10.32612/uw.18988091.2021.21.pp.135-150.
16. Свістунова М. Віды паланізмаў і іх адаптацыя ў старабеларускай мове (на прыкладзе Спісання супраць лютараў у складзе Супрасльскага зборніка канца XVI ст.). W: Citko L, redaktor. *Języki ruskie w rozwoju historycznym i kontaktach z polszczyzną*. Białystok: Prymat; 2018. s. 251–275.
17. Шакун ЛМ. Значэнне царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы. У: Гілевіч НС, рэдактар. *Даследаванні па беларускай і рускай мовах*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна; 1958. с. 5–21.
18. Жураўскі АІ. Да пытання аб асноўных тыпах старажытнай беларускай літаратурнай мовы. *Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР*. 1961;8:106–116.
19. Клімаў ІП. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV–XVIII стст. *Беларускі археографічны штогоднік*. 2010;11:157–170.
20. Клімаў ІП. Функцыянаванне і ўзаемадзеянне розных славянскіх моў і літаратур у Вялікім Княстве Літоўскім. У: Лукашанец АА, рэдактар. *Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка. Зборнік дакладаў беларускай дэлегацыі на XV Міжнародным з'ездзе славістаў; 20–27 жніўня 2013 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларуская навука; 2013. с. 53–72.
21. Клімаў ІП. Да тэорыі кніжна-пісьмовай мовы феадальнай эпохі: бінарная мадэль vs трынарная мадэль. *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2014;3:12–16.
22. Мечковская НБ. *Язык и религия*. Москва: Агентство «ФАИР»; 1998. 352 с.
23. Темчин СЮ. Языки восточнославянской культуры Великого княжества Литовского и Польского королевства и религия. В: Доронин АВ, редактор. *Религия и русь, XV–XVIII вв.* Москва: РОССПЭН; 2020. с. 93–106.
24. Толстой НИ. *История и структура славянских литературных языков*. Москва: Наука; 1988. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI – XVII в.). с. 52–87.
25. Успенский БА. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Москва: Аспект Пресс; 2002. 558 с.

26. Camargo M. *Ars dictaminis – Ars dictandi*. Turnhout: Brepols; 1991. 61 p.
27. Иерей Хотеев А. Жизнь и деятельность митрополита Михаила Рагозы. У: Чарота ІА, Кулажанка ЛЯ, рэдактары. *Верныя веры бацькоў. Зборнік матэрыялаў Міжнароднай царкоўна-навуковай канферэнцыі, прысвечанай 400-годдзю спачыну святой праваслаўнай Сафіі Слуцкай і 400-годдзю заснавання Свята-Петра-Паўлаўскага сабора ў Мінску; 3 мая 2012 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Прыход Свята-Петра-Паўлаўскага сабора; 2013. с. 158–168.
28. Пазднякоў ВС. Канцылярыя і архіў мітрапаліта Міхаіла Рагозы. В: Коваленя АА, рэдактар. *Хрыціянства в Беларусі: історыя і сучаснасць*. Мінск: Беларуская навука; 2014. с. 99–104.
29. Заторський Н. «Послання Мисаїла до папи Сикста IV» 1476 року: реконструкція архетипу. Львів: Український католицький університет; 2018. 588 с.
30. Геращенко ОМ. Польські впливи в руських грамотах XIV–XVII ст. *Slavia Occidentalis. Linguistica*. 2024;81(1):23–52. DOI: 10.14746/so.2024.81.3.
31. Живов ВМ. *Язык и культура в России XVIII века*. Москва: Языки славянской культуры; 1996. Основные регистры книжного языка и процессы их формирования. с. 31–41.

Статья поступила в редколлегию 22.01.2026.
Received by editorial board 22.01.2026.

МЕТАНАРРАТИВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ О СТРУКТУРЕ ЖИЗНЕННОГО СЮЖЕТА В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ БИОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

О. В. ЛЕОН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет иностранных языков,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются лексические маркеры метанарративного уровня, реализующие концептуализацию ключевых элементов жизненного сюжета. Предпринимаются попытки выявить общие и культурно-специфические черты языковой репрезентации структуры сюжета в рамках биографии, определить диапазон лексико-семантических средств и характер метафоризации сюжетных метамаркеров. Впервые сопоставляются количественные и качественные характеристики наиболее частотных англо- и русскоязычных метанарративных маркеров сюжета и выявляются механизмы вербальной репрезентации событий в разных нарративных традициях. Значимость полученных результатов заключается в уточнении межъязыковых паттернов и идиоэтнических компонентов нарративной композиции, что может использоваться в практике лингвистического и филологического анализа текста, межкультурной коммуникации и теории перевода.

Ключевые слова: нарратив; метанарратив; биографический нарратив; сюжет; структурные компоненты сюжета.

МЕТАНАРАТЫЎНАЯ РЭФЛЕКСІЯ АБ СТРУКТУРЫ ЖЫЦЦЁВАГА СЮЖЭТА Ў АНГЛА- І РУСКАМОЎНЫМ БІАГРАФІЧНЫМ НАРАТЫВЕ

В. В. ЛЕОН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт замежных моў,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаюцца лексічныя маркеры метанаратыўнага ўзроўню, што рэалізуюць канцэптуалізацыю ключавых элементаў жыццёвага сюжэта. Робяцца спробы выявіць агульныя і культурна-спецыфічныя рысы моўнай рэпрэзентацыі структуры сюжэта ў межах біяграфіі, вызначыць спектр лексіка-семантычных сродкаў і характар метафарызавання сюжэтных метамаркераў. Упершыню супастаўляюцца колькасныя і якасныя характарыстыкі найбольш частотных англа- і рускамоўных метанаратыўных сюжэтных маркераў, а таксама выяўляюцца механізмы вербальнай рэпрэзентацыі падзей у розных наратыўных традыцыях. Значнасць атрыманага выніку заключаецца ва ўдакладненні міжмоўных патэрнаў і ідыяэтычных кампанентаў наратыўнай кампазіцыі, што можа выкарыстоўвацца ў практыцы лінгвістычнага і філалагічнага аналізу тэксту, міжкультурнай камунікацыі і тэорыі перакладу.

Ключавыя словы: наратыў; метанаратыў; біяграфічны наратыў; сюжет; структурныя кампаненты сюжэта.

Образец цитирования:

Леон ОВ. Метанарративная рефлексия о структуре жизненного сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2026;1:78–86.
EDN: YPCXGO

For citation:

Leon OV. Metanarrative reflection on life plot structure in English and Russian biographical narrative. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2026;1:78–86. Russian.
EDN: YPCXGO

Автор:

Ольга Вячеславовна Леон – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры славянских языков переводческого факультета.

Author:

Olga V. Leon, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Slavic languages, faculty of translation and interpreting.
hoyden.feanorown@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8186-5537>

METANARRATIVE REFLECTION ON LIFE PLOT STRUCTURE IN ENGLISH AND RUSSIAN BIOGRAPHICAL NARRATIVE

O. V. LEON^a

^a*Belarusian State University of Foreign Languages, 21 Zakharava Street, Minsk 220034, Belarus*

Abstract. The object of the given study is metanarrative-level lexical markers that conceptualise key structural components of a life plot. The author seeks to identify both general and culture-specific characteristics of verbal representation of plot structure within biography, to determine the scope of lexical-semantic means, and to describe the nature of the metaphorisation of plot structure metamarkers. For the first time, a comparative analysis of quantitative and qualitative characteristics of the most frequent English and Russian metanarrative plot structure markers is undertaken, as well as the mechanisms of verbal representation of events in different narrative traditions are revealed. The value of the findings lies in clarifying cross-linguistic patterns and culture-bound components of narrative composition, which can be applied in linguistic and philological text analysis, cross-cultural communication, and translation theory.

Keywords: narrative; metanarrative; biographical narrative; plot; plot structure components.

Введение

Современная эпоха характеризуется кризисом метанарративов и «недоверием к метанарративным формам» [1, с. 10]. Утрата «больших историй» (метанарративов в философском смысле) повышает значимость локальных нарративных практик конструирования индивидуального смысла жизни. Таким образом, нарративная организация сознания становится ключевым способом структурирования реальности в условиях постмодерна [2; 3].

Нарративная психология утверждает, что человеческий опыт организован как «рассказ о жизни», в котором субъектом выступают автор, герой и рассказчик одновременно. С этой точки зрения биографический нарратив представляет собой инструмент конструирования идентичности, а не простого воспроизведения фактов [4]. В представлениях Дж. Брунера жизнь как проживание неотделима от жизни как рассказывания [5, с. 691–692].

Биографический (автобиографический) нарратив на современном этапе достаточно хорошо изучен с точки зрения нарративной идентичности и ее языкового воплощения. В зарубежной традиции значительное внимание уделяется рассмотрению роли нарративных структур в формировании персональной идентичности [6–10]. В отечественной науке активно разрабатываются вопросы структуры и семантики автобиографического нарратива, изучается роль нарративных практик в формировании этнокультурной идентичности, анализируются особенности биографического повествования в различных дискурсивных контекстах [2; 11; 12].

Однако механизмы метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета в сопоставительном аспекте изучены недостаточно. Особого внимания заслуживает изучение лексических средств экспликации представлений о сюжетной структуре жизни, которые могут отражать культурно-специфичные модели нарративного сознания. Лингвистические исследования метанарративных маркеров биографического дискурса, как правило, являются монолингвальными и практически не касаются языковых средств концептуализации жизненного сюжета в англо- или русскоязычной биографической литературе [13; 14]. Немногочисленные попытки сравнительного исследования нарративных структур в разноязычных культурах уже демонстрируют, что концептуализация жизненного опыта через нарративные категории имеет как общие, так и культурно-специфичные черты [15].

Метанарративная рефлексия (экспликация представлений о нарративе внутри самого нарратива), объектом которой может выступать, в частности, структура жизненного сюжета, представляет собой сложный процесс концептуализации жизненного опыта через призму нарративных категорий и структурных компонентов повествования. В биографическом нарративе эта рефлексия эксплицируется посредством метанарративных комментариев – высказываний о повествовании, которые позволяют описать жизненные события с позиции самого повествователя или стороннего наблюдателя. Лексические маркеры метанарративного уровня в подобных контекстах выполняют функцию экспликации концептуальных представлений носителей языка о структурных компонентах и свойствах «нарратива о жизни». Сравнительный анализ метанарративных практик в различных языковых культурах может способствовать выявлению как общих закономерностей нарративного сознания, так и культурно-специфичных способов концептуализации жизненного опыта через призму повествовательных структур.

В настоящем исследовании рассматриваются частный аспект метанарративной рефлексии, связанный с вербализацией структуры жизненного сюжета, и только один класс языковых средств ее реализации – лексические маркеры, номинирующие структурные компоненты сюжета. Это обстоятельство не исключает существования других типов метанарративных проявлений и других средств их экспликации, которые остаются за рамками данной работы.

Нарративная структуризация опыта является универсальной когнитивной способностью человека [5; 16]. Современные масштабные исследования [16] показывают, что все культуры используют схожие структурные компоненты для организации жизненного нарратива: эпизоды, сцены, поворотные моменты, кульминации и развязки. Наименования структурных компонентов нарратива (метанарративные маркеры) в его языковой ткани отражают универсальные когнитивные схемы, реализуемые средствами конкретных языков. Настоящее исследование направлено на выявление частотности и культурно-специфичных особенностей языковой репрезентации этих универсальных структурных компонентов (компонентов, присущих биографическому нарративу независимо от языка реализации) в англо- и русскоязычном биографическом нарративе.

Актуальность работы определяется, во-первых, возрастающим интересом к проблемам нарративной идентичности в условиях постмодернистской критики «больших нарративов» и поиска новых форм самоосмысления [17], во-вторых, необходимостью комплексно изучить метанарративные механизмы в биографическом дискурсе с учетом их лингвокультурной специфики, в-третьих, недостаточной разработанностью сопоставительных исследований по вопросу концептуальных представлений о жизненном сюжете в разноязычных культурах.

Для Беларуси исследование метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета является актуальным по нескольким причинам. В условиях трансформации постсоветского пространства сравнительный анализ англо- и русскоязычных метанарративных маркеров позволяет выявлять специфику белорусского нарративного сознания в ситуации культурного и языкового пограничья. Кроме того, при наличии устойчивого интереса белорусской науки к биографическому нарративу и национальной идентичности [12; 18; 19] лингвистические аспекты метанарративной рефлексии остаются недостаточно изученными в плане сопоставления.

Цель исследования заключается в выявлении форм метанарративной рефлексии о структуре жизненного сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе в сопоставительном аспекте. Задачами исследования являются определение спектра лексико-семантических средств, обеспечивающих метанарративную рефлексии о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе, и описание механизмов метафоризации структуры жизненного сюжета на метанарративном уровне.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с использованием комплексного подхода, интегрирующего принципы нарративного анализа [20–22], контекстуального анализа, корпусной лингвистики [23] и сравнительного языкознания. В качестве ведущих методов применяются нарративный анализ, понимаемый как «качественный метод исследования, направленный на интерпретацию повествования и уделяющий особое внимание временной последовательности, которую устанавливают люди как рассказчики о своей жизни и окружающих событиях» [24, с. 92], и контекстуальный анализ, предполагающий «исследование языковой единицы в составе речевого контекста, то есть той части текста, в которой реализуется ее семантика», с учетом ситуативно-речевого и этнокультурного контекстов, которые «определяют сдвиги в семантике слов или грамматических форм»¹. Данный комплекс методов позволяет выявить формы рассуждения о жизненном опыте через анализ структуры нарративных высказываний.

Биографический нарратив в рамках настоящего исследования рассматривается как специфический тип повествовательного текста, представляющий собой упорядоченный рассказ индивида о его жизни, в рамках которого выстраивается последовательность значимых эпизодов в соответствии с тем, как рассказчик понимает цель и направление движения по жизни, описывая процесс принятия героем решений и его самооценку, а также процесс выхода из проблемных ситуаций в жизни субъекта [25]. К основным характеристикам биографического нарратива современные исследователи относят упорядоченность, целенаправленность, самооценку и осмысление, конструирование смысла и личностный контекст [25; 26]. Таким образом, биографический нарратив – это не просто хронологическое изложение фактов, а осмысленное, структурированное повествование о жизни, которое помогает человеку понять себя или Другого, свой или чужой путь.

¹Зэйнаб С. К. Применение лингвистических методов к анализу русской литературы // Филологический аспект: международный научно-практический журнал : сайт. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/primenenie-lingvisticheskikh-metodov-k-analizu-russkoj-literatury.htm> (дата обращения: 31.12.2023).

Данное исследование носит сопоставительный характер и осуществляется на материале англо- и русскоязычного корпусов биографических и автобиографических произведений (по 62 произведения в каждом корпусе), опубликованных и вышедших в топ продаж в 2010–2024 гг. Корпусы формировались методом сплошной выборки по принципу хронологической и жанровой сопоставимости материала с допущением стилистической и содержательной (субъектной) вариативности, которая служит отражению наиболее общей и объективной картины функционирования отдельно взятой группы метанарративных маркеров в биографических нарративах указанных языков вне обусловленности личностными особенностями рассказчика или статусом героя повествования.

Формирование корпусов осуществлялось с применением программы – корпусного менеджера *AntConc* без искусственного выравнивания жанровых долей, чтобы обеспечить отражение реального состояния книжного рынка биографических изданий. В состав англоязычного корпуса вошли 43 биографии и 19 автобиографий, в состав русскоязычного – 25 биографий и 37 автобиографий. Англоязычный корпус включает 8 782 724 токена (словоформы между пробелами, в том числе повторяющиеся) и 102 680 типов (уникальных форм, считающихся по одному разу), показатель лексического разнообразия, отражающий отношение количества типов к количеству токенов (*type-token ratio (TTR)*), равен 0,01. В русскоязычный корпус вошли 648 891 токен и 104 236 типов, показатель TTR составил 0,16. Таким образом, можно констатировать существенное различие в размере и лексическом разнообразии корпусов. Следует отметить, что англо- и русскоязычные корпусы приблизительно сопоставимы по количеству типов. Это обстоятельство обусловлено прогнозируемо высокой повторяемостью служебных (артикли, предлоги, союзы) и некоторых самостоятельных (местоимения) частей речи в текстах англоязычных биографий и автобиографий.

Разница физических объемов англо- и русскоязычного корпусов уравнивается расхождением в богатстве словарного запаса (в англоязычном корпусе больше токенов, русскоязычный корпус характеризуется более богатым вокабуляром), что делает неравновеликие массивы языковых данных в целом сопоставимыми в рамках исследования метанарративной рефлексии о структуре сюжета. Кроме того, существенная разница в количестве токенов нивелируется использованием относительных показателей (процентных долей), поэтому выявленные различия в частотности употребления метанарративных маркеров не являются артефактом объема корпусов.

Дальнейшая процедура отбора и количественной фильтрации метанарративных лексем в рамках исследования была многоступенчатой, что позволило получить финальные списки из 16 английских и 6 русских маркеров структуры сюжета, наиболее функциональных в биографическом нарративе.

На первом этапе методом сплошной выборки из словаря нарратологических терминов Дж. Принса² и энциклопедии нарративной теории³ был сформирован общий список единиц метанарративного уровня на английском языке, сгруппированных по лексико-семантическим классам (сюжет и его структура, действующие лица и силы, коммуникативная ситуация наррации, техника подачи повествования, пространство и время, текстуальные признаки, типы и жанры нарратива). На втором этапе каждая единица проверялась по корпусу печатных текстов системы *Google books ngram viewer*, и в укороченный список включались только лексемы с частотностью выше 0,000 000 1 %. Полученный перечень составил 201 английскую лексему, 24 % лексем этого перечня (48 единиц) относились к лексико-семантическому классу «Сюжет и его структура».

На третьем этапе происходила функциональная верификация: отобранные лексемы проверялись сначала в Британском национальном корпусе (*British national corpus*), а затем в специально созданном корпусе англоязычных биографических нарративов. Единицы, используемые преимущественно как узкоспециальные термины либо не реализующие метанарративное значение в биографическом дискурсе (включая случаи омонимии), исключались, в результате чего финальный список маркеров структуры сюжета сократился до 16 лексем, выявленных в 1741 контексте.

Для русского языка была проведена аналогичная процедура с опорой на словарь литературоведческих терминов С. П. Белокуровой⁴, словарь нарратологических терминов В. Шмида⁵ и толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина⁶. Укороченный список после частотного отбора включал 145 лексем, из которых 19 % (27 единиц) относились к лексико-семантическому классу «Сюжет и его структура». Последующая проверка их функционирования в Национальном корпусе русского языка и авторском корпусе русскоязычных биографических нарративов привела к формированию финального списка из 6 метанарративных маркеров структуры сюжета в 87 контекстах.

²Prince G. A dictionary of narratology. Lincoln : Routledge, 1987. 118 p.

³Routledge encyclopedia of narrative theory / D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan (eds). London : Routledge, 2008. 718 p.

⁴Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов // Культура письменной речи : сайт. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 17.01.2026).

⁵Шмид В. Нарратология. М. : Языки славян. культуры, 2003. 312 с.

⁶Крысин Л. П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-Пресс книга, 2012. 416 с.

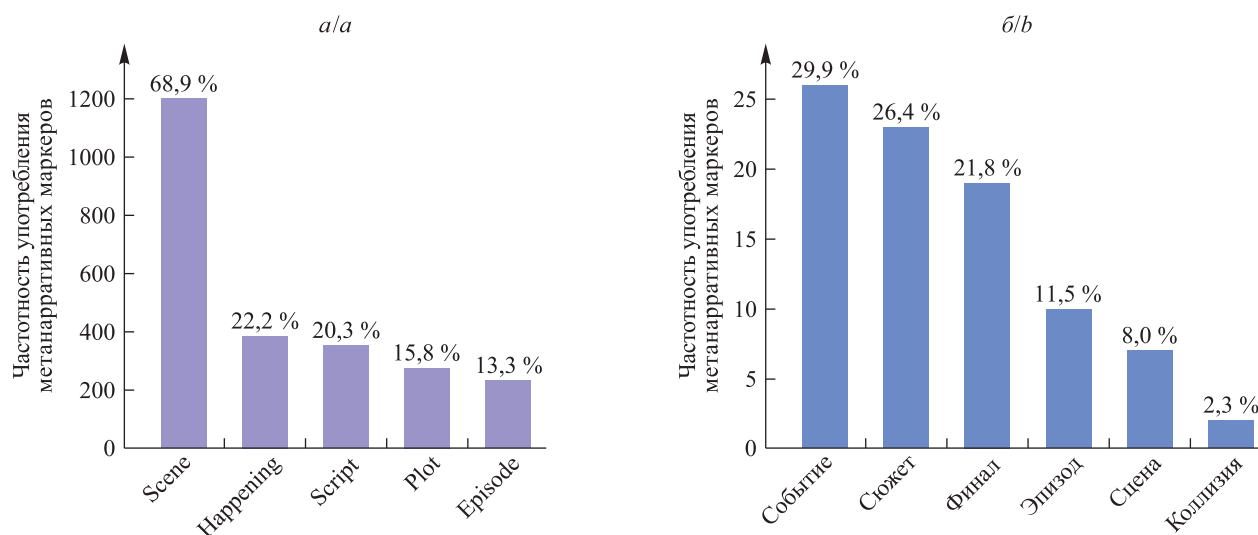
Результаты и их обсуждение

Современные исследования нарративной идентичности [5; 16; 27; 28] выявляют универсальные механизмы осмысления жизненного опыта через призму повествовательных структур при сохранении культурно-специфичных особенностей их языкового воплощения [29; 30]. Сопоставительный анализ способов экспликации концептуальных представлений о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе позволяет выявить как типологические, так и идиоэтнические черты концептуализации жизненного опыта в различных лингвокультурах. Данный анализ выявил существенные количественные различия в объеме и характере употребления метанарративных маркеров лексико-семантического класса «Сюжет и его структура» в исследуемых языках.

В англоязычном материале зафиксировано вариативное употребление 16 лексем метанарративного уровня (*anticlimax* ‘антикульминация’, *climax* ‘кульминация’, *complication* ‘завязка’, *denouement* ‘развязка’, *epilogue* ‘эпилог’, *episode* ‘эпизод’, *happening* ‘случай (событие)’, *leitmotif* ‘лейтмотив’, *plot* ‘сюжет’, *prologue* ‘пролог’, *quest* ‘квест (поиски, условный «отъезд рыцаря на поиски приключений)», *reversal* ‘перелом (крутой поворот, смена ролей)’, *scene* ‘сцена’, *script* ‘сценарий’, *sequence* ‘последовательность’, *turning point* ‘поворотный момент’) в 1741 контексте (из них 49,6 % составляют контексты с выраженной метафоричностью). В русскоязычном корпусе выявлено только 6 метанарративных лексем (*коллизия*, *сюжет*, *финал*, *сцена*, *эпизод*, *событие*) в 87 контекстах (из них 54 % характеризуются метафорическим употреблением).

Приблизительно одинаковое процентное соотношение метафорических и терминологических словоупотреблений метанарративной лексики в англо- и русскоязычных биографических нарративах указывает на общую тенденцию метафорически осмысливать жизненный опыт через нарративные структуры при сохранении культурно-специфичных особенностей лексической реализации данного осмысления.

Приведенные на рисунке диаграммы наглядно демонстрируют кардинальные межъязыковые различия в частотности употребления метанарративных маркеров. В целом наиболее продуктивными в русскоязычном материале оказались лексемы *событие*, *сюжет* и *финал*, в англоязычном материале такими лексемами стали *scene*, *happening* и *script*.

Частотность употребления метанарративных маркеров сюжета в англоязычном (а) и русскоязычном (б) биографическом нарративе

Frequency of metanarrative markers of the plot in English (a) and Russian (b) biographical narrative

Анализ русскоязычного материала показал, что лексема *событие* функционирует исключительно для обозначения жизненных вех и поворотных моментов биографии. Характерными дистрибутивными свойствами данной лексики являются эпитеты эмоциональной окраски (*радостное событие*, *печальное событие*, *незабываемое событие*) и темпоральные характеристики (*историческое событие*).

В англоязычном нарративе аналогичную функцию выполняют лексемы *turning point* и *reversal*, которые также тяготеют к контекстам, содержащим стилистические приемы антитезы и парадокса для подчеркивания кардинального характера жизненных перемен: *That was the turning point. I lost love and found a career* [31, p. 259] ‘Это был поворотный момент. Я лишилась любви и приобрела карьеру’; *He particularly enjoyed talking about the reversal of fortune of being once rejected by Harvard but later being*

invited there to give a talk [32, p. 109] ‘Особенное удовольствие он получал, рассказывая о крутом повороте судьбы: когда-то в Гарварде его отвергли, а позже пригласили туда читать лекцию’.

Лексема *сюжет* в русскоязычном материале характеризуется преимущественно терминологическим употреблением (87 % контекстов), при этом эпизодические метафорические употребления связаны с концептуализацией жизненных ситуаций через призму интертекстуальности (*диккенсовский сюжет*) или каузальности (*сюжет разрушения*). Английский не прямой эквивалент *plot* демонстрирует более широкий спектр метафорических значений, включая фразеологизированные употребления (*lost the plot* ‘сошел с ума, утратил связь с реальностью’).

Английский метанарративный маркер *scene* характеризуется наибольшей частотностью среди метанарративных маркеров. В большинстве случаев данный маркер используется для описания событий (фоновых или групповых действий, отдельных эмоционально окрашенных эпизодов, связанных с публичной демонстрацией чувств или ярких переживаний) как сцен из пьесы или фильма (*a dramatic scene played out in court* ‘в суде разыгралась драматическая сцена’; *I looked at the hunched, defensive body of the woman. She was pitifully thin. The scene was pitiable* [33, p. 177] ‘Я посмотрел на сутуленную, зажатую фигуру женщины. Она была плачевно худой. Вся эта сцена была плачевна’).

С точки зрения функциональности маркер *scene* подчеркивает театрализацию и экспрессивность повествования. Дистрибутивные характеристики данного маркера достаточно часто сопрягаются с интертекстуальными сравнительными конструкциями, как правило, кинематографическими (*the conversation, which might sound like a scene from a movie* ‘разговор, который мог бы звучать как сцена из кинофильма’; *it resembled a scene from a horror film* ‘это напоминало сцену из фильма ужасов’) [34, p. 165].

Русскоязычный маркер *сцена* встречается значительно реже, преимущественно в переносном значении ‘фрагмент социально или эмоционально насыщенной ситуации’ (*безобразная сцена, немая сцена*). Данная лексема употребляется обычно в контекстах, связанных с неприличным или излишне эмоциональным проявлением на глазах у других (нередко с оценочным компонентом).

Английская лексема *happening* встречается в 386 контекстах (22,2 % выборки) и представляет собой относительно частый метамаркер, но при этом доля явно метафорических употреблений данной лексемы низкая (0,5 %). В основном лексема обозначает нейтральное происшествие или случай, не всегда выделяемый как существенный эпизод. В биографии метамаркер *happening* чаще всего используется для рутинного описания последовательности реальных событий, не вынесенных в ранг ключевых для жизненного сюжета (*the comfort book is one which always remains a private happening* [35, p. 16] ‘книга-утешение – это та, что навсегда остается глубоко личным происшествием’). В отличие от него, достаточно близкое по смыслу и месту в нарратологической терминологии русскоязычное слово *событие* (соотношение терминов *event* и *happening* подробно описано Дж. Принсом⁷) встречается в 26 контекстах (29,9 % выборки) и маркирует важную биографическую веху, запоминающийся момент, т. е. не просто событие, а событие, обладающее *tellability* ‘повествовательной значимостью’ (достойное включения в структуру нарратива). Вокруг *события* чаще разворачивается нарративная ось – оно имеет четкие границы начала, конца и последствий. В данном случае наблюдается некоторая речевая интенсификация: всякий нарратив по определению состоит из событий, но далеко не каждое событие, упоминаемое в нарративе, удостоивается прямой номинации. Следовательно, повествуемое событие, лексически маркированное как *событие*, заслуживает особого внимания адресата: *Мне неизвестно, пришел бы я к театру, вышел бы на сцену, стал бы делать спектакль, писать пьесы, а потом и литературу без того вполне случайного, неожиданного и теперь кажущегося магическим события. СО БЫТИЕ... Нет более точного слова, более верного называния для моей первой настоящей встречи с театром*⁸ [36, с. 5].

Английский маркер *script* встречается в 353 контекстах (20,3 % выборки). Преимущественно он употребляется в значении ‘план действий, предполагаемый ход развития ситуации или последовательности этапов биографии’ (*life doesn't always follow the script* ‘жизнь не всегда следует сценарию’) [37, p. 70] и наиболее часто встречается при метафоризации жизненного пути, когда нарратор оценивает осмысленность и предопределенность происходящего или, напротив, непредсказуемость жизни через отсылку к писательскому или театральному ремеслу.

Русский эквивалент *сценарий* непосредственно как эксплицитный метанарративный маркер в материалах встречается реже, однако аналогичные функции реализуются через лексему *сюжет* (особенно в значении заданной линии, хода событий (*сюжет разрушения*)). В данном случае маркер *сюжет* (*сценарий*) выполняет функцию концептуализации новой фазы, этапа или причинно-следственной связи между эпизодами.

⁷Prince G. A dictionary of narratology... P. 28–39.

⁸Цитаты приводятся с сохранением особенностей оригинала. – О. Л.

Сопоставительный анализ также позволил выявить различия в концептуализации временной структуры биографического нарратива. В русскоязычном материале лексема *финал* употребляется преимущественно как эвфемизм смерти или негативно окрашенного завершения жизненного этапа (*финал детства, печальный финал*). Англоязычный нарратив использует для аналогичных целей лексемы *denouement* и *epilogue*, которые сохраняют более нейтральную окраску, употребляются крайне редко (в единичных контекстах) и применяются с референцией как к жизням отдельных людей, так и к геополитическим событиям (*civilian suffering in the coming denouement* ‘страдания мирного населения в грядущей развязке’) [38, p. 447].

Подобного рода метанарративные конструкции могут обыгрываться как метаструктурные референции ко всему произведению, в котором повествуется о жизни человека, благодаря чему проводятся параллели между реальностью (сложившейся судьбой) и содержанием нарратива. Такой прием использовал биограф С. Джобса, завершивший работу над биографией незадолго до смерти ее героя: «*If I do something else amazing, that means you get to write a second volume*». *He smiled at that thought, then added, «Or at least a very long epilogue». Sadly, this is a short epilogue* [39, p. 579] ‘«Если я совершу еще что-нибудь по-настоящему выдающееся, значит, вам придется написать второй том». Он улыбнулся этой мысли и добавил: «Или хотя бы очень длинный эпилог». Увы, это короткий эпилог’.

Концептуализация дискретных единиц жизненного опыта также различается: русскоязычная лексема *эпизод* (70 % метафорических употреблений) тяготеет к обозначению курьезных, неудобных, запоминающихся или, напротив, типичных либо незначительных, не стоящих запоминания событий со слабо выраженной оценочной коннотацией (*вчерашний ночной эпизод* [40, с. 31]). Английская эквивалентная лексема *episode* функционирует в более широком семантическом диапазоне, включающем как эмоционально-оценочные, так и нейтральные обозначения жизненных фрагментов (*I recall a slightly surreal episode in the shop* [41, p. 128] ‘я вспоминаю слегка сюрреалистический эпизод в магазине’; *an important episode in his career* [42, p. 270] ‘важный эпизод его профессиональной биографии’). Данные лексемы имеют общий коннотативный компонент ‘курьезный случай, достойный пересказа’, но русскоязычный материал чаще подчеркивает характер байки, анекдотической ситуации (*забавный эпизод, этот эпизод после награждения и неудобно пересказывать* [43, с. 40]).

В обеих лингвокультурах метанарративные маркеры выполняют функцию регуляции коммуникативного регистра, характер которой различается: английские маркеры демонстрируют большую вариативность в плане повышения или понижения стилистического регистра (*quest* ‘рыцарское путешествие-поиск’ и *lost the plot* ‘сошел с ума, потерял берега’), тогда как русскоязычные лексемы преимущественно повышают торжественность или драматизм повествования: *Для экипажа это привычное и будничное действие, для курсантов событие историческое* [44, с. 88]. *Фантастический, невероятный сюжет* [45, с. 10].

Экспрессивность высказываний в обеих языковых системах усиливается за счет лексико-синтаксических стилистических средств в ближайшем контексте метанарративных маркеров, при этом для русскоязычного материала характерно более частое употребление эмоционально-оценочных эпитетов.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить как общие черты, так и идиоэтнические (обусловленные лингвокультурной спецификой концептуализации жизненного опыта) особенности языкового воплощения метанарративной рефлексии о структуре сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе.

К общим чертам относятся концептуализация жизни через призму нарративных структур, метафорическое употребление терминологической лексики для обозначения поворотных моментов биографии, использование метанарративных маркеров заданной группы в качестве регуляторов экспрессивности высказывания (в совокупности с такими стилистическими приемами, как антитеза и парадокс, которые служат для усиления экспрессивности) и повышения (понижения) коммуникативного регистра.

Культурно-специфическими особенностями русскоязычного нарратива являются существенно меньшее разнообразие метанарративной лексики при более высокой степени метафоризации отдельных лексем, преобладание эмоционально-оценочных коннотаций, тенденция употреблять лексему *финал* как эвфемизм смерти, более частотные интертекстуальные отсылки. Англоязычный нарратив характеризуется большим лексическим разнообразием метанарративных маркеров, их морфологической продуктивностью (*climax – anticlimax*), более широким диапазоном реализуемых стилистических функций и наличием фразеологизированных словоупотреблений.

Английские маркеры демонстрируют значительно большую частотность и вариативность употребления, однако при этом слово *scene* играет главную роль в театрализованной визуализации жизненного

опыта. В русском материале лексема *событие* выступает основным маркером жизненных вех, оттеняя их субъективную значимость, лексема *цена* используется в качестве экспрессивного компонента высказывания, лексема *сюжет (сценарий)* реже маркирует структуру (в отличие от англоязычного биографического нарратива), чаще концептуализирует логику и причинность.

Таким образом, в обоих языках наиболее частотные метанарративные маркеры структуры жизненного сюжета не только отражают общие нарративные схемы (театрализация, событийная наполненность, каузальность), но и выражают разное отношение биографа к структуре и повествовательной значимости жизненного материала.

Библиографические ссылки

1. Лютар ЖФ. *Состояние постмодерна*. Санкт-Петербург: Алетей; 1998. 160 с.
2. Зайцева ЮЕ. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2016;16(1):118–136.
3. Волков ВН. Постмодерн: недоверие к метанарративам. *Культурное наследие России*. 2015;(2):3–11.
4. Бабич ВВ. Нарративная идентичность: между онтологией и эпистемологией (опыт XX века). *Философия и культура*. 2024;7:43–55. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.7.43834.
5. Bruner J. Life as narrative. *Social Research*. 2004;71(3):691–710. DOI: 10.1353/sor.2004.0045.
6. Brannen J. *Social research matters: a life in family sociology*. Bristol: Bristol University Press; 2019. Life stories: biographical and narrative analysis; p. 157–178.
7. Brooks E, Coates O, Gulliford L. The use of biographical narratives in exemplarist moral education. *Journal of Moral Education*. 2021;53(1):176–194. DOI: 10.1080/03057240.2021.1964451.
8. Barstad GE, Knutsen KSP, Vestli EN, editors. *Exploring identity in literature and life stories: The elusive self*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing; 2019. 368 p.
9. Demazière D, Wittorski R, West L. Professionalism and the auto/biographical imagination. In: Demazière D, Wittorski R, editors. *Encyclopedia of professionalization*. Hoboken: Wiley; 2024. DOI: 10.1002/9781394332427.ch10.
10. Smith S, Watson J. *Reading autobiography: a guide for interpreting life narratives*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2010. 392 p.
11. Клементьева МВ. Сюжеты автобиографических нарративов в контексте исследования личности. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2018;3:147–155.
12. Пергл Д. Белорусская идентичность в биографическом нарративе. *Славянский мир: общность и многообразие*. 2022;1:18–22. DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.04.
13. Федорова НВ, Требухина НВ. *Лексические особенности текстов мемуарно-биографических произведений и их передача с английского языка на русский* [Интернет]. 2023 [протитировано 30 января 2024 г.]. Доступно по: <https://rulb.org/archive/7-43-2023-july/10.18454/RULB.2023.43.16>.
14. Смирнова ДС. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря Афанасия Никитина»). *Вестник Университета Российской академии образования*. 2011;1:30–36.
15. Хасанова ОВ, Каримова АА, Загидуллина ГФ. Мультимедийный нарратив в русском и англоязычном медиадискурсах. *Казанский лингвистический журнал*. 2022;5(3):369–378.
16. Boyd B, Blackburn J, Pennebaker JW. Universal narrative structure and the emotional impact of stories. *Science Advances*. 2020;6(32):eaba2196. DOI: 10.1126/sciadv.aba2196.
17. Рымарь НТ. Постмодернистский метанарратив. Двойное кодирование эстетической коммуникации: дискурс и личность. *Новый филологический вестник*. 2024;4:22–34. DOI: 10.54770/20729316-2024-4-22.
18. Фабрикант МС. Нарративный анализ национальной идентичности как теоретического конструкта и эмпирического феномена. У: Таўгень АІ, рэдактар. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі. Выпуск 4*. Мінск: Акадэмія паслядыпломнай адукацыі; 2008. с. 255–268.
19. Настусевич СВ. Концепция «новой биографической истории» в работах Л. П. Репиной: поиск формы и содержания. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2020;20(2):113–120.
20. Fludernik M. *An introduction to narratology*. Hausler-Greenfield P, Fludernik M, translators. New York: Routledge; 2009. 190 p.
21. Genette G. *Narrative discourse: an essay in method*. Ithaca: Cornell University Press; 1980. 285 p.
22. Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester: Wiley-Blackwell; 2009. 272 p.
23. McEnery T, Hardie A. *Corpus linguistics: method, theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 294 p.
24. Леонтович ОА. *Методы коммуникативных исследований*. Москва: Гнозис; 2011. 365 с.
25. Альперович ВД. Жизненные сценарии и биографические нарративы: сравнительный анализ концептуальных моделей. *Социальная психология и общество*. 2024;15(1):39–56. DOI: 10.17759/sps.2024150103.
26. Кузнецова ЮМ, Суворова МИ, Чудова НВ. Сценарий как форма репрезентации события в знаковой картине мира. *Труды Института системного анализа Российской академии наук*. 2019;69(1):70–82. DOI: 10.14357/20790279190107.
27. Бабич ВВ. Нарративная идентичность: реальность и воображение. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024;80:86–98. DOI: 10.17223/1998863X/80/8.
28. Щедрина ИО. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2023;3:124–129. DOI: 10.24866/1997-2857/2023-3/124-129.
29. Обдалова ОА, Левашкина ЗН. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности. *Язык и культура*. 2019;48:332–348.

30. Semege M. Cultural specificity and cinematic narration: unveiling cultural supremacist inflections of Euro-American theories. *Film International*. 2021;19(2):17–40.
31. Cohodas N. *Princess noire: the tumultuous reign of Nina Simone*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 2010. 480 p.
32. Clark D. *Alibaba: the house that Jack Ma built*. New York: HarperCollins; 2016. 304 p.
33. Shepherd R. *Unnatural causes*. London: Penguin Books; 2018. 464 p.
34. Kennedy-Macfoy E. *Into the fire: my life as a London firefighter*. London: Transworld Publishers; 2018. 576 p.
35. Latham M. *The bookseller's tale*. London: Penguin Books; 2021. 320 p.
36. Гришковец ЕВ. *Театр отчаяния. Отчаянный театр*. Москва: Автор; 2018. 304 с.
37. King J. *Challenged: living our faith in a post modern age*. Melbourne: Lulu.com; 2016. 550 p.
38. Farrell JA. *Ted Kennedy: a life*. New York: Penguin Press; 2022. 752 p.
39. Isaacson W. *Steve Jobs*. New York: Simon & Schuster; 2011. 630 p.
40. Бондарева А. *Железный путь*. Москва: Литрес; 2023. 276 с.
41. Samuel B. *An accidental bookseller: a personal memoir of Foyles*. Towcester: Puxley Productions; 2019. 174 p.
42. McGrath A. *C. S. Lewis: a life*. Carol Stream: Tyndale House Publishers; 2013. 431 p.
43. Нилин АП. *Эдуард Стрельцов. Памятник человеку без локтей*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус; 2020. 400 с.
44. Васильев ГК. *Годы. Мили. Судьбы*. Москва: РДП; 2020. 456 с.
45. Зельвенский СИ. *Роман Поланский. Творческая биография*. Москва: Эксмо; 2024. 372 с.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2026.
Received by editorial board 27.01.2026.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫБОРА СРЕДСТВ ПЕРЕВОДА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКИЙ

А. О. ПЕРЗАШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изучаются практика, особенности и закономерности выбора средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский на материале классического перевода романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В ходе исследования устанавливается типология средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский. Определяются ключевые стратегии перевода: использование безличных конструкций с местоимением *il*, глаголов, наречий, существительных или прилагательных, а также применение грамматической трансформации предложения. Выявляются закономерности выбора конкретной стратегии в зависимости от семантической группы, к которой относится слово категории состояния, и контекстуального окружения этого слова.

Ключевые слова: категория состояния; перевод; безличная конструкция; глагол; наречие; существительное; прилагательное; грамматическая трансформация; семантическая группа; Л. Н. Толстой.

ЗАКАНАМЕРНАСЦІ ВЫБАРУ СРОДКАЎ ПЕРАКЛАДУ СЛОЎ КАТЭГОРЫІ СТАНУ З РУСКАЙ МОВЫ НА ФРАНЦУЗСКУЮ

Г. А. ПЕРЗАШКЕВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Вывучаюцца практыка, асаблівасці і заканамернасці выбару сродкаў перакладу слоў катэгорыі стану з рускай мовы на французскую на матэрыяле класічнага перакладу рамана Л. М. Талстога «Ганна Карэніна». У ходзе даследавання ўстанаўліваецца тыпалогія сродкаў перакладу слоў катэгорыі стану з рускай мовы на французскую. Вызначаюцца ключавыя стратэгіі перакладу: выкарыстанне безасабовых канструкцый з займеннікам *il*, дзеясловаў, прыслоўяў, назоўнікаў або прыметнікаў, а таксама прымяненне граматычнай трансфармацыі сказа. Выяўляюцца заканамернасці выбару канкрэтнай стратэгіі ў залежнасці ад семантычнай групы, да якой адносіцца слова катэгорыі стану, і кантэкстуальнага асяроддзя гэтага слова.

Ключавыя словы: катэгорыя стану; пераклад; безасабовая канструкцыя; дзеяслоў; прыслоўе; назоўнік; прыметнік; граматычная трансфармацыя; семантычная група; Л. М. Талстой.

Образец цитирования:

Перзашкевич А.О. Закономерности выбора средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2026;1:87–97.
EDN: SIENIP

For citation:

Perzashkevich HA. Patterns of choosins the means of translating words of category of state from Russian into French. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2026;1:87–97. Russian.
EDN: SIENIP

Автор:

Анна Олеговна Перзашкевич – аспирант кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор И. С. Ровдо.

Author:

Hanna A. Perzashkevich, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
hanna.perzashkevich@gmail.com

PATTERNS OF CHOOSING THE MEANS OF TRANSLATING WORDS OF CATEGORY OF STATE FROM RUSSIAN INTO FRENCH

H. A. PERZASHKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article reviews practice, features and patterns of choosing the means of translating words of the category of state from Russian into French, based on the classical translation of L. N. Tolstoy's novel «Anna Karenina». The study establishes a typology of translation means for Russian words of the category of state into French. The key translation strategies have been identified including the usage of impersonal constructions with the pronoun *il*, the usage of verbs, adverbs, nouns, or adjectives, as well as application of grammatical sentence transformation. The revealed patterns governing the choice of a specific strategy show their dependence on the semantic group of the predicative word and its contextual milieu.

Keywords: category of state; translation; impersonal construction; verb; adverb; noun; adjective; grammatical transformation; semantic group; L. N. Tolstoy.

Введение

Сопоставление языков интересует исследователей со времени зарождения научного знания и остается актуальным в настоящее время. Язык как система знаков – это основной механизм построения модели действительности в сознании как каждого его носителя, так и целого коллектива. Репрезентация картины мира носителей того или иного языка позволяет исследователю делать выводы не только о собственно языковой системе, но и о культуре, ментальности, традициях, а также о базовых поведенческих установках, вписанных в коллективное сознание. Таким образом, у носителей разных языков языковые коды и общее представление о действительности могут иметь существенные различия. Для наиболее точного понимания носителя другого языка необходимо учитывать общность элементов реальности, представленных разными кодами, а также различия в самих реалиях и их систематизации. Поскольку распознавание действительности происходит от формы к содержанию, то можно утверждать, что важной частью исследования языка являются его специфичные элементы, которые не имеют прямых аналогов в других языках. Такие элементы возможно выделить при сопоставлении языков (в данном случае мы говорим о русском и французском языках).

Рассматриваемые языки принадлежат к индоевропейской языковой семье, однако входят в разные языковые группы: славянскую и романскую. Этим фактом объясняется общность базовых грамматических механизмов, таких как, например, формирование категориального значения частей речи или построение линейных синтаксических связей между подлежащим, сказуемым и второстепенными членами предложения, а также морфологическая разница элементов, осуществляющих эти связи. Отличия морфологических систем русского и французского языков указывают на изменения в модели объективной действительности, возникающие при переключении языкового кода. Так, носители русского языка могут столкнуться со сложностями в понимании французского не только из-за разницы в лексике. Камнем преткновения может стать и грамматика, поскольку именно она является основным механизмом связи единиц языкового кода, с помощью которого создается модель действительности. Носитель языка с определенным грамматическим строем, переходя на другой язык и используя иную грамматическую систему, фактически оказывается в новой реальности из-за разницы в механизме построения ее модели.

В данном исследовании мы говорим о разнице, возникающей в тексте при переводе на французский язык слов из лексико-грамматической категории состояния (далее – СКС), существующей в сознании носителей русского языка. Данная категория в русском языке является довольно специфичной, так как обладает довольно развитой семантикой, однако не имеет общности грамматической формы, из-за чего у ученых до сегодняшнего дня нет единой позиции относительно данного языкового явления [1].

Под категорией состояния мы понимаем языковое явление, описанное сначала Л. В. Щербой¹, а затем В. В. Виноградовым как «несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы

¹Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность: М. : Наука, 1974. С. 77–100.

времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки быть) и употребляются только в функции сказуемого»². Разница морфологической системы русского и французского языков не позволяет использовать прямой аналог слов, относящихся к этой категории в русском языке, при переводе на французский. Из-за возникающей на грамматическом уровне лакуны переводчику необходимо применять средство, позволяющее наиболее точно передать языковую действительность оригинального текста и сохранить эффект воздействия на воспринимающего текст.

В данном исследовании в качестве модели объективной для носителя русского языка действительности мы используем роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в котором нами были выделены конструкции, содержащие слова лексико-грамматической категории состояния. Для выделения и последующей систематизации единиц, которыми слова этой категории переводятся на французский язык, мы обращаемся к переводу романа. Таким образом, СКС в русском тексте являются для нас объектом исследования, а средства их перевода – его предметом.

Материалы и методы исследования

Поскольку текст романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» является материалом исследования, необходимо рассмотреть хронологический аспект его печати. Издание, к которому мы обращаемся, датировано 1963 г. Роман напечатан уже после проведения орфографической реформы 1918 г., следовательно, в тексте прижизненного издания автора романа и тексте, который используется в данном исследовании, есть некоторые отличия.

Опираясь на данные французских библиографов об используемом в настоящей работе переводе и материалы ведущих русских эмигрантских издательств Франции³ времени создания перевода А. Монго [2, с. XV – XVI; 3, с. 113–125], мы считаем, что автор упомянутого перевода работал с прижизненным изданием текста Л. Н. Толстого, так как данный перевод был сделан до 1936 г. (в этом году переводчик получил за него премию *Prix Langlois*⁴).

С учетом специфики орфографической реформы [4] целесообразно рассматривать до- и послереформенные русскоязычные издания романа «Анна Каренина» как один и тот же текст. По этой причине для данного исследования не имеет значения, с каким именно изданием текста Л. Н. Толстого работал А. Монго.

Методологическую основу настоящей работы составляют общенаучные (дедукция, индукция, анализ, синтез) и квантитативные методы, а также методы контрастивной лингвистики (сравнительный, контекстно-текстуальный, сопоставительный анализ).

Результаты и их обсуждение

В романе выявлены 1222 предложения, в которых содержатся 1519 словоупотреблений интересующей нас категории. С опорой на труды В. В. Виноградова⁵ и А. М. Пешковского [5] мы распределили СКС по семантическим группам, которые приведем в порядке убывания количества предложений, содержащих соответствующие группе СКС. Отметим, что СКС, входящие в состав предложения, но принадлежащие к другой семантической группе, в данном случае не учитываются. Некоторые конструкции могут содержать несколько типов СКС, поэтому общее число конструкций не будет равно сумме конструкций, составляющих каждую из групп. При подсчетах повторяющиеся при этом условии конструкции учитываются однократно.

Таким образом, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» представлены группы СКС со следующими значениями:

- модальности (950 предложений, содержащих 1126 СКС (74,1 %));
- чувства, эмоционального состояния, психологического переживания (160 предложений, содержащих 227 СКС (14,9 %));
- оценки действия или ситуации (52 предложения, содержащих 65 СКС (4,3 %));
- пространства или времени (42 предложения, содержащих 49 СКС (3,2 %));
- состояния природы (16 предложений, содержащих 18 СКС (1,2 %));

²Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове // Slovari.ru : сайт. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&oa0=14#s001> (дата обращения: 20.01.2026).

³Léon Tolstoï. Anna Karénine // SensCritique : website. URL: https://www.senscritique.com/livre/anna_karenine/196592/details (date de la demande: 11.01.2026).

⁴Henri Mongault // Académie française : website. URL: <https://www.academie-francaise.fr/henri-mongault> (date de la demande: 11.12.2025).

⁵Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове...

- достаточности, прекращения действия (9 предложений, содержащих 13 СКС (0,9 %));
- физического состояния, возникающего иногда как результат внешних восприятий и ощущений (11 предложений, содержащих 12 СКС (0,8 %));
- состояния окружающей среды (9 предложений, содержащих 9 СКС (0,6 %)).

При распределении СКС на группы учитывались следующие факторы: 1) лексическое значение каждого отдельно взятого СКС; 2) синтаксическое окружение СКС, т. е. компоненты-расширители, которые позволяют актуализировать определенное значение у многозначных слов. Исследуемые слова в семантических группах со значением чувства и эмоционального состояния, оценки действия или ситуации, состояния природы, состояния окружающей среды, а также физического состояния имеют синкретичную природу [6], из-за чего и возникает множественность вариантов перевода. Выбирая то или иное средство, переводчик актуализирует определенную сему.

Если переводчик воспринимает состояние как таковое, т. е. наделяет его особой значимостью, в качестве средства перевода используется безличный оборот. При этом учитывается характер семантики подлежащего. Как правило, здесь используется формальное подлежащее *il*, за которым скрывается некоторый субъект, чей узус позволяет рассматривать его как творителя непроизвольно возникающего состояния. В данном случае переводчиком используется модель *il* + предикат: *К утру Анна задремала, сидя в кресле, и когда проснулась, то уже было бело, светло и поезд подходил к Петербургу* [7, т. 8, с. 125] – *À l'aube cependant, elle s'assoupit dans son fauteuil; il fausait grand jour quind elle se réveilla; on approchait de Pétersbourg* [8, с. 165]; *Навдо послать за Лизаветой Петровной* [7, т. 9, с. 318] – *... il vaut mieux chercher Élisabeth Péetrovna* [8, р. 954]; *Тебе светло будет здесь...* [7, т. 8, с. 92] – *Il fera plus claire ici* [8, р. 124].

В большинстве случаев в позиции предиката оказывается безличный глагол, значительно реже используется личный глагол в значении безличного. Такое морфологическое выражение состояния объясняется спецификой его восприятия переводчиком как главного смыслообразующего элемента предложения. Если признавать, что личное местоимение третьего лица имеет идейную нагрузку, то некоторые выражения можно считать идиомами: *Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину* [7, т. 8, с. 58] – *Croyez-moi, il est grand temps de renoncer aux idées d'autrefois* [8, р. 82]; *Вы говорите, что жарко?* – *сказала она, остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронского...* [7, т. 9, с. 35] – *Vous dites qu'il fait chaud? dit-elle sur le pas de la porte en interrogeant Vronski du regard* [8, р. 649].

Такого рода выражения используются, когда состояние существует как таковое, независимо от каких-либо внешних факторов. В случае если состояние не существует само по себе или по воле потенциального субъекта-творителя, а зависит от ситуации, на которую указывает подлежащее, используется безличная конструкция типа *se* + *être* + приглагольное (наречие, существительное): *Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь. Да, хорошо было, очень хорошо...* [7, т. 8, с. 8] – *Un éclat de joie brilla dans les yeux de Stéphane Arcadiévitch. Oui, se dit-il en souriant, c'était charmant, tout à fait charmant...* [8, р. 20]; *Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно!* – *твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать* [7, с. 10] – *Ah! c'est affreux, affreux, affreux! répétait Stéphane Arcadiévitch, sans pouvoir trouver d'issue à son malheur* [8, р. 22–23].

В отличие от первого случая, здесь состояние в большей степени связано с субъектом, однако сам субъект не обладает для переводчика первостепенной значимостью, т. е. он либо отсутствует в предложении, либо не попадает в предикативный центр. Таким образом, субъект оказывается в позиции прямого дополнения и воспринимается как субъект – носитель состояния, возникающего в определенной ситуации.

Частеречная принадлежность составной именной части сказуемого обусловлена актуализацией определенной семы. Если фокус внимания переводчика находится на семе предметности, используется существительное, если на семе признака – прилагательное, причастие или наречие в зависимости от характера признака. Признак предмета выражается прилагательным, при наличии значения процессуальности используется причастие, а если речь идет о признаке ситуации, соотносящейся с такими категориями, как время и пространство, то используется наречие. Состояние может восприниматься как эмоция или ощущение, тогда с помощью существительного может быть актуализирована сема предметности. Какая бы часть речи ни была использована внутри безличной конструкции, наиболее значимым для переводчика является состояние как таковое. Именно таким восприятием обуславливается формирование предикативного центра с помощью безличного оборота, а условия протекания состояния или его субъект не являются константными элементами.

При актуализации связи состояния и субъекта-носителя в ситуации, при которой состояние получает локализацию во времени, переводчик использует личные глаголы. Так подчеркивается процессуальность

состояния. Глаголы семантически достаточно разнообразны, чтобы передать значение состояния, реализованное в оригинале. Их синтаксическая валентность позволяет включать в предложение дополнительные элементы, которые характеризуют ситуацию в русскоязычном тексте. Однако в тексте на русском языке в предикативном центре оказывается одиночное СКС, что свидетельствует о второстепенности субъекта, не являющегося ключевым элементом пропозиции. В переводе на французский язык субъект попадает в предикативный центр, следовательно, он становится настолько же значимым, как и само состояние.

Когда субъект воспринимается в качестве носителя состояния или обладателя признака, переводчик может использовать устойчивое выражение (*expressions de sentiment*) типа *avoir* + существительное. Наиболее значимым в таком случае оказывается не состояние как таковое, а его прямая соотнесенность с субъектом, показанным в той или иной ситуации обладателем определенной черты, под которой в широком смысле может подразумеваться чувство, эмоция, возможность и т. п.

При переводе состояние может восприниматься переводчиком как признак. В таком случае актуализируется соответствующая сема и признак становится наиболее значимым элементом предложения, а субъект представляется как его носитель. Важно, что природа субъекта здесь не играет роли: его одушевленность или неодушевленность не оказывают влияния на общее значение предложения. При актуализации семы признака возможно подчеркнуть процессуальность состояния. В этом случае используются причастия. Так сохраняется предикативный центр предложения, в то время как при использовании прилагательных состояние выходит за его пределы и попадает в позицию определения, как правило, обособленного, в результате чего фокус внимания воспринимающего текст человека сосредоточивается на признаке.

Для перевода СКС может быть использовано существительное, если переводчик воспринимает состояние как самостоятельный субъект действительности. В этом случае актуализируется сема признака, что обусловлено высокой степенью восприимчивости, как при физическом ощущении. Предметность состояния позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного элемента действительности, который может находиться как в центре пропозиции, так и на ее периферии. Существительное обладает достаточным потенциалом для того, чтобы соотносить опредмеченное состояние с ситуацией и действиями, имеющими временную отнесенность, при этом подобное состояние может быть наделено определенными признаками.

В случае восприятия состояния как признака действия при переводе предикативный центр смещается на действие. Так оно становится наиболее значимым элементом предложения, а состояние становится характеристикой действия и занимает позицию обстоятельства. Здесь для перевода СКС закономерно использовать наречие, поскольку его категориальное значение признака действия идентично в русском и французском языках. Переводчик может прибегать к использованию наречия, руководствуясь собственной интенцией, закономерно обусловленной семантической близостью СКС в русском и *les adverbess* во французском языках.

При решении переводческой задачи о передаче прагматического значения оригинальной конструкции, в которой содержится СКС, т. е. о сохранении ее общей значимости в коммуникативном акте, в переводе может происходить частичная или полная грамматическая трансформация. При частичной трансформации наблюдается опущение СКС, а при полной изменяется лексико-грамматический состав конструкции в целом. В первой ситуации переводчик находит простейший способ решить проблему отсутствия во французском языке морфологического соответствия лексико-грамматической категории состояния в русском языке без потери общего смысла и коммуникативной значимости предложения. Во второй ситуации переводчику важно воссоздать атмосферу авторского текста. Для достижения этой цели могут быть использованы языковые средства, лексически не сопоставимые с оригинальными языковыми средствами.

В результате исследования мы типологизировали способы перевода СКС в порядке убывания частоты их применения.

Перевод с использованием безличных конструкций. *Надо же вам дать хоть кофею откушать, – сказал Матвей тем дружески грубым тоном, на который нельзя было сердиться [7, т. 8, с. 16] – Il faut pourtant vous donner le temps de déjeuner, rétorqua Mathieu, d'un ton si amicalement bourru qu'il eût été vain de se fâcher [8, р. 31]; Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! [7, т. 8, с. 10] – Évidemment il est fâcheux que cette personne ait été institutrice chez nous. Oui, c'est fâcheux [8, р. 23].* Такой способ перевода встречается во всех семантических группах, что делает его наиболее частотным. Данный тип перевода наиболее актуален при переводе семантических групп СКС со значением модальности, оценки действия или ситуации, времени и пространства, состояния природы, достаточности, состояния окружающей среды. Таким образом, в шести из выделенных восьми групп перевод с использованием безличных конструкций является самым частоиспользуемым. Однако

построение безличных конструкций возможно по различным моделям, между продуктивностью использования которых и семантикой определенной группы можно установить некоторую связь. Сперва рассмотрим используемые модели.

Первая модель *il* + предикат состоит из формального подлежащего, выраженного десемантизированным личным местоимением третьего лица, и сказуемого, позицию которого занимает безличный глагол или личный глагол в значении безличного, при необходимости присоединяющий синтаксические расширители: *Вы говорите, что жарко?* – сказала она, *остановившись у двери и вопросительно глядя на Вронского...* [7, т. 9, с. 35] – *Vous dites qu'il fait chaud? dit-elle sur le pas de la porte en interrogeant Vronski du regard* [8, р. 649]. Подобного рода конструкции воспринимаются носителями французского языка как целостные устойчивые образования, следовательно, для их обозначения уместно использование термина «конструкт». По этой причине к подобным безличным конструкциям можно отнести и выражения типа *il est temps* (*O! уже пора, – и пошел к двери* [7, т. 8, с. 142] – *Oh! Il est temps que je vous quitte, déclara-t-il et il se dirigea vers la porte* [8, р. 186]; *Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину* [7, т. 8, с. 58] – *Croyez-moi, il est grand temps de renoncer aux idées d'autrefois* [8, р. 82]), где позицию предиката занимают фундаментальный глагол бытия и именной компонент, но образование не дробится на составляющие, а имеет общее значение наступления определенного момента времени.

Вторая модель *ce* + *être* + приглательное (наречие, существительное) состоит из подлежащего, выраженного указательным местоимением, при необходимости содержащим конкретизирующий формант (*cela ça*), и сказуемого, выраженного фундаментальным глаголом бытия и именной частью (*Нет, мне все равно, – не в силах удерживать улыбки, говорил Левин* [7, т. 8, с. 46] – *Non, cela m'est égal, répondit Levine, souriant malgré lui* [8, р. 68]; *Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! – твердил себе Степан Аркадьич, и ничего не мог придумать* [7, т. 8, с. 10] – *Ah! c'est affreux, affreux, affreux! répétait Stéphane Arcadiévitch, sans pouvoir trouver d'issue à son malheur* [8, р. 22–23]). Составляющие конструкций данного типа имеют не такую прочную связь, как составляющие первого типа, т. е. речь пойдет уже не о конструктах, а о целостных конструкциях. Во второй модели, в отличие от первой, местоимение, занимающее позицию подлежащего, не является полностью десемантизированным, его значение заключается в указании на ситуацию, вокруг которой строится новое предложение – ситуацию, занимающую позицию подлежащего в сознании говорящего.

Выбор морфологической принадлежности именной части сказуемого зависит от того, что в данной ситуации обладает наибольшей значимостью для переводчика: признак ситуации, обстоятельства ее протекания или явность. В первом случае используется прилагательное, во втором – наречие, в третьем – существительное, так как именно об этой части речи носитель языка имеет наиболее явное представление за счет его семантики предметности.

Как видно из перевода текста романа, выбор переводчиком безличных конструкций первой модели обусловлен особой значимостью состояния как такового, а не ситуации, в которой оно протекает, или потенциального субъекта – его носителя. Такое понимание категории состояния наиболее близко к описанному Л. В. Щербой⁶ и В. В. Виноградовым⁷.

Указанная модель наиболее характерна для перевода СКС со значением модальности, состояния природы, физического состояния, которое, как следует из французского текста, вероятно, воспринимается носителем французского языка в качестве состояния природы. Общая семантика фрагментов текста, где были использованы безличные конструкции первой модели, позволяет заключить, что под безличным подлежащим *il* подразумевается субъект, который можно назвать творителем состояния, так как связанное с ним состояние протекает вне зависимости от внешних условий и чьего-либо волеизъявления.

При использовании безличных конструкций второй модели переводчик подчеркивает, что значимость имеет не только само состояние, но и ситуация, в которой оно протекает. Наиболее часто такой способ перевода встречается при передаче на французский язык СКС со значением оценки действия или ситуации, пространства и времени, достаточности, а также состояния окружающей среды. Подобный способ встречается и при переводе СКС со значением чувства или эмоционального состояния. В случае необходимости рассматриваемые конструкции могут расширяться за счет включения в их состав прямого дополнения, под которым подразумевается субъект – реципиент состояния (*ça m'est égal*). При подобном переводе предикативное ядро предложения, как и при использовании предикативных конструкций первой модели, является довольно близким к оригинальному.

⁶Щерба Л. В. О частях речи в русском языке...

⁷Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове...

Использование безличных конструкций в описанных случаях позволяет переводчику наиболее точно передать референциальное значение русских СКС, сохранив при этом их языковую значимость, т. е. соотнесенность выражающих звуковых комплексов, называющих состояния, с явлениями объективной действительности.

Перевод с использованием личных глаголов. *Больно! – Где больно? – Везде* [7, т. 9, с. 85] – ...*je souffre. – Où souffrez-vous? – Partout* [8, р. 702]; *Со мной? Со мной счастье! – сказал Левин, опуская окно кареты, в которой они ехали. – Ничего тебе? а то душно* [7, т. 8, с. 468] – *Ce qui t'arrive? le bonheur! répondit Levine en baissant la glace de la voiture. Tu permets? J'étouffe* [8, р. 567]. Такой способ встречается в семантических группах со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, оценки действия или ситуации, физического состояния, достаточности, состояния природы и состояния окружающей среды. Позицию подлежащего занимает субъект – носитель состояния, а позицию сказуемого – личный глагол, значение которого сопоставимо со значением русского СКС.

При данном способе перевода подчеркивается значимость субъекта, пребывающего в определенном состоянии, при этом состояние может восприниматься как желание или некоторая возможность субъекта (*я могу, я хочу – je peux, je veux*⁸), результат чувственного восприятия субъекта (*мы увидим – nous verrons*⁹), эмоциональное состояние (*я страдаю – je souffre*¹⁰) или физическое состояние (*я задыхаюсь – j'étouffe*¹¹). Такой перевод позволяет актуализировать временную отнесенность состояния за счет развитой временной парадигмы глаголов французского языка, например, длительность пребывания субъекта в определенном состоянии можно подчеркнуть, используя прошедшее незавершенное время (*Imparfait*).

Механизм связи субъекта, состояния и ситуации можно детализировать при помощи использования наклонений, система которых в французском языке, как и система времен, является более развитой, чем в русском. Так, при помощи условного наклонения (*Conditionnel*) можно указать на связь протекания состояния с некоторыми внешними условиями. Использование личного глагола в качестве предикативного центра позволяет свободно открывать в предложении позиции для объектов и сирконстантов. Таким образом, при переводе русских СКС на французский язык через личные глаголы выражение состояния является более точным и локализованным во времени в сравнении с оригиналом.

Перевод с использованием устойчивых выражений. *Не снять ли теперь пеню, голубушка? – прибавила она, обращаясь к Агафье Михайловне. – Совсем тебе не нужно это делать самой, и жарко, – остановила она Kumi* [7, т. 9, с. 142] – *N'est-ce pas le moment d'écumer, ma chère? demanda-t-elle à Agathe Mikhaïlovna... Non, non, ajouta-t-elle en retenant Kitty prête à se lever, ce n'est pas ton affaire, et tu aurais trop chaud près du feu* [8, р. 767]; *Но он, как и все мужчины, забывал, что и ей надо работать* [7, т. 9, с. 57] – *il oubliait complètement qu'elle aussi avait droit à une certaine activité personnelle* [8, р. 672–673]. Этот способ встречается в таких семантических группах, как СКС со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, физического состояния и состояния окружающей среды. В данном случае значимость имеет одушевленный субъект – обладатель определенного состояния. Оперировать понятием «обладатель состояния» позволяет формула, по которой строятся подобные конструкции: *avoir* + существительное или *avoir* + инфинитив. Таким образом, в позиции предиката оказывается фундаментальный глагол со значением обладания и, как правило, абстрактное существительное или инфинитив. Состояние в таком случае воспринимается переводчиком как чувство, которое испытывает субъект (*j'ai honte*), или как явление, которое может оказаться в ведении субъекта (*elle avait droit*).

Отсутствие артикля при существительном в подобных выражениях свидетельствует о том, что сема предметности, присущая существительному как части речи, в данном случае не имеет особого значения. Опираясь на ранее приведенное утверждение Л. В. Щербы, заключим, что существительное в данном случае расценивается как состояние. Для переводчика особенно важен тот факт, что субъект соотносится с состоянием как с фрагментом действительности, являясь в общем смысле его обладателем. Подобное понимание можно соотнести с пониманием субъекта как носителя признака, но сам признак в рассматриваемом случае менее значим, чем его связь с субъектом.

Перевод с использованием прилагательных и причастий. *Вареньке было и больно, и стыдно, но вместе с тем она испытывала и чувство облегчения* [7, т. 9, с. 156] – *Confuse et blessée, Varinka éprouvait pourtant un sentiment de délivrance* [8, р. 782]; *Такое же неприятное чувство испытывал Михайлов при виде живописи Вронского; ему было и смешно, и досадно, и жалко, и оскорбительно* [7, т. 9, с. 55] – *La peinture*

⁸Щерба Л. В., Матуевич М. И., Никитина С. А. Большой русско-французский словарь. М.: Русский язык – медиа, 2005. С. 228, 257.

⁹Там же. С. 499.

¹⁰Там же. С. 471.

¹¹Там же. С. 130.

de Vronski produisait sur Mikhaïlov un effet analogue: il la trouvait ridicule, insuffisante, pitoyable [8, p. 671]. В четырех группах из восьми нами зафиксирован способ перевода СКС с помощью прилагательных и причастий. Этот способ используется в группах, содержащих СКС со значением чувства или эмоционального состояния, пространства и времени, состояния природы и состояния окружающей среды. Субъект рассматривается в данном случае как носитель определенного признака, причем признак имеет для переводчика особую значимость. Отглагольный признак, т. е. признак, выраженный причастием, как правило, занимает позицию сказуемого в предложении, чему, вероятно, способствует его глагольная природа, в то время как собственно признак, выраженный прилагательным, чаще всего оказывается в позиции определения или обособленного определения. Предикативная основа предложений, содержащих подобный перевод СКС, меняется, а значит, у человека, читающего текст перевода, возникает восприятие пропозиций, отличное от восприятия человека, читающего оригинальный текст.

Перевод с использованием существительных. *Герой романа уже начал достигать своего английского счастья, баронетства и имени, и Анна желала с ним вместе ехать в это имение, как вдруг она почувствовала, что ему должно быть стыдно и что ей стыдно этого самого* [7, т. 8, с. 122] – *Le héros de son roman touchait à l'apogée de son bonheur anglais – un titre de baronnet et une terre, ou elle aurait bien voulu l'accompagner – quand soudain il lui sembla que ledit héros devait éprouver une certaine honte et que cette honte rejaillissait sur elle* [8, p. 161]; *Вокруг него было совершенно тихо* [7, т. 9, с. 151–152] – *Il régnait là un silence presque absolu...* [8, p. 778]. В четырех из восьми семантических групп встречается перевод СКС с помощью существительных. Этими группами являются группы СКС со значением модальности, чувства или эмоционального состояния, состояния природы и состояния окружающей среды. Состояние имеет для переводчика наибольшую значимость и воспринимается либо в качестве субъекта объективной действительности, как в случае описания состояния природы (*la chaleur*) или окружающей среды (*un silence*), либо в качестве чувства субъекта – носителя состояния, если речь идет об СКС со значением модальности (*l'obligation*) или эмоционального состояния (*une honte*).

В случае восприятия состояния как субъекта действительности существительные во французском варианте занимают позицию либо подлежащего (остается в предикативном центре), либо дополнения (обозначает смысловое подлежащее при безличном обороте, находящееся на границе предикативного ядра), либо косвенного дополнения (покидает предикативный центр).

Если состояние воспринимается как чувство определенного субъекта, то существительные при переводе, как правило, оказываются в позиции дополнения. Этот факт свидетельствует о смещении значимости с них на глаголы со значением ощущения. При подобном переводе внутри семантики состояния актуализируется сема предметности, что способствует более ясному восприятию состояния.

Перевод с использованием наречий. *Нет, уж, видно, лучше ни о чем не просить ее нынче, – думал он, – только бы, не напугав, выбраться отсюда* [7, т. 9, с. 352] – *Décidément, se dit-il, je ferais mieux de ne rien demander aujourd'hui et de filer au plus vite; autrement, je pourrais bien me casser le nez!* [8, p. 988]; *Вы этого не можете понять; вам, мужчинам, свободным и выбирающим, всегда ясно, кого вы любите* [7, т. 8, с. 317] – *Vous autres hommes, qui êtes libres dans votre choix, vous savez toujours clairement qui vous aimez...* [8, p. 394]. В трех из восьми групп зафиксирован перевод с помощью наречий (семантические группы, включающие СКС со значением достаточности, времени, оценки действия или ситуации). Использование наречий семантически оправданно только в случае перевода СКС со значением оценки действия или ситуации. Здесь состояние воспринимается как характеристика действия, совершаемого субъектом (*je ferais mieux; vous savez clairement*), т. е. само действие оказывается более значимым, чем его состояние. Синтаксическая роль таких наречий – обстоятельство образа действия.

При переводе СКС со значением достаточности переводчик использует французское наречие *assez*, значение которого идентично русскому наречию *достаточно*. Узус этого наречия во французском языке допускает его самостоятельное употребление в речи. Кроме того, оно может представлять контекстно неполную безличную конструкцию, однако носителям французского языка несвойственно реконструировать контекст, поэтому даже при возможности восстановления конструкции **Est-ce assez?* из слова *assez* носитель французского языка определяет предикативный центр вопроса как одиночное наречие.

Этот исключительный для французского языка случай можно объяснить довольно частым употреблением данного наречия в устной и письменной речи носителей французского языка. При переводе СКС со значением времени переводчик использовал вопросительное наречие *vraiment*, которое носитель русского языка определил бы, скорее, как вопросительную частицу, но для носителя французского языка решающим фактором определения части речи является морфологический облик слова. Так, суффикс *-ment* предполагает отнесение рассматриваемого слова к наречиям. Таким образом, выбор использования наречий при переводе СКС мотивирован либо восприятием состояния как характеристики действия, либо интенцией переводчика.

Перевод с использованием грамматических трансформаций. *Ответ этот: надо жить по потребностям дня, то есть забыться* [7, т. 8, с. 10] – *De réponse il n'en trouvait point...: se plonger dans le tran-tran quotidien, c'est-à-dire oublier* [8, р. 23]; *Вронский не говорил с ним о своей любви, но знал, что он все знает, все понимает как должно, и ему приятно было видеть это по его глазам* [7, т. 8, с. 210] – *Sans lui en avoir jamais soufflé mot, il lisait dans ses yeux que Iachvine savait tout et prenait la chose avec sérieux voulu* [8, р. 266]. Подобное явление встречается в пяти из восьми семантических групп. При переводе СКС со значением модальности, оценки действия или ситуации, времени и пространства наблюдается опущение слова-состояния, т. е. переводчик считает возможным передать общее значение предложения без включения в его структуру слова-состояния, что свидетельствует о совершенно ином восприятии данной категории носителем французского языка. Иногда состояние вообще не является для переводчика значимой единицей, следовательно, при переводе его можно опустить.

В случаях перевода СКС со значением достаточности, чувства или эмоционального состояния наблюдается полная грамматическая трансформация: происходит замена предикативного центра предложения. Задачей переводчика в таком случае является передача прагматического значения слова-состояния. Следовательно, для сохранения коммуникативной значимости выражения, центром которого является СКС, допустимо использовать лексические единицы, релевантное значение которых может быть несопоставимо с оригинальным значением, например, использование метафоры *il lisait dans ses yeux* [8, р. 266] вместо выражения *ему приятно было видеть это по его глазам* [7, т. 8, с. 210].

Заключение

Проведенное исследование позволяет представить языковые средства, с помощью которых СКС переводятся с русского языка на французский в виде поля: центральная зона – это перевод с использованием безличных конструкций и личных глаголов, в зоне ближней периферии оказываются перевод с использованием прилагательных и причастий, перевод с использованием существительных, а также перевод с использованием устойчивых выражений, в зону дальней периферии попадает перевод с использованием наречий. В последнюю зону можно включить перевод, при котором возникает грамматическая трансформация конструкции.

Концепция состояния складывается из трех взаимосвязанных ядерных элементов: само состояние, субъект и ситуация. Выбор средства перевода зависит от того, какой из элементов переводчик наделяет большей значимостью. Важное значение имеет и характер субъекта (его роль творителя или носителя состояния напрямую влияет на перевод). Выбранное переводчиком грамматическое средство показывает, как воспринимается состояние и какой элемент значения актуализируется.

При восприятии состояния как такового и сохранении его значимости в переводе используется безличный оборот. Модель с использованием безличного оборота выбирается в зависимости от характера подлежащего. Если за формальным подлежащим скрывается некоторый субъект, узус которого позволяет считать его творителем непроизвольно возникающего состояния, то переводчик использует модель *il* + предикат. В позиции предиката оказывается безличный глагол или личный глагол в значении безличного. Так переводчик сохраняет особую значимость состояния как такового. Если считать, что местоимение *il* имеет идейную нагрузку, то содержащие его устойчивые выражения можно считать идиомами. При таком переводе ситуация не имеет принципиального значения, поскольку возникновение и протекание состояния не зависит от внешних факторов.

В случае влияния ситуации на состояние, которое воспринимается как смыслообразующий центральный элемент предложения, используется безличная конструкция типа *se* + *être* + прилагательное (наречие, существительное). Состояние здесь, как и в первом случае, воспринимается как таковое, однако более вероятно возникновение его связи с субъектом, но такая связь либо не подчеркивается, либо определяется через введение прямого дополнения со значением субъекта – носителя состояния. Именная часть сказуемого может быть представлена разными частями речи в зависимости от того, какая сема состояния актуализируется переводчиком. Если фокус внимания сосредоточен на семе признака, то употребляется прилагательное или наречие в зависимости от характера признака: при соотношении состояния с предметом выбирается прилагательное, при добавлении элемента процессуальности – причастие, при соотношении с действием или такими категориями, как время и пространство, используется наречие. Когда актуализируется сема предметности, средством перевода состояния оказывается существительное, при этом переводчик может воспринимать состояние как эмоцию или ощущение. Важно заметить, что вне зависимости от частеречной принадлежности сказуемого внутри безличной конструкции первостепенную значимость имеет состояние как таковое, а субъект и ситуация протекания являются факультативными факторами.

Особую значимость для переводчика может иметь связь состояния и субъекта-носителя. В таком случае категория состояния переводится через личные глаголы. Этот способ дает возможность подчеркнуть процессуальную природу состояния, а также его соотнесенность со временем и ситуацией протекания. Глаголы достаточно разнообразны семантически, чтобы с их помощью передавать оригинальное значение состояния, они обладают достаточной синтаксической валентностью для расширения предложения необходимыми элементами, характеризующими ситуацию. Но здесь в переводе фиксируется значительное отличие от оригинального текста. В тексте на русском языке предикативный центр представлен одиночными СКС, а значит, связь с субъектом не является ключевой для понимания пропозиции, в переводе на французский субъект – носитель состояния попадает в предикативный центр, что делает его настолько же значимым, как и само состояние.

Субъект может наделяться особой значимостью и восприниматься переводчиком как носитель состояния или обладатель признака. Для того чтобы подчеркнуть связь состояния и субъекта при условии, что оба эти компонента являются центральными смыслообразующими элементами предложения, переводчик может использовать устойчивые выражения типа *avoir* + существительное. При необходимости субъект здесь становится обладателем некоторой черты, под которой в широком смысле подразумевается чувство, эмоция, возможность и т. п.

Признак может становиться для переводчика первостепенной семой состояния, тогда для его передачи на французский язык используются прилагательные или причастия. Перевод с помощью причастий при актуализации семы признака позволяет подчеркнуть процессуальную природу состояния и сохранить состояние внутри предикативного центра предложения, в то время как при использовании прилагательных оно выходит из зоны предикативного центра и занимает позицию определения, чаще обособленного, что сохраняет фокус внимания на признаке. Субъект воспринимается как носитель признака. Ситуация является факультативным элементом.

Состояние может восприниматься как самостоятельный субъект действительности, причем степень его восприятия может быть сопоставима с физическим ощущением. Тогда актуализируется сема предметности и при переводе используется существительное. Подобная передача состояния позволяет делать его или смыслообразующим элементом, помещая в центр пропозиции, или второстепенным, отправляя на периферию, что влечет за собой изменение синтаксической роли состояния. Потенциал существительного позволяет сопоставлять опредмеченное состояние с ситуацией, действиями и их временной отнесенностью, наделять его теми или иными признаками.

Восприятие состояния как признака действия выражается в использовании наречия при переводе. Предикативный центр в таком случае смещается на действие, которое попадает в позицию сказуемого, а состояние становится его синтаксическим расширителем в позиции обстоятельства образа действия. Значение наречия в русском и французском языках аналогичны, а поскольку по формальным признакам СКС в большинстве случаев идентичны наречиям [1], то справедливо их сопоставление с *les adverbess*.

При переводе первостепенной задачей может являться сохранение прагматического значения конструкции, содержащей в оригинале СКС. Чтобы сохранить ее общую значимость в коммуникативном акте, переводчик прибегает к грамматической трансформации рассматриваемых конструкций. В одних случаях достаточным для переводчика является опущение СКС, в других необходима полная лексико-грамматическая трансформация. Когда при переводе опускается СКС, но общая структура предложения не меняется, как правило, сохраняются общий смысл и атмосфера оригинального текста. При полной грамматической трансформации сохраняется атмосфера оригинала и эффект воздействия на читателя, даже в случае использования переводчиком языковых средств, лексически не сопоставимых с оригинальными, но обладающих необходимой смысловой значимостью.

В результате проведенного исследования было установлено, что в случае описания состояния, которое проявляется только в семантических категориях модальности, состояния природы и в некоторых случаях описания состояния окружающей среды, которое, согласно примерам из текста, семантически не отделимо от состояния природы, передается значение, наиболее точно соответствующее оригинальному смыслу, вкладываемому в понятие СКС. В остальных случаях происходит актуализация таких понятий, как субъект и (или) ситуация, определение их специфики и связи с состоянием, которое может восприниматься переводчиком как таковое, как признак субъекта, ситуации или действия, совершаемого субъектом, или же как самостоятельный субъект, существующий в объективной действительности.

Однако стоит учитывать, что восприятие состояния в целом носит субъективный характер. Следовательно, выбор тех или иных называющих его языковых средств обусловлен тем, как выглядит модель объективной реальности (в данном исследовании понятие синонимично авторской реальности,

т. е. языковой реальности Л. Н. Толстого) в сознании переводчика. Интегрирование ее в текст при создании перевода в конечном счете приведет к созданию иной, в сравнении с оригинальной, языковой реальности, а значит, можно утверждать, что носители русского и французского языков при прочтении одного и того же текста столкнутся с различными языковыми пространствами и разной действительностью.

Библиографические ссылки

1. Перзашкевич АО. Формирование лексико-грамматической категории состояния в русском языке. *Русский язык и литература*. 2025;5:55–64.
2. Флоровский Г. *Пути русского богословия*. Париж: YMCA-Press; 1937. 620 с.
3. Ильин ИА. *Собрание сочинений. Том 2. Книга 2*. Москва: Русская книга; 1993. 481 с.
4. Кульман НК. *О русском правописании*. New York: Holy Trinity Monastery Jordanville; 1964. 16 с.
5. Пешковский АМ. *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Языки славянской культуры; 2001. 544 с.
6. Перзашкевич АО. К вопросу о синкретичной природе состояния в русском языке. У: Навумава ГУ, рэдактар. *Мова і літаратура. Матэрыялы 82-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 23 красавіка 2025 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2025. с. 75–79.
7. Толстой ЛН. *Собрание сочинений*. Москва: Художественная литература; 1963. Анна Каренина; том 8–9.
8. Tolstoj L. *Anna Karénine*. Paris: Gallimard; 1992. 1168 p.

Статья поступила в редколлегию 12.02.2026.
Received by editorial board 12.02.2026.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Савастюк М. Л. Полисемия англицизмов в белорусском языке (с практико-ориентированными заданиями). Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2025. 48 с. (на белорус.).

Савасцюк М. Л. Полісемія англіцызмаў у беларускай мове (з практыка-арыентаванымі заданнямі). Мінск : Рэсп. ін-т высш. шк., 2025. 48 с.

Savasciuk M. L. Polysemy of Anglicisms in the Belarusian language (with practice-oriented tasks). Minsk : Natl. Inst. for High. Educ., 2025. 48 p. (in Belarus.).

Іншамоўныя запазычанні – адна з самых прадуктыўных груп у лексічным складзе беларускай мовы. Нават у старажытных помніках пісьменства мы заўважаем значны пласт слоў, што з’явіліся ў іх як вынік разнастайных кантактаў насельнікаў беларускага краю з прадстаўнікамі іншых этнасаў. Значную ў колькасных адносінах групу іншамоўных запазычанняў у беларускай мове складаюць англіцызмы, актыўнае запазычванне якіх пачалося пасля Другой сусветнай вайны. На мяжы II–III тысячагоддзяў працэс пранікнення англа-амерыканізмаў дасягнуў некантралюемых, у пэўнай ступені агрэсіўных маштабаў, што пагражала выпяцненню спрадвечнай лексікі.

Важнае значэнне ў працэсе адаптацыі англіцызмаў да адметных заканамернасцей беларускай мовы мае з’ява полісеміі як складаны і малавывучаны аспект моўнага ўзаемадзеяння. І калі сам факт запазычвання англіцызмаў ужо неаднойчы быў прадметам шматлікіх даследаванняў, то механізмы фарміравання і развіцця ў іх другасных семантычных прыкмет у сістэме беларускай мовы дагэтуль не атрымалі комплекснага вучэбна-метадычнага асвятлення. Аўтар рэцэнзуемага дапаможніка паставіў перад сабой комплексную задачу: ён хацеў даць студэнтам кнігу, у якой асобна спісала разглядаюцца тэарэтычныя пытанні развіцця се-

мантыкі англіцызмаў у беларускай мове, а таксама прыводзяцца адпаведныя запазычаныя адзінкі і іх дэрываты. Такі падыход робіць дапаможнік надзвычай запатрабаваным для падрыхтоўкі студэнтаў-філолагаў, лінгвістаў і перакладчыкаў, якія маюць патрэбу ў глыбокім разуменні працэсаў, што фарміруюць слоўнікавы склад мовы ў эпоху сусветнай глабалізацыі і лічбавізацыі.

Дапаможнік вызначаецца прадуманай і лагічнай структурай, якая паслядоўна вядзе карыстальніка ад тэорыі да практыкі.

Ва ўводзінах аўтар дае кароткую інфармацыю пра вывучэнне іншамоўных запазычанняў у беларускім мовазнаўстве, апісвае структуру і прызначэнне дапаможніка. Выданне вылучаецца фундаментальным характарам праведзенага лінгвістычнага аналізу і наяўнасцю адпаведнага практычнага інструментарыя для засваення фактычнага матэрыялу.

Тэарэтычная частка выдання складаецца з двух раздзелаў. У раздзеле «Паняцце полісеміі» прыводзяцца розныя падыходы да вывучэння з’явы шматзначнасці (семасіялагічны і анамасіялагічны), акцэнтуюцца ўвага на такіх паняццях, як лексіка-семантычны варыянт, лексіка-семантычная парадыгма. У раздзеле «Пераноснае значэнне англіцызмаў як камунікатыўна-стылістычны сродак» даецца агульная характарыстыка мадэлей семантычнай дэрывацыі, разглядаюцца фундаментальныя функцыі мовы і іх роля пры фарміраванні другасных найменняў (камунікатыўная, прагматычная, намінатыўная).

У практычную частку дапаможніка ўваходзяць тры раздзелы. Раздзел «Метафарызацыя як спосаб рэалізацыі крэатыўнага патэнцыялу англіцызмаў» уяўляе сабой корпус шматзначных англіцызмаў і іх дэрыватаў, што маюць метафарычны пераносны значэнні, з ілюстрацыямі (37 слоўнікавых артыкулаў). У склад слоўнікавага артыкула ўваходзяць загаловачнае слова, яго адпаведнік у мове-крыніцы,

тлумачэнне значэння з указаннем крыніцы, з якой яно ўзята, а таксама пашпартызаваныя ілюстрацыі (пераважна з беларускіх СМІ). Перад артыкуламі або пасля іх студэнтам прапаноўваюцца заданні.

У раздзеле «Адказы да заданняў раздзела “Метафарызацыя як спосаб рэалізацыі крэатыўнага патэнцыялу англіцызмаў”» прыведзена больш адзінак, чым у папярэднім раздзеле, падаюцца некаторыя выразы і словы, якіх няма ў саміх заданнях, напрыклад, *вяршыня айсберга* (с. 35), *вярнуцца бумерангам* (с. 37).

Раздзел «Аказіянальнае ўжыванне англіцызмаў» прысвечаны тым словам, якія, на думку аўтара, з’яўляюцца прыкладамі аказіянальнага ўжывання англіцызмаў: *андэйт*, *лонг-ліст*, *прынтар*, *спідометр*, *хот-дог*.

Цікавай і важнай для карыстальнікаў дапаможніка з’яўляецца дадатковая інфармацыя (у некаторых слоўніковых артыкулах) пра тое, як з’явілася значэнне слова (напрыклад, *байкот*, *дальтанізм*).

У рэцэнзуемым дапаможніку маюцца некаторыя недакладнасці. Напрыклад, у слоўніковых артыкулах часам сустракаюцца тлумачэнні, якія выклікаюць пытанні: Спідометр (ад speedometer) ‘Прыбор для вымярэння хуткасці руху транспартных машын¹ і пройдзенай адлегласці’ (с. 44). Хутчэй за ўсё аўтар узяў гэту дэфініцыю з Тлумачальнага слоўніка беларускай мовы². У Тлумачальным слоўніку беларускай літаратурнай мовы даецца наступнае азначэнне слову «спідометр»: «Прыбор-паказальнік хуткасці руху аўтамабіляў і пройдзенай адлегласці»³. На наш погляд, гэты варыянт з’яўляецца больш удалым, таму што ў ім адсутнічае словазлучэнне «транспартныя машыны», якое можа ўспрымацца сучасным чытачом як таўталогія.

Паколькі ў кнізе разглядаюцца не толькі англіцызмы, але і іх дэрываты (*ззамбіравацца*, *замбіраваны* ад *зомбі*; *клаўнада*, *клоўнскі* ад *клоўн* і інш.), якія ўтварыліся не ў англійскай мове, мэтазгодным, на нашу думку, выглядае выкарыстанне тэрміна «дэрыват» і ў назве дапаможніка.

У бібліяграфічным спісе прадстаўлены шмат цікавых аўтарытэтных выданняў. Але ў той жа час маюцца спасылкі на даўнія выданні некаторых слоўнікаў. Напрыклад, у навукоўцаў В. І. Уласевіч і Н. М. Даўгулевіч на сёння выйшлі тры слоўнікі, прысвечаныя іншамовнай лексіцы ў беларускай мове (2009, 2013, 2023). Аднак у спісе літаратуры рэцэнзуемага намі дапаможніка ёсць толькі першае выданне 2009 г. Падобная сітуацыя і са слоўнікам англійскай мовы (Collins English dictionary): у спісе змешчана выданне толькі 2000 г.

Ёсць у выданні дробныя рэдактарскія памылкі, напрыклад, памылковае ўказанне ініцыялаў адной з даследчыц: Л. І. Уласевіч (с. 3) замест В. І. Уласевіч.

Тым не менш дапаможнік М. Л. Савасцюк «Полісемія англіцызмаў у беларускай мове (з практыка-арыентаванымі заданнямі)» з’яўляецца важным унёскам у вывучэнне запазычанняў з англійскай мовы і іх дэрыватаў у беларускай літаратурнай мове. Для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі ён можа выкарыстоўвацца ў якасці гатовага практыкуму для заняткаў па лексікалогіі, стылістыцы і лінгвакультуралогіі. Для настаўнікаў і выкладчыкаў ён стане крыніцай моўнага матэрыялу і метадычных ідэй для распрацоўкі ўласных заняткаў. Журналістам, капірайтарам і рэдактарам выданне дапаможа асэнсавана падыходзіць да выкарыстання англіцызмаў, разумець іх схаваныя значэнні і пазбягаць двухсэнсоўнасці.

Нягледзячы на тое, што праца мае невялікі аб’ём і з’яўляецца адрасаванай найперш студэнтам-беларусістам, яна будзе карыснай і для спецыялістаў у галіне лексікалогіі і лексікаграфіі, укладальнікаў слоўнікаў іншамовных слоў. Выданне дапаможа ўпарадкаваць стыхійныя веды пра сучасныя моўныя працэсы, прадвызначыць у перспектыве лексіка-семантычныя магчымасці ўласнабеларускіх намінацый.

М. Р. Глушыцкая⁴, В. Я. Качан⁵

¹Тут і далей вылучана намі. – М. Г., В. К.

²Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. Т. 5. Кн. 1 / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча. Мінск : Беларус. сав. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 1983. С. 261.

³Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы : у 2 т. Т. 2 / рэд. І. Л. Капылоў. Мінск : Беларусь, 2022. С. 290.

⁴Марына Григорьевна Глушыцкая – магистрант кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Марына Рыгораўна Глушыцкая – магистрант кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Maryna R. Hlushytskaya, master’s degree student at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: maryna.hlushytskaya@gmail.com

⁵Виктория Евгеньевна Качан – магистрант кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Вікторыя Яўгеньеўна Качан – магистрант кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Viktoryia Ya. Kachan, master’s degree student at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: vetochka_k02@mail.ru

Важнік С. А. Национальная синтаксическая идиоматика: языковой этикет белорусов. Минск : БГУ, 2025. 223 с. (на белорус.).

Важнік С. А. Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка: моўны этыкет беларусаў. Мінск : БДУ, 2025. 223 с.

Vazhnik S. A. National syntactic idiomatics: Belarusian language etiquette. Minsk : Belarus. State Univ., 2025. 223 p. (in Belarus.).

Выхад манаграфіі Сяргея Аляксандравіча Важніка «Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка: моўны этыкет беларусаў» з’яўляецца значнай падзеяй у сучаснай беларусістыцы і сацыякультурнай лінгвістыцы. Праца змяшчае вынікі шматгадовай даследчай і педагогічнай дзейнасці аўтара, сканцэнтраваных вакол актуальнай і, на жаль, часта маргіналізаванай тэмы – нацыянальнай спецыфікі моўных паводзін і яе лінгвістычных асноў. Аўтар ставіць амбіцыйную мэту і паспяхова яе дасягае: ён не проста апісвае набор этыкетных формул, а бачыць у іх сістэму, якая грунтуецца на глыбокіх сінтаксічных, ідыяматычных і культурных заканамернасцях беларускай мовы. Такі падыход робіць манаграфію не толькі грунтоўнай працай, але і фундаментальным апісальным даведнікам, што вызначае яе навуковую каштоўнасць.

Аўтар уводзіць у выданні (з апорай на працы А. Я. Міхневіча і У. М. Савіцкага) паняцце «нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка» (НСІ). Пад ім разумеюцца спецыфічныя для пэўнай мовы мадэлі, канструкцыі, звароты і словазлучэнні (ад свабодных да ўстойлівых і прэцэдэнтных), якія нясуць адбітак нацыянальнага светапогляду і стылю мыслення. Гэта паняцце служыць інструментам для дэканструкцыі стэрэатыпа пра прымітыўнасць ці беднасць беларускага этыкету, дэманструючы яго багацце, сістэмнасць і ўласную логіку, якая не заўсёды супадае з логікай суседніх славянскіх моў.

Беларускі моўны этыкет, нягледзячы на сваю відавочную важнасць для нацыянальнай ідэнтычнасці, да гэтага часу не апісаны комплексна ў навуковай літаратуры. Асобныя яго формулы раскіданы па размоўніках, падручніках і даведніках, што, паводле самога аўтара, і паслужыла імпульсам да даследавання. Такім чынам, манаграфія з’яўляецца фактычна першай спробай сыстэматызаваць, прааналізаваць і тэарэтычна асэнсаваць гэты пласт мовы. Праца запоўніла істотную лакуну не толькі ў беларусістыцы, але і ў сацыялінгвістыцы ўсходне-еўрапейскага рэгіёна.

Значнасць выдання падмацоўвае яе міждысцыплінарны характар. Аўтар па-майстэрску аб’ядноўвае агульную тэарэтычную лінгвістыку (сінтаксіс, фразеалогію, лексікалогію, семасіялогію), сацыялінгвістыку (аналіз моўнай асобы, двухмоўя, моўнай сітуацыі ў Беларусі), культуралогію і этналогію

(вывучэнне нацыянальных мадэлей паводзін, каштоўнасцей арыенціраў і інш.), гісторыю літаратуры і эпісталаграфію (аналіз лістоў класікаў як прэцэдэнтных тэкстаў, што замацоўваюць этыкетныя нормы).

Такі сінтэз дазваляе пераканаўча апісаць феномен беларускага моўнага этыкету з розных бакоў.

Праца з’яўляецца актуальнай у кантэксце моўнай ідэнтычнасці ў Беларусі. Дэталёвы аналіз двух тыпаў моўнай асобы – беларускай моўнай асобы (БМА) і беларускай языковай асобы (БЯЛ) – з’яўляецца ключом да разумення сучаснай камунікатыўнай рэчаіснасці. С. А. Важнік навукова тлумачыць механізмы беларускага двухмоўя, яго ўплыў на маўленчую практыку і, як вынік, на стан этыкету. Гэты падыход мае вялікую важнасць для нацыянальнай педагогікі і культурнай палітыкі, накіраванай на захаванне і развіццё беларускай мовы.

Аўтар манаграфіі выкарыстоўвае апісальны і аналітычны (дэталёвае апісанне этыкетных формул і сітуацый), кантэкстуальны і кампаратыўны (аналіз формул у розных гістарычных і дыялектных кантэкстах, іх параўнанне з рускімі адпаведнікамі, якое праводзіцца вельмі карэктна і тактоўна, без стварэння антаганістычных лінгвістычных мадэлей), статыстычны (наяўнасць фундаментальнай эмпірычнай базы (173 публікацыі)), тэксталагічны і герменеўтычны (глыбокі аналіз эпісталаярнай спадчыны айчынных класікаў (Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, Уладзіміра Караткевіча і інш.)) метады. Рэпрэзентатыўнасць вывадаў забяспечваецца вельмі шырокай і багатай базай крыніц: ад дыялектнага матэрыялу і інтэрнэт-камунікацыі («нэтыкет») да літаратурных помнікаў і асабістых лістоў.

Манаграфія мае лагічную і збалансаваную структуру.

Ва ўводзінах вызначаюцца праблемнае поле, тэрміналагічны апарат і метадалагічны падыходы. Ужо ў гэтым раздзеле адбываецца асэнсаванне этнакультурнай спецыфікі Беларусі як полікультурнай прасторы.

Раздзел 1 «Моўная асоба – сінтаксіс» з’яўляецца тэарэтычным. Ён прысвечаны канцэпцыі НСІ і моўнай асобы. У ім прадстаўлена пераканаўчае параўнанне БМА і БЯЛ у выглядзе табліцы, якая становіцца своеасаблівай «візітнай карткай» даследавання і наглядна дэманструе складаную сутнасць праблемы.

Раздзел 2 «Этыкетныя сітуацыі» – самая аб’ёмная і практыка-арыентаваная частка выдання. Аўтар дэталёва разглядае мноства этыкетных сітуацый: вітанне і развітанне, просьбу і падзяку, згоду і нязгоду, выбачэнне, камплімент, святочныя пажаданні і амурную камунікацыю. С. А. Важнік не проста пералічвае формулы, а раскрывае іх семантыку, ступень афіцыйнасці, умоўнасці ўжывання і, што

асабліва важна, іх ідыяматычную (сінтаксічную) прыроду ў межах НСІ. Падраздзел пра камплімент (2.9–2.11) вылучаецца глыбінёй, у ім праводзіцца культурна-гістарычны экскурс.

Раздзел 3 «Эпістальны этыкет беларусаў» з’яўляецца выдатнай ілюстрацыяй «матэрыялізацыі» НСІ ў пісьмовых практыках. Аналіз лістоў, напісаных у перыяд са старадаўніх часоў да XX ст., паказвае эвалюцыю і ўстойлівасць норм, ролю пісьменнікаў-класікаў у іх фарміраванні.

У заключэнні абагульняюцца асноўныя ідэі, падкрэсліваецца, што беларуская мова мае багаты арсенал этыкетных сродкаў. Ужыванне цытаты пра «гоман векавога бору» з твора Максіма Лужаніна стварае надзвычай моцны вобразны фінал, які заклікае чытача не толькі да акадэмічнага вывучэння, але і актыўнага асваення мовы.

Такім чынам, структура выдання адпавядае прынцыпу «ад агульнага (тэорыя) да прыватнага (канкрэтныя сітуацыі) і зноў да агульнага», што робіць працу лёгкай для ўспрымання.

Цэнтральным паняццем манаграфіі выступае НСІ. С. А. Важнік паспяхова пераадольвае традыцыйнае вузкае разуменне ідыяматыкі як фразеалогіі і бліскуча пашырае яе на ўвесь спектр нацыянальна спецыфічных сінтаксічных мадэлей. Гэты падыход дазваляе ўключыць у поле даследавання не толькі ўстойлівыя звароты («*калі ласка!*», «*дай Божа!*»), але і, напрыклад, спецыфічныя канструкцыі просьбы, загаду ці звароту, якія могуць быць свабоднымі з пункту гледжання лексікі, але ідыяматычнымі з пункту гледжання іх пабудовы і выкарыстання ў беларускай мове. Такім чынам, мова разглядаецца як цэласная сістэма, дзе сінтаксіс з’яўляецца «носьбітам» культурнага кода.

Аўтар абгрунтавана адстойвае тэрмін «моўны этыкет», супрацьпастаўляючы яго больш вузкім паняццям «маўленчы этыкет» і «вербальны этыкет». Ён падкрэслівае, што менавіта мова (як сістэма) стварае і задае этыкетныя нормы, таму яны з’яўляюцца перш за ўсё моўнымі, а не проста маўленчымі. На гэты тэарэтычны пункт неабходна звярнуць увагу, паколькі ён дазваляе лічыць статус даследавання і фундаментальна-тэарэтычным, і сістэмна-лінгвістычным, і прыкладным.

Дыхатамія БМА і БЯЛ – гэта, бясспрэчна, самая яркая і найбольш дыскусійная частка тэорыі аўтара, прыдатная для сацыялінгвістычнай дыягностыкі. С. А. Важнік не абмяжоўваецца проста канстатацыяй «размаўляе па-беларуску» або «размаўляе па-руску». Ён вылучае цэлы комплекс прымет: дамінантная мова (актыўнае валоданне або пасіў); мова культуры і камунікацыі, што вызначае светапогляд і штодзённыя практыкі; мова сям’і, школы, асяроддзя, што ўказвае на сацыялізацыю. Такі падыход дазваляе зразумець, чаму чалавек, які разумее беларускую мову (БЯЛ), можа мець цяжкасці ў яе

актыўным выкарыстанні: яму не хапае не слоўнікавага запasu, а менавіта прадуктыўнага ўзроўню валодання – аўтаматызаванай здольнасці ствараць тэксты і выкарыстоўваць складаныя сінтаксічныя і ідыяматычныя мадэлі. Гэта навуковае тлумачэнне падаецца асабліва каштоўным для педагогікі і лінгвадыдактыкі.

У заключэнні аўтар паказвае, што нацыянальны код мыслення, які праяўляецца ў этыкеце, грунтуецца на ўніверсальных семіятычных апазіцыях. Аднак для беларускай традыцыі асаблівае значэнне маюць апазіцыі «свой – чужы» і «цёплы – халодны» на восі пачуццяў. Менавіта яны, на думку С. А. Важніка, робяць беларускі этыкет больш «мяккім, далікатным і цёплым» у параўнанні з рускім, дзе важнае значэнне мае вертыкальная іерархічная вось («верх – ніз»). Гэта смелая і новая гіпотэза грунтуецца на лінгвістычным матэрыяле і прапануе глыбокае культурнае тлумачэнне.

Варта адзначыць, што мова манаграфіі па-навуковаму дакладная, але пры гэтым жывая і даступная. Аўтар пазбягае залішняй акадэмічнасці, што робіць працу цікавай не толькі для спецыялістаў, але і для шырокай адукаванай аўдыторыі. Цытаванне лістоў класікаў, выкарыстанне дыялектных прыкладаў, рэфлексія наконт уласнага педагогічнага вопыту надзвычай ажыўляюць тэкст.

Бібліяграфія паказвае фундаментальную прапрацаванасць тэмы. У спіс, які змяшчаецца на 13 старонках, уваходзяць як класічныя працы па лінгвістыцы, так і сучасныя даследаванні. Выданне запрашае чытача асэнсаваць многія актуальныя пытанні: 1) пашырэнне корпусу сучасных моўных даных (сацсеткі, блогі, сучасная літаратура); 2) правядзенне параўнальнага аналізу беларускай НСІ з НСІ іншых славянскіх і неславянскіх моў; 3) даследаванне ўплыву лічбавай камунікацыі на моўны этыкет і ідыяматыку; 4) распрацоўка практычных рэкамендацый па выкладанні НСІ ў школах і установах вышэйшай адукацыі.

Манаграфія С. А. Важніка «Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка: моўны этыкет беларусаў» – гэта фундаментальная, інавацыйная і вельмі своєчасная праца. Яна робіць істотны ўклад у развіццё беларусістыкі, прапануючы новы тэарэтычны інструмент (НСІ) для аналізу нацыянальнай спецыфікі мовы. Аўтар паспяхова даказвае, што беларускі моўны этыкет – гэта не набор рэліктавых ці забытых зваротаў, а жывая, складаная і лагічная сістэма, глыбока ўкаранёная ў нацыянальную культуру і менталітэт. Праца мае вялікую практычную каштоўнасць. Яна можа стаць асновай для стварэння падручнікаў і дапаможнікаў па беларускім моўным этыкеце, распрацоўкі спецкурсаў для студэнтаў-філолагаў, журналістаў, педагогаў, павышэння моўнай культуры грамадства, а таксама звярнуць увагу на прыгажосць і дакладнасць нацыянальных камунікатыўных мадэлей,

паспрыяць прыняццю асэнсаваных рашэнняў у сферы моўнай палітыкі і адукацыі, асабліва ў кантэксце падтрымкі рэальнага нацыянальнага двухмоўя.

Навуковая вартасць працы заключаецца ў сінтэзе лінгвістычнага, сацыялагічнага і культурнага падходаў, ва ўвядзенні новых паняццяў і правядзенні глыбокага аналізу матэрыялу, які ахоплівае як гістарычныя тэксты, так і сучасную камунікацыю.

Манаграфія рэкамендуецца да шырокага распаўсюджвання сярод навукоўцаў-філолагаў, сацыялінгвістаў, культуролагаў, выкладчыкаў і студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі, а таксама ўсіх, хто

цікавіцца беларускай мовай, культурай і праблемамі нацыянальнай ідэнтычнасці. У гэтай працы С. А. Важнік не толькі падрабязна разглядае прадмет даследавання, але і скіроўвае да шырокіх грамадскіх дыскусій, чым заслугоўвае высокую навуковую і грамадскую ацэнку. Выданне з’яўляецца фундаментальным інавацыйным даследаваннем, якое ўносіць значны ўклад у развіццё беларускай лінгвістыкі, актуалізуе пытанне захавання нацыянальнай моўнай культуры.

Г. К. Чахоўскі¹

¹Георгий Константинович Чеховский – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета.

Георгій Канстанцінавіч Чахоўскі – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

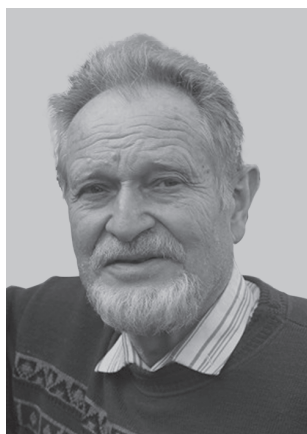
Georgy K. Chahouski, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: chekhovskyGK@bsu.by

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Вячеслав Петрович
РАГОЙША**

**Вячаслаў Пятровіч
РАГОЙША**

**Viachaslau Piatrovich
RANOJSNA**

Пакінуўшы глыбокі смутак у сэрцах усіх, хто яго ведаў, 7 лістапада 2025 г. пайшоў з жыцця Вячаслаў Пятровіч Рагойша. Ён быў светлай душой чалавекам і выдатнейшым вучоным.

Нарадзіўся Вячаслаў Пятровіч 5 чэрвеня 1942 г. у сялянскай сям’і ў мястэчку Ракаў Валожынскага раёна Мінскай вобласці. Усё жыццё ён заставаўся патрыётам сваёй малой радзімы: не толькі падоўгу жыў у бацькоўскай хаце, але і актыўна прапагандаваў родныя мясціны. Шэсць разоў за свае сродкі ў Ракаве і Валожыне Вячаслаў Пятровіч збіраў міжнародныя навукова-практычныя канферэнцыі, прысвечаныя малой радзіме. Таксама за свае сродкі на працягу дзесяцігоддзяў ён выдаваў газету «Ракаўскі шлях», дзе змяшчаў шматлікія даследаванні, прысвечаныя згаданай мясцовасці, якую нястомна вывучаў.

Вучыўся В. П. Рагойша заўсёды на выдатна. У 1963 г. з адзнакай скончыў аддзяленне беларускай мовы і літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а затым працягнуў навучанне ў аспірантуры пры кафедры беларускай літаратуры. У 1965 г. ён служыў у Савецкай арміі, у 1967 г. абараніў кандыдацкую дысертцыю. З таго часу і амаль да ско-

скай літаратуры і ўводзіны ў літаратуразнаўства на філалагічным факультэце БДУ. У 1993 г. у Маскве ён абараніў доктарскую дысертцыю, у 1994 г. атрымаў званне прафесара.

Кожная лекцыя Вячаслава Пятровіча заканчвалася апладысмантамі студэнтаў. Так бурна, не стрымліваючы свайго захаплення, адгукаліся слухачы на выключнае прамоўніцкае майстэрства, фенаменальную эрудыцыю і, галоўнае, апантанасць лектара прадметам свайго выкладання – літаратурай. Выклікала захапленне і інтэлігентнасць В. П. Рагойшы, якая пры поглядзе на навукоўца, пры першых яго словах адразу брала ў палон. Для студэнтаў, аспірантаў і калег ён заўсёды быў прыкладам мудрасці і добразычлівасці.

Вячаслаў Пятровіч – лідар на філфаку, а магчыма, і ў рэспубліцы па колькасці апублікаваных навуковых прац. Ён быў лепшым тэарэтыкам літаратуры ў Беларусі, тэарэтыкам перакладу, знаўцам сувязей беларускай літаратуры з літаратурамі іншых славянскіх краін. Доктар філалагічных навук прафесар М. М. Хмяльніцкі адзначае, што В. П. Рагойша з’яўляецца аўтарам звыш тысячы навуковых работ, апублікаваных у Беларусі і асобных

краінах Еўропы, частка якіх зафіксавана ў бібліяграфічным паказальніку, выдадзеным бібліятэкай БДУ да 60-годдзя прафесара, а таксама ініцыятарам, рэдактарам і суаўтарам шматлікіх літаратурна-навуковых выданняў, матэрыялаў канферэнцый і круглых сталоў. У ліку такіх работ каля трох дзясяткаў асобных выданняў («Паэтыка Максіма Танка. Культура вобраза. Характар верша» (1968), «Пераклад Якуб Колас...» (1972), «І нясе яна дар...: беларуская паэзія на рускай і ўкраінскай мовах» (1977), «Гутаркі пра верш. Метрыка. Рытміка. Фаніка» (1979), «Паэтычны слоўнік» (1979, 1987, 2004), «Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-руско-украинский поэтический взаимоперевод» (1980), «Напісана рукой Купалы: архіўныя знаходкі» (1981), «Кантакты» (1982), «Вяршыні: з невядомага і забытага пра Янку Купалу, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча» (1991), «І адгукнецца слова ў словес...» (1992), «Тэорыя літаратуры ў тэрмінах» (2001), «Уводзіны ў літаратуразнаўства. Вершаванне: курс лекцый» (2002), «Літаратуразнаўчы слоўнік: тэрміны і паняцці» (2009), «Беларускае вершаванне» (2010), «Мой Трыглаў: Янка Купала, Якуб Колас, Максім Багдановіч» (2012), «Асновы вершазнаўства» (2013) і інш.). Пералічаныя выданні з'яўляюцца сведчаннем высокага прафесіяналізму Вячаслава Пятровіча, яго шматаспектнага і ўдумлівага стаўлення да скарбніцы нацыянальнага і сусветнага прыгожага пісьменства. Літаратуразнаўчыя працы В. П. Рагойшы заўсёды вылучаюцца не толькі навуковай кампетэнтнасцю, шырынёй ахопу матэрыялу, але і выразнасцю, арыгінальным падыходам да прадмета даследавання.

У перыяд з 1994 па 2018 гг. В. П. Рагойша кіраваў кафедрай тэорыі літаратуры (зараз кафедра тэарэтычнага і беларускага літаратуразнаўства) філалагічнага факультэта БДУ, адзінай у краіне. У дзейнасці кафедры загадчык узяў курс на арганічнае зліццё адукацыі і навукі. Пад кіраўніцтвам Вячаслава Пятровіча праводзілася вялікая навукова-даследчая работа, у якой актыўна ўдзельнічалі не толькі выкладчыкі, але і аспіранты, магістранты, студэнты. Ні адна кафедра на факультэце, апроч той, што ўзначальваў В. П. Рагойша, не выйграла столькі студэнцкіх грантаў на распрацоўку навуковых тэм. Тут вывучалі тэарэтычныя аспекты развіцця фальклору, шэраг найбольш важных пытанняў тэорыі літаратуры (цэласнасць мастацкага твора, вершаванне, літаратурная вобразнасць, віды вобразаў і інш.), розныя мадэлі свету ў вуснай народнай творчасці і літаратуры, міжлітаратурныя сувязі. Менавіта на гэтай кафедре на працягу дзесяцігоддзяў чытаўся лекцыйны курс «Гісторыя і тэорыя сусветнай культуры», а так

сама выкладаўся дысцыпліны па асобных культурах народаў свету, якія карысталіся велізарнай папулярнасцю ў студэнтаў. Пры кафедры працавала і працуе адзіная ва ўстановах вышэйшай адукацыі Беларусі навукова-даследчая лабараторыя беларускага фальклору, дзе праводзіцца значная навуковая работа.

У Вячаслава Пятровіча засталася шмат вучняў і паслядоўнікаў (былыя студэнты, магістранты, аспіранты), ёсць вучні нават у Грузіі, Украіне, Польшчы. Да тых, каго ён выправіў у навуковую дарогу, непасрэдна кіруючы напісаннем дыпломных і дысертацыйных прац, можна дадаць шматлікіх дактароў і кандыдатаў навук, чые інтарэсы В. П. Рагойша шчыра адстойваў шмат гадоў у спецыялізаваным савеце Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь, а таксама тых, хто абараняўся пад яго старшынствам у дысертацыйным савеце па літаратуразнаўстве ў БДУ.

Пад кіраўніцтвам Вячаслава Пятровіча калектыв аўтараў ствараў падручнікі, вучэбныя дапаможнікі для ўстаноў вышэйшай адукацыі, а таксама для базавай школы, школы з паглыбленым вывучэннем літаратуры, якая існавала ў 1990-я гг. Такая дзейнасць была ў многім наватарскай і ў гісторыі літаратуры, і ў методыцы выкладання.

Сваімі маштабамі ўражае і грамадская дзейнасць В. П. Рагойшы. Ён быў прэзідэнтам Міжнароднага фонду Янкі Купалы, акадэмікам Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі, сябрам рэдкалегіі розных навуковых і навукова-метадычных выданняў, старшынёй навукова-метадычнай камісіі (секцыя беларускай мовы і літаратуры) Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, старшынёй секцыі беларускай мовы і літаратуры вучэбна-метадычнага аб'яднання па гуманітарнай адукацыі, сябрам Саюза беларускіх пісьменнікаў з 1969 г. як даследчык літаратуры, крытык, перакладчык, паэт. Пад навуковым кіраўніцтвам В. П. Рагойшы выходзілі шматлікія зборнікі артыкулаў, напрыклад «Міфалогія – фальклор – літаратура: праблемы паэтыкі».

Дзейнасць Вячаслава Пятровіча адзначана на дзяржаўным узроўні шматлікімі граматамі ад розных вучэбных і навуковых устаноў, у тым ліку замежных, медалямі, ордэнам Францыска Скарыны.

У навуковай і адукацыйнай карпарацыі гуманітарыяў Беларусі В. П. Рагойша быў адной з ключавых асоб, бясспрэчным аўтарытэтам. Па разнастайнасці інтарэсаў і дзейнасці, па глыбіні навуковых даследаванняў яму, бадай, не было роўных. Памяць пра Вячаслава Пятровіча назавешае застанецца ў філалагічнай і ўсіх дзячаў культуры рэспублікі.

Т. І. Шамякіна¹

¹Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; независимый исследователь.

Тацяна Іванаўна Шамякіна – доктар філалагічных навук, прафесар; незалежны даследчык.

Tatyana I. Shamyakina, doctor of science (philology), professor; independent researcher.

E-mail: shamyakina@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНАІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.124'276.6:61(075.8)

Медицинская латынь : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-05 «Классическая филология» / БГУ ; сост. Е. В. Стриго. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 132 с. : ил. Библиогр.: с. 129–132. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/336881>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.11.2025, № 013211112025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Медицинская латынь» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-05 «Классическая филология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: процесса формирования медицинской терминологии на латинском языке, фонетических особенностей медико-биологических терминов, принципов построения латинских анатомо-гистологических, фармацевтических и клинических терминов, правил оформления латинской части рецепта, синтаксической структуры биномиальных и униномиальных названий таксономических единиц, некоторых аспектов методики преподавания медико-биологической терминологии. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также он может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 811.161.1'243(072)(075.8)

Скворцова Н. Н. Аспектное обучение языкам как иностранным : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0232-01 «Языкознание» / Н. Н. Скворцова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 124 с. Библиогр.: с. 46–47. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/338325>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 03.12.2025, № 015103122025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 7-06-0232-01 «Языкознание» (профилизация «Русский язык как иностранный»). В теоретическом разделе ЭУМК рассматриваются научные основы аспектного и аспектно-комплексного преподавания иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного, раскрывается содержание ключевых в данном курсе понятий, сопоставляются методические подходы к организации аспектных занятий по русскому языку как иностранному. ЭУМК включает также практический раздел, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел. Их содержание облегчает подготовку к практическим занятиям и итоговой аттестации по учебной дисциплине.

УДК 811.111'276.6:33(075.8)

Иностранный язык (английский) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика», 6-05-1036-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-1036-03 «Государственный аудит» / БГУ ; сост.: А. А. Воскресенская [и др.] ; под общ. ред. А. А. Воскресенской. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 244 с. Приложение. Библиогр.: с. 234. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/338432>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.12.2025, № 015405122025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Иностранный язык (английский)» с креативным компонентом разработан для студентов первого курса очной формы обучения экономических специальностей. Содержание комплекса ориентировано на поэтапное формирование и развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций, необходимых для успешного освоения дисциплины и применения иностранного языка в образовательной и профессиональной среде. Цель ЭУМК – обеспечить студентов полным набором учебных и методических материалов, предназначенных как для работы в аудитории, так и для самостоятельного изучения.

УДК: 821.581.09"19/20"(075.8)

Жуковец В. В. Современная литература страны изучаемого восточного языка (китайская) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0232-06 «Восточная филология» / В. В. Жуковец ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 64 с. Библиогр.: с. 59–64. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/339103>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.12.2025, № 016317122025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Современная литература страны изучаемого восточного языка (китайского)» предназначен для студентов специальности 6-05-0232-06 «Восточная филология». ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел с образцами упражнений для практических занятий, включающий задания с креативным компонентом, раздел контроля знаний с примерами УСР и экзаменационной работы, вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

УДК 811.581(075.8)+003.324.1(075.8)

Карасева К. В. Системы письменности изучаемого восточного языка (китайский) : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-07-0312-01 «Востоковедение» / К. В. Карасева, А. Я. Лобанова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 152 с. : ил. Библиогр.: с. 151–152. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/340106>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.01.2026, № 000419012026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Системы письменности изучаемого восточного языка (китайский)» предназначен для студентов специальности 7-07-0312-01 «Востоковедение». В ЭУМК содержится история развития китайской письменности, рассматриваются основные иероглифические ключи, эволюция их начертания и семантики, приводятся современные значения и произношение, а также правила каллиграфии и варианты размещения данных графем в более сложных знаках.

УДК 811.1/.8(072)(075.8)

Специфика научного исследования по методике преподавания языка : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения) / БГУ ; сост. И. М. Саникович. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 36 с. Библиогр.: с. 35–36. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341045>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.02.2026, № 002405022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения). Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: методики преподавания языка как науки и актуальных направлений исследований в области преподавания языка, организации исследования по методике преподавания языка, методов исследования в методике преподавания языка, оформления результатов исследования по методике преподавания языка. ЭУМК предназначен для магистрантов филологического факультета БГУ, также он может быть использован обучающимися других учреждений высшего образования.

УДК 81:1(075.8)

Философия языка : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» / БГУ ; сост. Л. А. Козловская. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 24 с. Библиогр.: с. 24. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341466>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 10.02.2026, № 002510022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Философия языка» для специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование» содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний с заданиями для УСР и экзаменационными вопросами, вспомогательный раздел, содержащий перечень литературы, рекомендуемой для

изучения дисциплины. Настоящий ЭУМК предназначен для магистрантов филологического факультета БГУ, также он может быть использован в образовательном процессе других учреждений высшего образования.

УДК 811.111'0(075.8)

Кулиева О. Н. История языка (английский язык) : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» / О. Н. Кулиева, Е. С. Астапкина ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 127 с. : ил. Библиогр.: с. 122–123. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341503>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.02.2026, № 002811022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «История языка (английский язык)» предназначен для студентов 3-го курса специальности 6-05-0232-04 «Романо-германская филология» и нацелен на формирование знаний об основных исторических процессах развития и этапах становления английского языка, а также интеграцию знаний, полученных в рамках курсов лингвистического цикла. В ЭУМК представлены теоретический материал и практические задания, направленные на формирование иноязычной коммуникативной, языковой, социокультурной и переводческой компетенций специалистов с квалификацией «Филолог-переводчик. Преподаватель». Структура ЭУМК включает теоретический, практический раздел, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 811.1/.8(072)(075.8)

Методика преподавания языка в высшей школе : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения) / БГУ ; сост. Т. В. Рубаник. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 99 с. Библиогр.: с. 97–99. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341598>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.02.2026, № 003113022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения). Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: специфики методики преподавания языка в высшей школе как педагогической науки и учебной дисциплины, планирования и организации учебного процесса в учреждениях высшего образования, контроля знаний, умений и навыков студентов по дисциплинам лингвистического профиля, современных технологий преподавания лингвистических дисциплин в высшей школе. ЭУМК предназначен для студентов филологического факультета БГУ, также он может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 81'271(075.8)

Искусство речи и речевая культура : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения) / БГУ ; сост. С. А. Шантарович. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 75 с. Библиогр.: с. 75. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341620>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.02.2026, № 003416022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения). Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: сопоставления понятий «искусство речи» и «культура речи», речевой деятельности и речевой культуры, коммуникативных аспектов искусства речи, «речевой нормы» и ее видового многообразия, вариантов и кодификации языковой нормы, этического аспекта искусства речи и речевой культуры, культуры диалогической речи. ЭУМК предназначен для магистрантов филологического факультета БГУ, также он может быть использован обучающимися других учреждений высшего образования.

УДК 81'1(075.8)

Бобко Т. В. Лингвистическая прагматика : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма образования) / Т. В. Бобко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 28 с. Библиогр.: с. 26–28. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/342067>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.02.2026, № 003919022026. Текст : электронный.

ЭУМК предназначен для методической помощи студентам в систематизации учебного материала при освоении дисциплины «Лингвистическая прагматика» и подготовке к промежуточной аттестации. В ЭУМК представляются основные термины современной лингвопрагматики и теории коммуникативного взаимодействия, предлагаются материалы, в том числе творческого характера, для подготовки к практическим занятиям.

УДК 811.124(075.8)

Стриго Е. В. Латинский язык : электрон. учеб.-метод. комплекс с креатив. компонентом для спец.: 6-05-0511-01 «Биология», 6-05-0511-03 «Микробиология», 6-05-0511-02 «Биохимия», 7-07-0511-01 «Фундаментальная и прикладная биотехнология», 6-05-0521-01 «Экология» / Е. В. Стриго ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 81 с. : ил. Библиогр.: с. 79–81. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/342087>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 19.02.2026, № 004019022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Латинский язык» предназначен для студентов специальностей 6-05-0511-01 «Биология», 6-05-0511-03 «Микробиология», 6-05-0511-02 «Биохимия», 7-07-0511-01 «Фундаментальная и прикладная биотехнология», 6-05-0521-01 «Экология». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: истории формирования латинской биологической терминологии, фонетики латинского языка, образования униномиальных и биномиальных терминов в ботанической и зоологической номенклатурах, латинской химической терминологии, образования биологических терминов с помощью корневых и аффиксальных терминоэлементов греко-латинского происхождения. ЭУМК предназначен для студентов биологического факультета БГУ, также он может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 80(072):004(075.8)

Методика применения компьютерных технологий в преподавании филологических дисциплин : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения) / БГУ ; сост. А. А. Акушевич. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2026. 32 с. Библиогр.: с. 30–32. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/342278>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 23.02.2026, № 004523022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для магистрантов специальности 7-06-0113-02 «Филологическое образование» (заочная форма обучения). Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов методики применения компьютерных технологий в преподавании филологических дисциплин. ЭУМК также может быть использован обучающимися других учреждений высшего образования.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Боровик Н. А.</i> В погоне за современностью: о повороте в новой китайской поэзии.....	5
<i>Сидорова Т. П.</i> Архимандрит Феодор (Бухарев) как литературный критик.....	17

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ковалевская И. И.</i> Договорный дискурс как система речевого взаимодействия.....	33
<i>Палагина А. Н.</i> Прагмакоммуникативная специфика интолерантного интернет-дискурса, обусловленного семантикой богатства (на материале немецкого языка).....	42
<i>Дунай Е. В., Исаченкова М. А.</i> Семантика имен представителей древнеарабского пантеона.....	55
<i>Зуева О. В.</i> Старобелорусские окружные послания XVI–XVII вв.: эволюция церковно-религиозных эпистолярных коммуникаций.....	66
<i>Леон О. В.</i> Метанарративная рефлексия о структуре жизненного сюжета в англо- и русскоязычном биографическом нарративе.....	78
<i>Перзаишкевич А. О.</i> Закономерности выбора средств перевода слов категории состояния с русского языка на французский.....	87

РЕЦЕНЗИИ

<i>Глушицкая М. Г., Качан В. Е.</i> Савастюк М. Л. Полисемия англицизмов в белорусском языке (с практико-ориентированными заданиями).....	98
<i>Чеховский Г. К.</i> Важник С. А. Национальная синтаксическая идиоматика: языковой этикет белорусов.....	100

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Вячеслав Петрович Рагойша.....	103
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	105

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Баравік М. А.</i> У пагоні за мадэрнавісцю: аб павароце ў новай кітайскай паэзіі.....	5
<i>Сідарава Т. П.</i> Архімандрыт Фёдар (Бухараў) як літаратурны крытык.....	17

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Кавалеўская І. І.</i> Дагаворны дыкурс як сістэма маўленчага ўзаемадзеяння	33
<i>Палагіна А. М.</i> Праграмакамунікатыўная спецыфіка інталерантнага інтэрнэт-дыскурсу, абумоўленага семантыкай багацця (на матэрыяле нямецкай мовы)	42
<i>Дунай К. В., Ісачанкава М. А.</i> Семантыка імёнаў прадстаўнікоў старажытнаарабскага пантэона	55
<i>Зуева В. У.</i> Старабеларускія акружныя пасланні XVI–XVII стст.: эвалюцыя царкоўна-рэлігійных эпістальярных камунікацый.....	66
<i>Леон В. В.</i> Метанаратыўная рэфлексія аб структуры жыццёвага сюжэта ў англа- і рускамоўным біяграфічным наратыве	78
<i>Перзашкевіч Г. А.</i> Заканамернасці выбару сродкаў перакладу слоў катэгорыі стану з рускай мовы на французскую.....	87

РЭЦЭНЗІІ

<i>Глушыцкая М. Р., Качан В. Я.</i> Савасцюк М. Л. Полісемія англіцызмаў у беларускай мове (з практыка-арыентаванымі заданнямі).....	98
<i>Чахоўскі Г. К.</i> Важнік С. А. Нацыянальная сінтаксічная ідыяматыка: моўны этыкет беларусаў.....	100

ПАМЯЦІ ВУЧОНАГА

Вячаслаў Пятровіч Рагойша.....	103
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	105

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Baravik M. A.</i> In pursuit of modernity: on the turn in the new Chinese poetry.....	5
<i>Sidorova T. P.</i> Archimandrite Feodor (Bukharev) as a literary critic.....	17

LINGUISTICS

<i>Kovalevskaya I. I.</i> Contractual discourse as the system of speech interaction.....	33
<i>Palahina A. N.</i> Pragmatic and communicative specifics of intolerant internet discourse, determined by the semantics of wealth (based on the German language).....	42
<i>Dunai K. V., Isachenkova M. A.</i> Semantics of names of the ancient Arabic pantheon representatives....	55
<i>Zuyeva O. V.</i> Old Belarusian encyclicals of the 16 th –17 th centuries: evolution of church religious epistolary communications.....	66
<i>Leon O. V.</i> Metanarrative reflection on life plot structure in English and Russian biographical narrative.....	78
<i>Perzashkevich H. A.</i> Patterns of choosing the means of translating words of category of state from Russian into French.....	87

REVIEWS

<i>Hlushytskaya M. R., Kachan V. Ya.</i> Savasciuk M. L. Polysemy of Anglicisms in the Belarusian language (with practice-oriented tasks).....	98
<i>Chahouski G. K.</i> Vazhnik S. A. National syntactic idiomatics: Belarusian language etiquette.....	100

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Viachaslau Piatrovich Rahojsa.....	103
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	105

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 1. 2026**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 1. 2026**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка»
(ISSN 2308-9180).

Редактор *А. С. Люкевич*
Технические редакторы *М. А. Панкратова,*
А. Р. Голик
Корректор *В. И. Авчинникова*

Подписано в печать 27.02.2026.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 1. 2026**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editor *A. S. Lyukevich*
Technical editors *M. A. Pankratova,*
A. R. Golik
Proofreader *V. I. Auchynnikava*

Signed print 27.02.2026.
Edition 25 copies. Order number 0000.